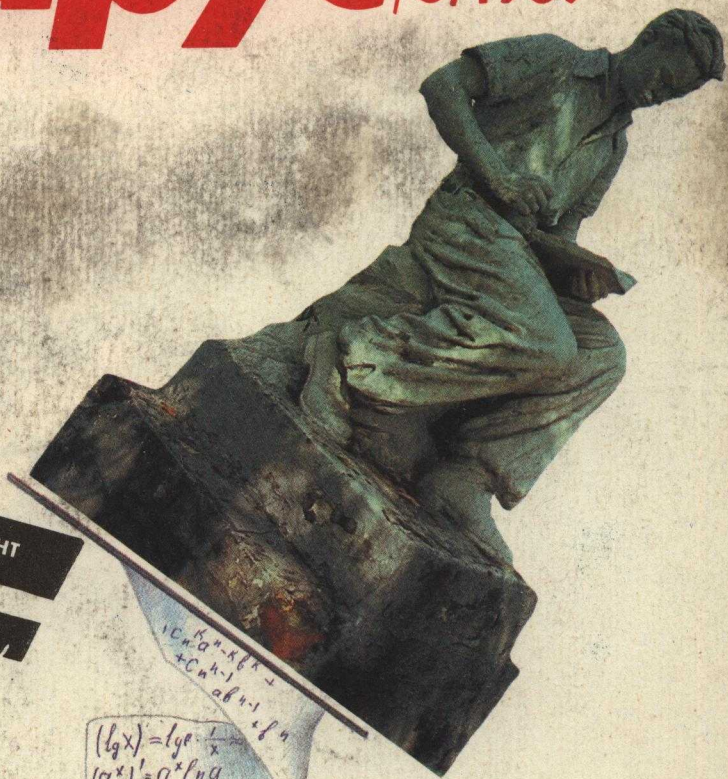

Парус

ISSN 0235—2737

6/1989

ШПАРГАЛКА — БУМАЖНЫЙ ПОСТАМЕНТ
ИЛИ ФУНДАМЕНТ ЗНАНИЙ!

Смотрите стр. 10

$$\begin{aligned} & 1C_n a^n - kC_n \\ & + C_n a^{n-1} \\ & \dots \\ & (lg x)' = \frac{1}{x} \\ & (a^x)' = a^x \ln a \\ & (e^x)' = e^x \\ & (\sin x)' = \cos x \\ & (\cos x)' = -\sin x \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} & a_1 x^1 + a_2 x^2 + \dots + a_n x^n \\ & a_1 x^1 + a_2 x^2 + a_3 x^3 + \dots + a_n x^n \\ & \Delta_1, \Delta_2, \dots, \Delta_n \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} & \int \frac{ax+b}{x^2+bx+c} dx \\ & \int \frac{ax+b}{x^2+bx+c} dx \\ & \int \frac{ax+b}{x^2+bx+c} dx \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} & V = \frac{1}{2} (p_1 + p_2) a \\ & S = \frac{1}{2} (p_1 + p_2) a \\ & V = \frac{1}{2} (p_1 + p_2) a \end{aligned}$$

Юрий Шатунов («ГЛАСКОВЫЙ МАЙ»)

фото А. КУДРЯВЦЕВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Парус

Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный иллюстрированный журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

Минск, «Польмя» Издается с июля 1972 г.

В номере

Повод для знакомства

Алла НИКИТИНА. Перекричать страх	2	2
<i>По сути дела</i>	8, 64	8, 64
<i>Контрольная</i>	9	9
Александр РОСИН. Беспроигрышная лотерея?	10	10
<i>Малая редколлегия</i>	12	12
<i>Работа над ошибками</i>		
Игорь МУФЕЛЬ. Непонимание, или Как я начал учить эстонский	20	20
<i>Линия огня</i>		
Валентин МАСЛЮКОВ. Испытание	24	24
<i>Вместе с Малгожатой</i>	32	32
<i>Авторский лист</i>		
Ирина АНДРИАНОВА. Мой сумасшедший папа. Маленькая повесть	34	34
<i>Читатель почитывает, а писатель подсчитывает</i>	45	45
<i>Стихотворная тропа</i>		
Светлана БУРЧЕНКОВА	46	46
<i>Трубка мира</i>		
Лариса Петровна. Самсоздат	48	48
<i>Боедем за наших!</i>		
Елена КАШИНА. Приглашение к рок-н-роллу	50	50
<i>Ищу друга</i>	53	53
<i>Детям — о взрослых</i>		
Ирина ПАВЛЮЧИК. Еще не финиш...	54	54
<i>Ателье «От Рины»</i>	56	56
<i>Камертон</i>		
Светлана ШИДЛОВСКАЯ. Я хочу быть с тобой	58	58
Оформление 1-й стр. обложки — Валерий РУЛЬКОВ	I	I
Оформление 4-й стр. обложки — Сергей СТЕЛЬМАШОНОК	IV	IV

Макет номера подготовили В. Рульков и В. Жгунцова

Здесь, на поле, напротив названий публикаций номера, по десятибалльной шкале проставьте свои оценки, отрежьте анкету и вышлите в редакцию

Здесь по десятибалльной шкале оценки за оформление публикации.

6 / 1989

На его куртке — три значка.

Прошлым летом кооперативные прилавки привокзальной Москвы были завалены этим товаром. Покупательский спрос удовлетворялся вполне. За рупь-два можно было приобрести лик кумира, откровение мудреца, политический лозунг, рекомендацию Минздрава, умную мысль, рекламу очередной благотворительной акции — словом, все, что захочешь. И каждый хотел свое.

Знакомиться с человеком можно было запросто: покажи мне свой значок, и я пойму, кто ты.

Воящая разногласица разноцветных пластмассовых отпрысков гласности и плюрализма напоминала грай большой перемены. И вдруг становилось страшно, как в детстве: вот сейчас оборвется электрическим дребезжанием звонка. И все — по классам. Каждый — за свою дверь. И — тишина.

Три значка на его куртке декларировали следующее:

«Бригада С»

«Не учите меня жить!»

«Мемориал»

И если бы я не знала о нем ничего, я все равно захотела бы познакомиться. Ну хотя бы спросить, чем уж так дорог ему лидер группы «пролетарского джаза»?

Почему в таком резком тоне отвергается педагогика старших товарищей?

Какое отношение он имеет к общественной организации «Мемориал»?

Подождала бы из-за третьего значка. Потому что неоднажды от его сверстников и от тех, кто немного помладше, слышала о полном нежелании как-то связываться в политику, о равнодушии к сталинщине, к истории нашего государства. И к тому, что происходит сейчас: все равно, мол, вранье, и тогда, и теперь, и не впутывайте нас в ваши дела. Вы натворили — вам и расхлебывать. Одни при этом ловили «кайф» от песен Шевчука и той же «Бригады С», другие упорно грызли гранит науки и укрощали компьютер, совершенно уверенные: их дело — базис, третьих увлек мелкий бизнес, незатейливые операции по перепродаже дефицита.

Были, конечно, четвертые, но отнюдь не каждый четвертый был четвертым. Они сжимали зубы на фильме «Покаяние», когда третьи хлопали дверьми. Они передавали друг другу статьи в толстых журналах и перепечатанные программы Народных фронтов. Они создавали политические театры и получали первые зуботычины от недовольных.

Но четвертых было мало.

Молодой человек с тремя значками на куртке принадлежал к меньшинству. В свои двадцать четыре он сделал так много, как, быть может, никто из его ровесников. И прежде, чем получить одну-единственную награду, был изгнан с работы, отчислен из института.

Познакомились мы с Дмитрием Юрасовым в ДК МЭЛЗ глубокой осенью прошлого года, где шла подготовка к Неделе совести, организованной журналом «Огонек», «Литературной газетой» и творческими союзами. Здесь впервые должны были собраться бывшие узники сталинских лагерей, а также писатели, кинематографисты, журналисты, театральные деятели страны, чтобы вспомнить погибших товарищей, публично осудить террор и беззаконие, приступить к созданию общесоюзной организации «Мемориал».

лицо выдавали человека «не вашего» поколения. Но реакция устроителей, приветливо пропустивших его поближе к микрофону, мгновенно сняла сомнения и разожгла любопытство.

На встрече с «Парусом» Юрасов согласился сразу же, несмотря на «полный цейтнот», так как — по его словам — с удовольствием читает наш журнал. Поблагодарил за музыкальные странички, особенно за те, что о «Бригаде С», и добавил: «Я — бригадист».

И указал на значок.

Вот тогда-то я прочла надписи на двух остальных. И, после более близкого знакомства с Димой, попыталась доказать, прежде всего себе самой, что в человеке ничего случайного нет, что даже значок — точка пересечения причин и следствий. А три значка — многозначие, за которым вполне осознанная определенность.

Поначалу, признаться, принадлежность Юрасова к бригадистам не слишком обрадовала. Вспомнился оскал сукачевской маски на экране, его залитые назад волосы, прессинг на зал... Вот если бы что-нибудь более благородное, менее сокрушительное, что-нибудь уводящее на философские высоты, успокаивающее измученного человека, ну хотя бы обещающее ему во сне «год золотой». А тут...

повод для знакомства

РЕКРИЧАТЬ СТРАХ

Алла НИКИТИНА

Накануне в небольшом зальчике состоялась пресс-конференция с устроителями. Журналистам было тесно. Сидели на ручках кресел, на полу, на подоконниках, уступив центр телевизионной аппаратуре, кино- и фотокорреспондентам. Дверь была раскрыта, и в проеме толпились представители прессы, вытянув шеи и руки с диктофонами. Они очень неохотно отреагировали на вежливую, но настойчивую просьбу потесниться и пропустить в зал молодого человека. Женщина вела за собой высокого широкоплечего парня в куртке с тремя значками. Коротко подстриженные виски, некоторые атрибуты костюма и юное

Жесткий Сукачев со своей бригадой не вызывал у меня симпатий. Сценический имидж люмпена Шарикова с его декларациями, с его нечленораздельными, но агрессивными желаниями вызывал потребность заткнуть уши и выключить из поля зрения этого «героя».

Но, по рекомендации Димы, вслушалась и начала понимать — не на тех злюсь. Они неизбежны, как горькое лекарство при отравлении организма. Иначе не очиститься. Сцена ведь в самом деле ничего не придумывает. Ни-че-го! Сцена отражает жизнь. По определению Александра Герцена, она — зеркало. Рок развернул это зеркало так, что в нем хорошо отразилась зафасадная

часть нашего здания. «Бригада С» лишь перевернула перспективу и приблизила отдаленное соответственно своим представлениям. И представления эти не с неба свалились, их постепенно сложила жизнь с ее уроками дома, в школе, на улице, в людях.

Можно, конечно, как угодно клясть «неправильные» их взгляды, искажения, называть такое искусство сатанинским. Но, возвращаясь вечером с работы домой, проходя мимо пивного ларька, непременно встретишь на своем пути героев рок-шоу. И этих — уже не выключишь. Они тебя выключить могут. И вот тогда начинаешь думать: откуда они? Кто их отцы и кто их дети? Сколько их вообще? И только ли у пивной? А ты кто такой, когда хочешь кого-то «выключить»?

Музыканты говорят: у каждого поколения есть свой темброво-ритмический код. Он не лучше и не хуже. Он — данность. Производное времени.

Поколение 30-х дерзало под звуки вдохновляющих маршей. Стройные колонны запечатлены в кинолентах и на фотографиях. И сегодня, просматривая эти документы времени, с трудом веришь, что молодые наши дедушки и бабушки, гордо шагающие по Красной площади, вскоре тихо исчезнут (во всяком случае, многие из них) в таежных и степных спецлаггах. Их внуки делают сейчас все, чтобы они не исчезли навсегда. «Бригадист» Дмитрий Юрасов внес в свою картотеку 180 000 имен репрессированных.

Их внуки не побоялись назвать картину страшной (Сукачев: «Я только лишь часть этой страшной картины, рожденной, увы, этим страшным творцом»), кричать об этом со сцен, на дискотеках, с экранов телевизоров, с выставочных полотен, срывая голоса. Кричать, чтобы перекричать в себе страх своих бабушек.

Из беседы.

— На дискотеке я был дискотечником. Бесился вместе со всеми под «Бригаду С». Как будто что-то из себя выколачивал. А потом уходил, и меня начинало преследовать ощущение напрасно потраченного времени. И тогда я наказывал себя. Я садился за стол и вместо 100 карточек, положенных по плану, делал 150. Я понимал, что время дорого, что надо спешить... Их миллионы. Но я живой человек, и я все-таки бывал там, где бывают все мои сверстники. Мне это было необходимо. Просто спал меньше — по четыре-пять часов в сутки. Потом стали глаза садиться... Одна операция уже была.

Здесь я обрываю, потому что, не выдержав, решила, подобно Минздраву, наставить: «Разве можно так?!» И тут наткнулась взглядом на второй значок:

В нем такое напористое, такое отсекающее предупреждение (яйца — курице), что следующей фразой может быть только: «Закрой рот, я уже все сказал». Я представила благородный гнев старца, от всей души дарящего юноше свое сокровище: кладезь мудрости, нажитый за длинную жизнь. А в ответ каменная неблагодарность. Все народы в своих сказках разделялись с упрямыми юношами. Но сказки сочиняют старцы, а юноши в это время — живут, совершают ошибки, нарушают запреты, движутся в направлении, которое почему-то принято называть прогрессом.

Юрасов — типичный упрямец. Он ослушался маму с папой — выбрал в жизни «не то» дело; армейского старшину, запретившего вносить в записную книжку что-либо, кроме адресов; инструкцию, угрожавшую отлучением от дел за попытку заглянуть в папки со следственными делами репрессированных; здравого смысла: «Я делаю зряшную работу. Я собираю то, что уже давно собрано, просто находится под замками». Наконец, Минздрава — он курит сигарету за сигаретой, теряет зрение, сидя ночами над картотекой.

Однажды, а потом и дважды, и трижды, его обманули, может быть, желая добра. Он хотел узнать, что означает слово «репрессирован». Учительница ему не ответила — оберегала от скорби, которую умножает знание. Юрасову тогда было тринадцать, он любил копаться в энциклопедических словарях, а поскольку был внимательным, то часто встречал там это самое слово, постоянно сопутствующее некоторым датам. Вот и хотел выснить закономерность.

Признаться, я сначала не поверила, что в школе этого не проходили. В наше время, в середине шестидесятых — проходили, и еще как. И по газетам, и по воспоминаниям, и по учебникам. Но, оказалось, ветер перемен конца шестидесятых оди листки из учебника незаметно унес, другие — принес. А учителя решили, что они люди маленькие, и раз в учебниках про репрессии ничего нет, значит, и Диме знать о них не положено. Не сказать правду — это ведь еще не соврать...

Соврали ему в другой раз, когда он уже стал постарше. Кое в чем сам разобрался, посидев в библиотеках и прочитав газеты 50-60-х годов. И потому пошел за правдой не в школу, где учился в девятом, а в Архив Октябрьской революции. Уж там-то, был уверен, ему должны ответить на все вопросы. К шестидесятилетию юбилею комсомола проходила городская олимпиада по истории комсомола. Комсомолец Юрасов захотел ответить на все вопросы как можно более полно. И еще он хотел выяснить кое-что сверх требуемого олимпиадой. К тому времени он начинает картотеку имен репрессированных. Он уверен пока, что сможет собрать всех под одну крышу, как собирают физиков или биологов, и составить такой справочник, которого еще не встречал.

У Димы отличная память, он воспроизводит диалоги в лицах и интонациях. Впрочем, может быть, потому, что лица и интонации в те моменты говорили больше, чем слова. Вопреки ожиданию, в архиве его не встретили с распростертыми объятиями. Женщина, к которой он обратился, очень удивилась: школьник — и в святая святых всех тайн... Вместо ответов он получил вопросы.

Воспроизвожу Димин рассказ.

— Она удивилась: «Почему школьник идет в архив?». Я объяснил.

— А кто тебя сюда направил?

Я сказал: никто.

— А как ты узнал о нас?

Пришлось и это объяснять.

— Хорошо, оставь письменный запрос на свои вопросы. Мы тебе пришлем ответ.

И тогда я решился.

— У меня есть перечень фамилий. Эти люди были репрессированы в тридцатые годы, и я бы хотел знать, кем они работали, в каком году были арестованы и за что.

Она мгновенно протянула руку за списком:

— Дай сюда список! Зачем тебе это нужно?

И как-то так посмотрела, что я понял: говорить правду нельзя. О картотеке я умолчал, сказал, что просто интересуюсь историей, событиями и людьми, которые были репрессированы. Дальнейшее напоминало допрос.

— А почему ты ими интересуешься? А этот список кто тебе составил?

Со словами: «Пусть полегит у нас» она забрала список себе. Сердцем я понял: не поможет. В списке были фамилии секретарей райкомов партии, которые я выписал из пятитомника «Истории КПСС», так что никакого криминала. Но умом не мог понять: как это в архиве — и не помогут, это ведь их обязанность... Меня выставили, как щенка, никаких ответов я не получил. И я почувствовал, как во мне накапливается злость против лжи взрослых. И я решил: все равно сделаю то, что хочу. Если по условиям вашей игры надо врать и выкручиваться, значит, буду врать и выкручиваться. Но дело сделаю.

После школы он пришел работать в тот же архив. Поговорил умело — приняли.

И он начал действовать так, как диктовали обстановка и обстоятельства. И принятые условия взрослой игры. Он увидел десятки тысяч дел, укрытых надежным грифом «ДСП» — для служебного пользования — от света и человеческого глаза. А в этих делах — история расправ над невинными, документы, называющие не только жертв, но бессовестных авторов клеветнических сочинений: свидетелей, следователей — тех, без кого машина сталинизма не функционировала бы. И об этом хотелось рассказать. Но шел только 1982-й. Дима уже был далеко не так наивен, как в школе. У него появилось дело: картотека, возможность работать в архиве. Он, наконец, поступил на вечернее отделение Историко-архивного института. До армии оставалось немного времени, и его надо было использовать с толком. И он по разным поводам врал и выкручивался, входил в хранилища и раскрывал папки, чтобы в который раз ужаснуться и вынести на свет еще одно упрямое в подвал человеческое имя.

Сотни, тысячи имен покидали темные хранилища. Потом многие из них он вернет родным и близким.

Жизнь обрела конкретный смысл. Цель на тот момент оправдывала средства. Иначе невозможно было действовать.

В армии он тоже врал: старшине, когда тот беззастенчиво листал его, Юрасова, записную книжку с набором букв и дат. А что он мог ему сказать? Что за счет своего личного сна (служба была вахтовая: шесть часов работали, шесть отдыхали) сидит в библиотеке, листает военные справочники, мемуары, словари, старые газеты и выписывает в эту самую книжку недостающие ему имена, фамилии, даты ареста, смерти? И что их так много, что этот исполнительный старшина и представить себе не может?

Он обманывал добрую библиотечаршу, когда та, как-то заметив усталость, пригрозила пожаловаться начальству, что солдат Юрасов не до-

сыпает и тем самым наносит ущерб себе, а следовательно, и Вооруженным Силам. Он убеждал ее, что спать не хочет или что завтра обязательно выспится. Но завтра повторялось то же самое.

Однажды он соврал самому начальству. Соврал, потому что его сослуживец сказал правду, — конфисковал из тумбочки Юрасова рукопись романа «Братья Кагановичи», который Дима писал в свободное от службы и библиотеки время и вечерами читал однокашникам. Тот сослуживец слушал вместе со всеми, ждал продолжения, а потом... то ли позавидовал Диминой популярности, то ли так был воспитан, но свое дело сделал. Юрасова вызвали в политотдел и заставили под страхом военного трибунала отказаться от рукописи. Пообещал, что больше не будет. И в самом деле, никто продолжения эпопеи не слышал. Но оно все-таки следовало. А начало, в основу которого легли архивные документы и его, юрасовское, нетерпение, так и хранится где-то в армейском архиве, если верить, что рукописи не горят. Это доноса, похоже, покатило на «гражданку». Во всяком случае, на прежнее место — архивариусом — автора «Братьев Кагановичей» не приняли.

— Вот видишь, — сказала я, — традиции доносов и запретов ты испытал на себе.

— Да, — ответил он, — армия мне была просто необходима. Она вливалась в меня силы. Я понял, что работа предстоит огромная, быть может, на долгие годы. И делать ее надо по возможности непрерывно. Я привез оттуда пятьсот карточек.

Мы стоим на крыльце Дворца культуры. Завтра начинается Неделя совести, о чем гласит афиша. Молчаливая интеллигентная очередь в билетную кассу отделена от нас стеклом. Вот сейчас он, Дима, войдет в дверь и растворится, и скольким людям станет необходим. Они потянутся друг за другом, пожилые, седоволосые, со справками о реабилитации своих родных и близких, и будут ждать ответа, где и как найти их следы. А многие и без справок придут. Назовут имя, фамилию, год и место ареста, и Юрасов скажет, где искать «дело» такого-то.

Ему нужно сделать один шаг, открыть дверь... А он достает очередную сигарету.

— Нельзя ждть перемен сверху, сбоку. Самим надо что-то делать.

— Ну что, например, могут подростки?

— Что? Жить не по лжи. Иметь даже в свои шестнадцать принципы и их придерживаться. Не делать того, чего их совесть не позволяет, не подличать, на собраниях руку «за» не поднимать, если уверены, что надо проголосовать «против». Я за неповиновение, если оно тормозит глупость.

...Знаете, я оптимист. Я верю, и это мое глубокое убеждение, — все равно правда пробьется, и все пойдет нормально. Надо только сейчас напрячься... На своих лекциях я говорю все, что считаю нужным. Иногда ко мне подходят люди, спрашивают: как вы не боитесь все это говорить? А я уже не понимаю, как это: бояться сказать правду. Его позвали, и очень настойчиво. Он опаздывал. Да, Дима не махнул мне на прощание крылом, а просто пожал руку. Как будто извинился, что человек всего лишь, а не ангел. И от этого стало тревожно. Не улететь, значит, от беды. Опять выкручиваться...

Назавтра мы должны были встретиться здесь же, договорить. Встретились. Но не договорили.

В тот день, на, открытии Недели совести, зал слушал представителей театральной общественности страны. За годы «сталинской режиссуры» театр обескромел. Многочасовая исповедь живых о невозможности этой утрате на одной шестой зем-

ного шара требовала огромного напряжения сил и от тех, кто вспоминал, и от тех, кто слушал. Народный артист РСФСР Зиновий Гердт читал письмо Всеволода Мейерхольда из подвалов Лубянки жене. Измученный, избитый, надломленный пытками, Мейерхольд прощался с жизнью. Без слез и жалоб. Без проклятий. С огромной любовью и тоской по этой самой жизни, по ее деревьям, небу, любви. Как будто не было подвалов...

Вспомнила быстро Димину фразу: «Подожди, мне нужно передать Гердту письмо Мейерхольда».

Сколько же он пересмотрел всех этих документов многомиллионной человеческой трагедии?! ЧТО пропустил через себя?! Вот оно откуда, «Не чтите меня жить!»

В зале Димы не было. Нашла его в одной из комнат для работы с людьми, которые хотели получить сведения о пропавших в ГУЛАГе родных и близких. Он оторвался от бумаг, устало улыбнулся:

— Работы много. Так хотелось посидеть в зале, да вот не могу, видишь, сколько...

Прослушиваю кассету наших с ним бесед, а фоном — шум электрички — значит, едем. Чуть потише — поднимаемся на эскалаторе. А вот на улицу вышли. Идем. Стоим на ступеньках у входа в ДК. Это я не для экзотики. Просто он работает по восемнадцать часов в сутки, и я понимала, что не имею права отнимать его у этой работы. Поэтому использовала лишь время бросовое. Но голос у Юрасова звонкий, сильнее всяческих помех. Не услышать его может только глухой.

— После армии я все же попал в архив — Архив военной коллегии Верховного суда. Я знал, куда иду и что такое военная коллегия. Произвел хорошее впечатление на начальство: человек после армии, студент вечернего отделения Историко-архивного института. В общем, собеседование прошел. О картотеке, разумеется, никто понятия не имел. Решили: берут мальчика, грамотный, мужская сила, ни в чем не петрит — будет таскать материалы.

Моя работа была техническая: старший хранитель фондов, или архивариус: наклеивал ярлыки на коробки, проверял листаж, подбирал различные материалы и документы для работников прокуратуры, военной коллегии, отвечал на запросы родственников репрессированных — все ведь пишут в Москву, полагаая, что в Москве знают всё. За что и получал 90 р.

Работали вчетвером в изолированной комнате. Хранилище — внизу, огромное подвальное помещение. Если требовалось какое-то «дело», начальник давал ключи. Я спускался. Найти его можно минут за десять. Я задерживался на полчаса, смотрел другие папки. Нервы очень напрягались, боялся, что застучают. За полтора года вымотался жутко. В хранилище две двери. В какую войдут — не знаю. Дубликаты ключей — у начальника. Бывало, он уходил по делам, и тогда я, спросив разрешения у сотрудников, шел работать в хранилище. Все равно было страшно: «под ноги подсечка, на глотку — пятерня».

Потом, видимо, поняли: здесь что-то неладно. В конце концов обнаружили у меня в столе записную книжку с материалами. Разобраться в ней было трудно, но кое-что все же можно было расшифровать.

Я нарушил инструкцию, но не КЗОТ, и потому мне предложили уйти по собственному желанию, а не уволили. То, что такое может случиться, я предполагал и потому заранее проконсультировался у юристов.

Я ушел. Работал грузчиком в разных местах, специально их менял — надоело таскать одно и то же. А в декабре 1986-го получил по почте бумагу. На конверте в левом верхнем углу — штамп Историко-архивного института. И текст: отчислен, потому что работаю не по специальности.

Вот тогда я решил, что все. Другого призвания у меня не было...

Спасибо людям, которые поддержали... Их оказалось много.

Моя картотека стала известна. Начали приглашать на встречи. Потом — во «Взгляд», в ЦДЛ, в МГУ, в разные институты. Более 50 лекций за год. Я читал хронику сталинских репрессий на основании реабилитационных материалов. В этих лекциях доказывал, что репрессии были не единичные, не случайные, а хорошо продуманные и организованные. Подкрепленные Уголовным кодексом и жесточайшими внесудебными постановлениями, которые проводились в юридическом порядке.

Это система. Очень хорошо отлаженная. И разрушить ее окончательно можно, только имея в руках документы. А документы — в архивах. Архивы же заперты. От кого? От нас. Что секретного сегодня в делах осужденных в те годы наших бабушек и дедушек? Фабрикация состава преступлений или человеческий ужас, зафиксированный в протоколах? Моральное падение свидетелей, запуганных системой нагнетания страха? Или технология самой этой системы? Что?

Звонит мне женщина и рассказывает: «Моя мать пришла в Архив КГБ и просит: расскажите, что было с моим мужем. Я никому не скажу, потому что мне умирать скоро. Там навели справки и отвечают: «10 лет без права переписки». Она говорит: это мне известно, но ведь это вранье, вы мне скажите правду, но секрету, я никому не скажу, но я хочу знать перед смертью... И снова ответ: «10 лет без права переписки». Это ли не бесчеловечно? Не пойму, почему нельзя по материалам дела рассказать этой женщине правду о ее муже. Так вот, я считаю, что такое отношение к людям и говорит о живучести той самой системы. Ее необходимо сломать. И это должны сделать мы, за нас никто не сделает. Мне кажется, Неделя совести даст сильный толчок. Общество «Мемориал» должно существовать не только в центре, но и во всех городах. Вот видите мой значок: «Мемориал. Читинский филиал».

Третий значок в ряду — точка отсчета нового периода его недлинной еще, но такой бурной и необходимой жизни.

В самом конце января 1989 года, спустя два с небольшим месяца после Недели совести и нашей с Димой встречи, состоялась учредительная кон-

ференция по созданию Всесоюзного общества «Мемориал».

Дима был прав. Неделя дала мощный резонанс, и необходимость «Мемориала» стала неизбежной. Его задача — вернуть народу правду о прошлом страны, собрать свидетельства тех, кто стал жертвой одного из самых жестоких режимов, изучить корни сталинщины и поставить заслон побегам в будущее; открыть архивы для работы с документами, возвести памятники на местах массовой гибели людей, назвать погибших поименно.

Сверхзадача «Мемориала» — демократизация всего нашего общества.

Оргкомитет расположился в нескольких комнатах здания Кинофонда в Москве на улице Черняховского. Туда стекается вся информация о деятельности общества и его инородных филиалов, приходят люди с просьбами о розыске близких, создается единая картотека репрессированных. Здесь работают добровольно люди, для которых эта деятельность стала святой обязанностью. Они много повидали в своей жизни и слишком хорошо понимают, как необходимо существование «Мемориала». Они готовы сделать все, чтобы их внуки и правнуки не знали, что такое «спецлаг», где нет человека по имени Иван или Алевт — есть номер. Чтобы они не боялись спать ночью, не ждали «гостей дорогих, шевеля кандалами цепочек дверных», зарешеченных «марусь» или фургонов с надписью «Хлеб», чтобы не боялись своих соседей по лестничной клетке, товарищей и самих себя, наконец. Чтобы просто не боялись жить.

Здесь Юрасов мне и назначил встречу в этот раз. Он вернулся из командировки на полтора дня, чтобы снова уехать с лекциями, а пока разобрал почту на свое имя, работал с поступившей информацией, с кем-то беседовал.

Это был уже не борец-одиночка, а равный среди равных. Член оргкомитета «Мемориала». От других отличался только молодостью, почти двухметровым ростом, повязкой на голове и «варенками». Все. Говорили об одном. Делали общее дело. Просто он моложе и здоровее — ему и воз по силам. На возу — все та же картотека. И еще — лекции (кстати, единственный источник его доходов), и еще помощь в создании филиалов в других городах. Он, со свойственным ему упрямством, нетерпением и уверенностью в собственных силах и с подмешанной к этому тоской по архивам («я люблю эту работу, понимаешь, это мое, мое»), выпалил, что объедет все города страны, чего бы это ни стоило, но филиалы «Мемориала» будут везде. Он сказал с гордостью: «В Днепропетровске, в Калинин, в Свердловске они с моей подачи уже есть, в последний я передал материалы по делу первого секретаря Свердловского обкома партии — с ним более ста человек проходило. В Казань передал списки репрессированных по Татарии».

Дел много. Поездки мешают работе с картотекой. Во время Недели совести он собрал четыре тысячи новых имен. За последние полтора месяца — еще три с половиной. Это надо обработать. Устал от всяческих интервью: «Я хочу заниматься делом. Оно не терпит отлагательств».

Не терпит. В газете «Советская культура» за 25 февраля в интервью с Владимиром Григорьевичем Провоторовым, генерал-майором юстиции, начальником Главной военной прокуратуры, прочла следующее:

ПРОВОТОРОВ. Вы спросили, много ли у нас дел... В 1988 году военной прокуратурой реабилитированы 805 человек. Мало! А почему? Да

потому, что в первые 10 лет после смерти Сталина на этом участке работало около 500 прокуроров, сейчас — 40! Понимаете разницу?

КОРР. Если такими силами работать, то сколько лет надо для того, чтобы реабилитировать всех?

ПРОВОТОРОВ. ...С нашими нынешними силами это можно сделать за сто пятьдесят лет.

Итак, завалы в архивах, которые некому «перелопачивать». Упорное нежелание, открыть их для общественности и ученых, для родных, близких, дать возможность хотя бы имена назвать, составить словники и мартирологи. Ведь, по словам того же Провоторова, «там, где нет справедливости к мертвым, не может быть справедливости к живым».

Вспоминую рассказ Юрасова о партизанских вылазках в хранилище, о завинченных нервах, о конфискации у него записных книжек с именами жертв. И его раздраженное: «Я занимаюсь бесполезной работой, зряшной. Потому что все уже собрано. Все. Все есть в архивах, только их нужно открыть. Нужно создать центр со всей этой информацией, заложенной в компьютерную память. И надобность в картотеках отпадет. А пока... вот так».

Пока собираем то, что давно собрано.

Трудно все это укладывается в голове, кажется абсурдом. Но в доказательство того, что Дмитрий Юрасов живет и работает не зря, что кое-что он все-таки сдвинул с места, есть документ под названием «Почетная грамота». Ее вручили на учредительной конференции от Фонда социальных изобретений.

«Дмитрий Геннадьевич Юрасов награждается премией в сумме 500 рублей и памятным призом за инициативу в поиске и возвращении добрых имен людей, ставших жертвами репрессий в сталинское время». И подписи: дважды Герой СССР летчик-космонавт Леонов, олимпийский чемпион Власов, академик Академии педнаук Давыдов, ректор Московского горного института Пучков, председатель совета научно-технического объединения Подшивалов, ответственный секретарь Фонда социальных изобретений Алференко.

Приятно получить такую Грамоту. Вот уже и Дима «реабилитирован». Он не воровал, оказывается, секретных данных из закрытых на ключ подвалов «для служебного пользования». Он просто «проявил инициативу» в поиске и возвращал добрые имена...

Будем надеяться, что это поймут и те, кто отлучил Юрасова от его любимой профессии, и вернут на место.

В институте Юрасова восстановили, он продолжает учебу на заочном отделении.

Хэппи энд?

Пока неизвестно — конца не видно. Просто завершен, как говорится, очередной жизненный этап.

Что будет дальше? Это уже зависит не только от него, но и от нас с вами.

Фото Сергея СОБОЛЕВА

Не согласна...

...с дискриминацией девушек и «иногородних» при приеме в вузы.

Я не понимаю, почему, скажем, право на поступление в Московский государственный институт иностранных языков мне обеспечивают не знания, а справка из милиции. Да, в правилах приема в этот институт ясно сказано: «Заявления от иногородних принимаются только при условии представления документа из милиции на право проживания в г. Москве или Московской области».

Я не понимаю, почему в Московский государственный институт международных отношений ограничен прием девушек. Разве Александра Коллонтай плохо справлялась со своей работой?

Я не понимаю, почему не принимают девушек на отделение переводчиков Горьковского института иностранных языков. Почему женщина не может быть переводчиком, в том числе военным? Разве нам хуже, чем мужчинам, даются языки?

Я не понимаю, почему на восточный факультет Ленинградского государственного университета, где готовят кадры для научных учреждений, музеев, библиотек, а также референтов и переводчиков, принимаются (как говорится в памятке для абитуриентов) «преимущественно мужчины».

Я не понимаю, почему в пед- и мединституты, на факультеты журналистики университетов девушкам поступить намного труднее, чем юношам.

В общем, я не понимаю, почему должна входить в жизнь с чувством, что я — гражданин второго сорта.

А вы понимаете?

Мария ГОЛОВИНА,
г. Киров

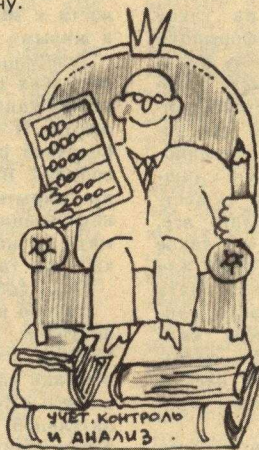
Не согласен...

...с тем, что написала Марина Ларкович о профессии бухгалтера (№ 12 за 1988 год). Считаю, что моя работа заслуживает более теплых слов.

Во-первых, полное название профессии: «Бухгалтерский учет, контроль и анализ хозяйственной деятельности». Об учете и контроле Марина, в принципе, написала верно, а

вот об анализе ничего не сказала.

Простой пример. Предприятию нужно изготовить за год, скажем, 6 самолетов. Пользуясь математической моделью Леонтьева, с помощью ЭВМ можно определить, сколько и чего для этого понадобится. А делает такой анализ отдел бухгалтерского учета. И без него дело с места не сдвинется, а если сдвинется, то не в ту сторону.

И вот еще что. Престиж моей профессии, увы, невысок. Почему? Мне кажется, потому, что в годы войны мужчины-бухгалтеры ушли на фронт. Их заменили женщины, не имеющие квалификации (некогда было их обучать). И тогда учет пришлось упростить. А следовательно, отпала необходимость в высокой квалификации и... высокой зарплате. А на маленькую зарплату хороший специалист не пойдет. Так бухучет, контроль и анализ были разгромлены.

Сейчас, думаю, наступает время, когда значение бухгалтерского труда возрастает. Значит, возрастет и престиж. Я в этом уверен.

Андрей БАЛАШЕВИЧ,
бухгалтер с шестилетним стажем,
г. Ленинград

Не согласен...

...с Аней Турецкой, написавшей о профессии геодезиста слишком восторженно. Конечно, правильно — и остры, и романтика, и дальние дороги. Но не надо упрощать.

Да, геодезисты — действительно боги любого строительства, будь то канал, трансконтинентальный газопровод или «просто» десятиэтажка. Приходим первыми, уходим последними, все так. Но и достается нам тоже порядочно.

Бывает «завал» с продуктами (у тех, кто работает далеко от баз), бывает, что вымок, замерз, как цуцки, а обсушиться нигде, и назавтра надеваешь мокрое и грязное. И всяких болячек редко кто избегает — гастрит, бронхит, радикулит чуть ли не наши профессиональные болезни.

Светодальномеры, аэрофотосъемка — это прекрасно, но вы посмотрите, с чем работает геодезист прямо у вас под окнами. Старая оптика да крючок, чтоб колодцы открывать (канализационные и прочие)...

Для справки: оклад рабочего 5-го (высшего) разряда — аж 116 рублей. И постоянные командировки, которые, конечно, личную жизнь не укрепляют.

Советую тем, кто хочет стать геодезистом, сначала годик повкалывать рабочим — «замерщик на геодезическо-маркшейдерских работах» это называется. Не сбегите — значит, наш кадр, не за «романтикой единой» гонитесь.

Впрочем, наверное, зря писал — побойтесь правду напечатать, еще передумает кто, а кадры нужны.

С. КОРОТЕНКО,
рабочий-геодезист 5-го разряда,
6 с половиной лет стажа
по специальности,
г. Донецк

С ювелирными изделиями мы встречаемся часто, а вот как получить профессию ювелира — не знаем. Может быть, вы можете!

Т. Петрусева, г. Челябинск

Галина Николаевна КУНЦЕВИЧ, технолог Минского завода «Рембыттехника», ответила Тане так:

— Ювелиров не готовят в учебных заведениях. Таких учебных заведений попросту нет. Смену себе готовят сами мастера-наставники. Срок ученичества обычно — 6 месяцев.

Девушек мы берем неохотно. Работа у нас очень тяжелая и небезвредная.

ПРАВАЯ, ЛЕВАЯ ГДЕ СТОРОНА!..

«Ну и характер! — вы разводите руками: как, мол, с таким психом можно работать вместе.— Заводится с пол-оборота. Знали бы — ни за что не взяли в стройотряд».

А могли знать. Для этого разработан так называемый метод экспресс-анализа характера, основанный на функциональной асимметрии правого и левого полушарий головного мозга. Ученые установили, что если из двух полушарий ведущим является правое полушарие мозга, то у человека преобладает эмоциональная сфера. Если ведущим оказывается левое полушарие, то у человека аналитический склад ума преобладает над эмоциональностью.

Предлагаемый тест как раз и основан на ведущей роли одного из полушарий у каждого человека. В нем использованы четыре признака, которые являются врожденными и, как правило, не меняются до конца жизни. Правда, нужно учитывать, что при сильном волнении ведущие полушария могут меняться: левое на правое и наоборот.

И, безусловно, нужно помнить, что не бывает плохих характеров, бывают лишь лучше или хуже воспитанные люди.

Приступаем!

Переплетите пальцы рук, и вы заметите, что сверху всегда оказывается один и тот же палец, если левый — вы человек эмоциональный, правый — у вас преобладает аналитический склад ума.

Попробуйте «прицелиться», выберите себе мишень и глядя на нее через своеобразную мушку — карандаш или ручку. Вы заметите, что если зажмурить ведущий глаз, то мишень сместится относительно «мушки». Иногда удобно «прицеливаться» сквозь дырочку в листе бумаги. Правый ведущий глаз говорит о твердом, настойчивом, более агрессивном характере, левый — о мягком и уступчивом.

Если при переплетении рук на груди наверху оказывается левая рука, то вы способны к кокетству, правая — склонны к простоте и простодушию.

Если удобнее хлопать правой рукой, можно говорить о решительном характере, левой — вы часто колеблетесь, прежде чем принять решение.

Полученные результаты обозначьте буквами: левый глаз — Л, левая рука — Л и т. д.; правая рука — П, правый глаз — П и т. д. В конце у вас получится из этих букв последовательность (одно из 16 возможных сочетаний букв), которому соответствует описание, психологический мини-портрет. Не забывайте, что каждый чело-

НИЧЕГО
НИ
ПОНИМАЮ

век — индивидуальность, и реальный портрет будет все же отличаться в чем-то от описания.

А теперь расшифруем записи.

ПППП — для вас характерен консерватизм, ориентация на общепринятое мнение (на стереотип). Вы не любите конфликтовать, спорить и ссориться.

ПППЛ — определяющая черта вашего характера — нерешительность.

ППЛП — для вас характерны кокетство, решительность, чувство юмора, артистизм. При общении с вами необходимы юмор и решительность. Очень контактный тип характера. Этот тип у женщин встречается наиболее часто.

ПЛПЛ — редкий тип характера. Близок к предыдущему, но мягче. Наблюдается некоторое противоречие между нерешительностью (левое аплодирование) и твердостью характера (правый ведущий глаз).

ПЛПП — тип характера, сочетающий аналитический склад ума и мягкость. Чаще встречается у женщин — тип «деловой женщины». Медленное привыкание, осторожность, в отношениях терпимость и некоторая холодность.

ПЛЛП — слабый и самый редкий тип характера. Обладатели такого характера беззащитны, подвержены различному влиянию. Встречается, как правило, у женщин.

ЛППП — такое сочетание встречается очень часто. Основная черта — эмоциональность, сочетающаяся с недостаточной настойчивостью. Поддаетесь чужому влиянию, и это позволяет приспосабливаться к различным условиям жизни. Счастливы в разлуках, легко сходите с людьми!

ЛЛПЛ — для вас характерны мягкость, наивность. Требуется особенно, внимательного отношения к себе — тип «маленькой королевы».

ЛЛПП — вам присущи дружелюбие и простота, некоторая разбросанность интересов, склонность к самоанализу.

ЛЛЛЛ — в вашем характере преобладают простодушие, мягкость, доверчивость. Очень редкий тип, практически не встречается у мужчин.

ЛЛЛП — вы эмоциональный, энергичный и решительный человек. Но часто наспех принимаете решения, которые приносят серьезные осложнения. Очень важен дополнительный тормозной механизм. Мужчины с таким характером менее эмоциональны.

ЛЛЛЛ — у вас антиконсервативный тип характера. Способны на старые вещи взглянуть по-новому. Характерны эмоциональность, эгоизм, упрямство, иногда переходящее в замкнутость.

ЛЛПП — самый сильный тип характера. Вас трудно в чем-либо убедить. Вы с трудом меняете свою точку зрения. Но в то же время вы энергичны, упорно добиваетесь поставленных целей.

ЛЛЛЛ — очень похоже на предыдущий тип характера. Та же настойчивость в достижении поставленных целей. Обладатели такого характера — люди неустойчивые, переубедить их порой оказывается невозможно. Они склонны к самоанализу, с трудом находят себе новых друзей.

ПЛЛП — у вас легкий характер. Вы счастливо умеете избегать конфликтов, любите путешествовать. Легко находите друзей. Однако вы часто меняете свои увлечения.

ПЛЛЛ — вам присущи непостоянство и независимость, желание все сделать самому. Способность анализировать помогает вам успешно решать сложные задачи. Обычно вы кажетесь мягким, но становитесь требовательным и даже жестоким, когда доходит до дела.

Подготовил В. ГОРБУНОВ,
психолог

Беспроигрышная лотерея?

Я собираюсь в этом году поступать в институт. Сейчас сижу безвылазно над учебниками, даже в кино перестала ходить. Сестра — она работает в прачечной — смеется: «Учи учи, я тоже думала, что главное — знания. А когда «провалилась», поняла: принимают за что угодно — за красивые глаза, за то, что был отличником боевой и политической, за третий разряд по волейболу, за колхозный стаж, но только не за умение отличать Ломоносова от Тредиаковского. И, конечно, с какой ноги встал экзаменатор, тоже имеет значение...» Неужели это так!

Светлана Кузнецова,
г. Горький

В переводе с латыни слово «экзамен» означает испытание. Есть люди, которым чуть ли не удовольствие доставляет подвергать себя различного рода испытаниям и проверкам. Впрочем, таких не так уж много.

Как показывает опыт, любители экзаменов, столь увлеченные этим своим странным хобби, не замечают, что, сдав все, что только можно — выпускные в школе, приемные в вузе, а потом в аспирантуре, адъюнктуре, докторантуре или где там еще, — незаметно превращаются в экзаменаторов. Должен признаться, мне всегда казалось, что нас, нормальных людей, и их, экзаменаторов, разделяет не просто стол с билетами, а, по меньшей мере, баррикады. Так считал я долгое время, пока однажды не обнаружил в приемной комиссии филологического факультета Белгосуниверситета Ивана, то есть, простите, Ивана Алексеевича Чероту. Нет, конечно, с тех пор, как мы сами были с ним студентами, он заметно повзрослел, отстранил рыжеватую с проседью бороду, стал кандидатом наук и возглавил кафедру русской советской литературы. И все-таки для меня он остался тем же Иваном, с которым вместе «сачковали» испанский, ночи напролет спо-

рили о Вознесенском, пели под гитару полузапрещенных тогда Высоцкого и Галича и, конечно же, сдавали экзамены.

— Слушай, Алексеевич, выходит, в этом году ровно двадцать лет с тех пор, как мы поступали? Да-а-а... Как говорят в таких случаях, оглянуться не успели. Точно вчера — август 69-го, экзамены, мандраж, в списках себя ищешь... Удивительно! Кстати, изменилось что-нибудь в приемных экзаменах за это время?

— Пожалуй, меньше, чем мы с тобой. Мандражировать абитуриенты, во всяком случае, точно меньше не стали. А экзамены? Главное, наверное, что теперь они разные в разных вузах. И какие экзамены должны сдавать поступающие, решает сам институт или университет. Ну, например, в прошлом году совершенно серьезно обсуждали, не отменить ли сочинения на вступительных экзаменах даже на филологическом факультете.

— Норма-а-ально! И чем же сочинение провинилось?

— Ты напрасно иронизируешь. У защитников этой идеи достаточно серьезные аргументы. В последние годы сочинения абитуриентов вряд ли можно считать творческими.

— Школа постаралась?

— Да уж, не без этого. А по стандартным, безликим письменным ответам судить о знаниях трудно. Но пока все-таки сочинение оставили. Пожалуй, более серьезен устный экзамен по литературе. Именно на нем предлагаем мы абитуриенту проявить творческие способности, умение мыслить.

Так что остались эти два экзамена да еще два зачета — по иностранному языку и истории.

— То есть, надо понимать, нынешним абитуриентам живется полегче, чем нам когда-то?

— Наверное, ведь зачеты — это все-таки не экзамены. Но труднее стало бывшим «льготникам». Прежде всего потому, что отменили целевой набор — очень, я считаю, разумное решение. Да и вообще, теперь,

каким и положено, в основе — не трудовая или армейская биография, а знания абитуриента.

— Но все же давно известно, что экзамен — в чем-то лотерея.

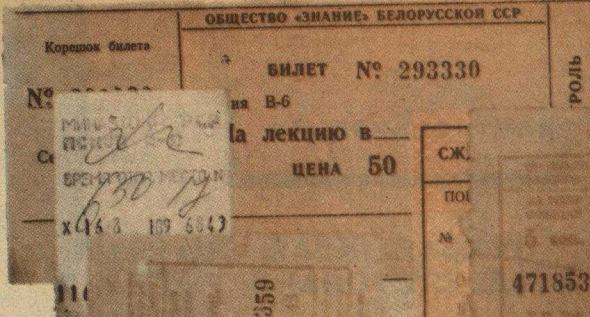
— На мой взгляд, определение очень неточное. Но даже если согласиться с ним, то кто мешает приобрести все билеты и сделать лотерею беспроигрышной? Вспомни себя студентом. Как неуверенно шел ты на диалектологию, которую почему-то не любил, и, наоборот, на экзамене по зарубежной литературе игра была выиграна заранее, потому что там ты знал все билеты. Разве не так?

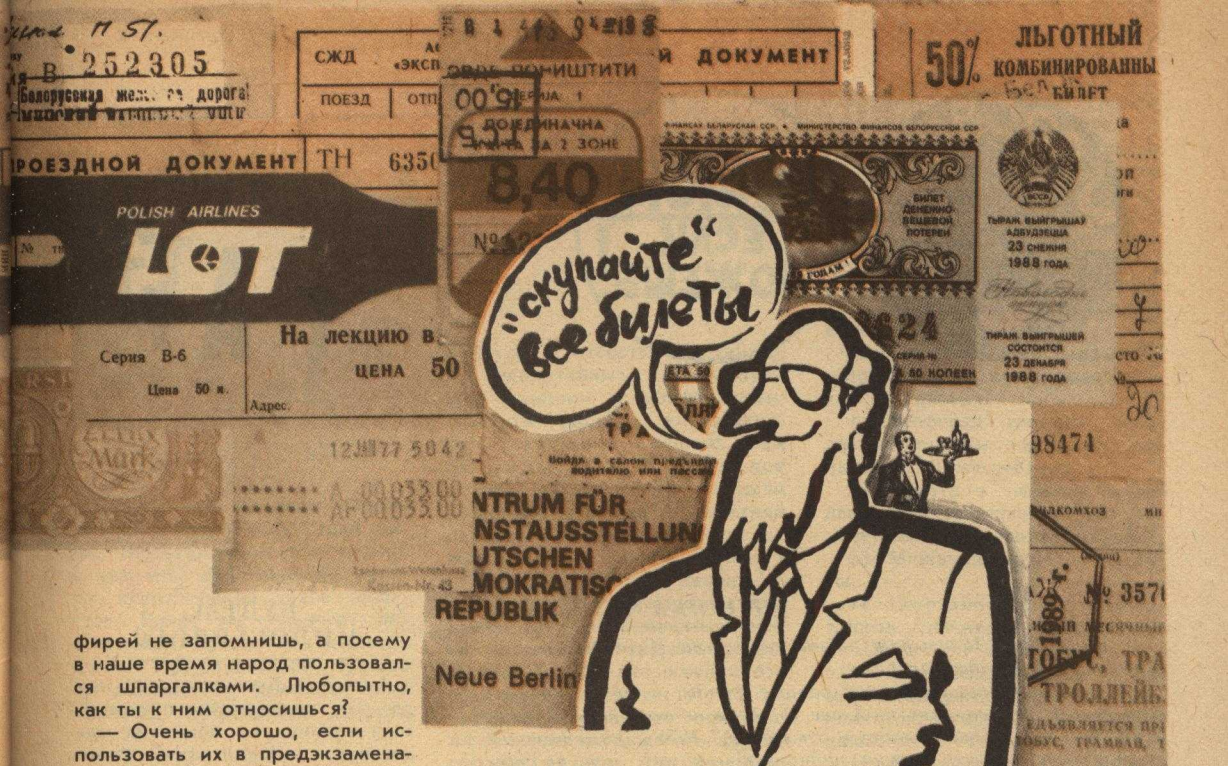
— В общем-то, да. Но, не в обиду будь сказано, среди вашего брата-преподавателя самодуров предостаточно. Помню, я считал экзамен по русской литературе прошлого века тоже чем-то вроде беспроигрышной лотереи, поскольку был хорошо подготовлен. А у меня спросили, в каком платье пришла Наташа Ростова на свой первый бал...

— Ты хочешь сказать, что судьба экзаменующего полностью во власти экзаменатора? Нет, я с этим не согласен. Конечно, всякого рода издержки бывают, но, во-первых, устные экзамены принимают не один, а два педагога, во-вторых, процедурными требованиями последних лет предусмотрена обязательная запись всех вопросов на лист ответа абитуриента. На этом листе ставят подписи и экзаменаторы, и экзаменуемый. И если вдруг возникнет недоразумение, абитуриент вправе обратиться с апелляцией.

Кстати, если помнишь, в студенческом фольклоре среди так называемых «страшных» был такой вопрос: «В каком костюме присутствовал Маяковский на похоронах Горького?» Большинство почему-то вспоминали блузу Маяковского, хотя ясно, что поэта к тому времени уже не было в живых.

— Кроме сообразительности, этот вопрос требует еще и знаний дат жизни и смерти писателей. Как известно, всех ци-

фирей не запомнишь, а посему в наше время народ пользовался шпаргалками. Любопытно, как ты к ним относишься?

— Очень хорошо, если использовать их в предэкзаменационной подготовке. Но на самом экзамене — отрицательно. И вот почему. К «цифрям», как ты их называешь, ко всем этим точным датам написания того или иного произведения, рождения или смерти писателя я особенно не придираюсь. Для меня главное, чтобы человек умел самостоятельно мыслить, разбирался в литературном процессе, был грамотен. Когда же я нахожу шпаргалку на письменной работе, — сразу удаляю с экзамена. Предупреждаю об этом заранее. И показываю приобретенное где-то, не знаю, на рынке, наверное, растиражированное сочинение, в котором обнаружил восемь ошибок — это больше, чем требуется для оценки «два». Нет, по мне лучше ошибочные, не совсем приглаженные, но свои мысли, чем списанные банальности.

— Хорошо, тогда вопрос, что называется, «на засыпку». Представь — перед тобой совершенно умопомрачительная длинноногая блондинка. Отвечает она, предположим, ни шатко, ни валко, балансируя между слабой «четверкой» и крепкой «тройкой». Что ты ей поставишь?

— Я смотрю, за эти годы твои вкусы не изменились. Что касается ног, то их, как известно, из-за стола не видно. Кроме того, принимаем мы устные экзамены вдвоем и в присутствии других абитуриентов. И если бы даже случилось такое, что кто-то «купил» на

внешние данные, сами условия не позволят быть субъективными в оценке.

Помнишь, в одном потоке с нами поступал парень, который на все экзамены ходил в армейской форме? Сейчас среди абитуриентов немало ребят в гимнастерках. Подобные маленькие хитрости ясны, как белый день. Ведь весеннее увольнение в запас обычно в апреле-мае, а экзамены — в июле-августе, и за это время можно было вполне успеть переодеться.

— Да, но бывают какие-то из ряда вон выходящие случаи, доказывающие, что и экзаменаторы — тоже люди?

— Бывают. Однажды в аудиторию, где шел вступительный экзамен по сочинению, привезли девушку. Незадолго до этого она попала в автокатастрофу и поэтому вся была заматана в бинты и гипс. Несмотря на такое состояние, ей позволили писать работу. Вскоре я увидел у нее шпаргалку. В подобных случаях мы удаляем сразу. Но на этот раз, что называется, вошли в положение, простили. Как выяснилось, предупредение не подействовало, у абитуриентки вновь обнаружили шпаргалку, и мы вынуждены были ее удалить.

Может быть, со стороны это выглядит и не совсем гуманно, но, на мой взгляд, справедливо.

— Предположим. И все-таки, мне кажется, до конца справедливым, объективным быть

трудно. Скажем, абитуриент, закончивший сельскую школу, и житель столицы не могут иметь равную подготовку.

— Конечно. У горожан масса преимуществ: возможность заниматься в различных кружках, спецшколах, обилие информации. И если при всем этом уровень знаний у парня или девушки, приехавших из глубинки, не ниже, чем у их столичных сверстников, я считаю, предпочтение нужно отдавать первым. Хотя, конечно, бывает поразному. Здесь правил быть не может.

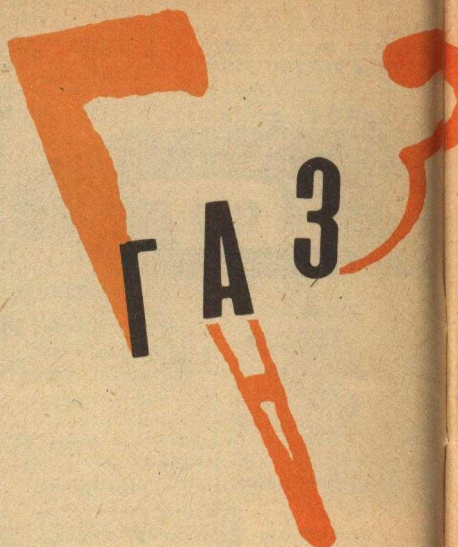
— Вот, казалось бы, чего проще, выучи школьную программу и иди сдавай. Но ведь есть люди, которые по многу лет поступают в желаемый вуз и не могут поступить. В чем тут дело?

— Конечно, конкурс есть конкурс. И чем он выше, тем больше требования к абитуриенту, сильнее отсев. Так что многое зависит от вуза.

И все-таки, убежден, ничто не даст абитуриенту такую уверенность в себе, как твердые знания. Поэтому, когда меня спрашивают, как победить в экзаменационной лотерее, я всегда советую: «Скупайте» все билеты, это простой, но самый надежный путь к выигрышу».

Экзаменовал экзаменатора
Александр РОСИН

Оформление
Сергей СТЕЛЬМАШОНКА

ХРОНИКА ЧЕТВЕРГОВ

— Внимание! Зачитываю абзац из письма Наташи К., проживающей в городе Воронеже.

«В стране сейчас создаются разные фонды, куда нужно сдавать деньги, деньги, деньги. А мне 16 лет, я не могу помочь деньгами. Что же, снова молодежь отключена? Как я могу помочь? Опубликуйте то, что нужно подписать, — может, моя подпись окажется решающей каплей в океане мнений. И какой-нибудь дядя поставит свою закорючку на судьбе доброго дела».

Взрослый редколлега взмахнул письмом и нацелил взгляд на нас:

— Под чем подпишемся?

И тут группа малых редколлег: Саша Куликович, Алеша Калугин, Юля Никитина, только что вернувшиеся из ленинградской командировки, не сговариваясь, воскликнули:

— Милосердие!

Дальше начались их длинные восторженные «командировочные отчеты».

И мы решили: каждый должен без ожидания «дядиной закорючки» поставить свою подпись делом в работе обществ милосердия, которые должны быть созданы во всех городах и весях. О том, как они нужны нам всем, и расскажет этот выпуск нашей «Газеты».

БУДЕМ МИЛОСЕРДНЫ!

Алексей Лушникову 23 года. Он заместитель председателя президиума общества милосердия «Ленинград». Работает со дня основания его. И потому Лушникову — мои вопросы.

— Алексей, ваше общество построено на чисто добровольных и демократических началах. Сюда приходят те, кто хочет помочь людям совершенно бескорыстно. Когда вы создавали это общество, у вас не возникало мысли, что люди не пойдут к вам, что у каждого и без того много дел? И собственных забот?

— Таких сомнений не было. Потребность творить добро — в человеческих генах. Она же легла и в основу христианского учения: («Возлюби ближнего, как самого себя», «Блаженны милостивые» и т. д.), два тысячелетия этим заповедям. Потребность творить добро существует и сейчас. Ну и потом, создавая общество милосердия,

ДЕТА

мы опирались на опыт движения милосердия всех стран мира. Неужели всем это нужно, а нам нет? В Петербурге раньше существовало такое общество. Разве за семьдесят лет советской власти у человека могло атрофироваться чувство сострадания к ближнему или пропасть потребность творить добро?

Даже за те пять дней, что мы находились в Ленинграде, я смог убедиться в правоте Лушников. Небольшое помещение, выделенное обществу, постоянно наполнялось людьми разных возрастов и убеждений: «формалы» и «неформалы», ве-

рующие и атеисты, партийные и беспартийные, странствующие «хиппи» и комсомольцы, студенты, рабочие, интеллигенция, школьники — все. И всем находилось дело. Я видел, как почти одновременно пришли 60-летний мужчина и 12-летний паренек и задали один и тот же вопрос: «Чем можем помочь?»

Находясь в этом здании, я вдруг увидел, какие мы все разные и какие одинаковые в своей потребности творить добро. И еще понял, что именно это объединяет людей.

Часто в общество приезжали и звонили люди из других городов страны. Их интересовало, как создать такое же у себя. С чего начать? В Ленинграде это была инициатива писателей. Создали координационный центр и разработали план. Приняли устав, который определил структуру и направление работы. Появились свой расчетный счет в банке, свое помещение. Общество официально зарегистрировано в Ленгорисполкоме.

Конечно, не само все делалось. Кому-то надо взять инициативу на себя. В Ленинграде это был писатель Даниил Гранин, и во многом благодаря ему и его сторонникам общество состоялось. Но деятельный, инициативный человек, болеющий за других, найдется, уверен, в любом городе. И сторонники у него будут. Так что начинать, как мне кажется, надо со сбора инициативной группы.

Теперь о работе, или точках приложения сил — именно это имеют в виду читатели, задавая вопрос: чем могу помочь?

Перечислю основные направления деятельности общества, которые я написал со стенда.

1. Социально-бытовая помощь престарелым и инвалидам.
2. Сбор и распределение вещей для многодетных семей, инвалидов, одиноких престарелых.
3. Пропаганда идей милосердия.
4. Работа санитарями в больницах.
5. Психологическая и юридическая помощь нуждающимся.

6. Интеллектуальная реабилитация детей-инвалидов.

7. Разработка социальных проектов в области здравоохранения и социального обеспечения.

8. Разработка и выпуск техники для инвалидов.

9. Организация групп взаимопомощи пенсионеров, воинов-интернационалистов.

10. Мероприятия в домах престарелых и психоневрологических интернатах.

11. Шефская помощь школам-интернатам, детскому санаторию, Дому ребенка.

12. Работа в тюрьмах и колониях, в спецколах для малолетних правонарушителей.

13. Международные контакты.

14. Сотрудничество с коллективами движения милосердия в СССР.

15. Техническая помощь в ремонтно-бытовых работах одиноким престарелым и инвалидам.

16. Секция по защите животных и влияния экологических проблем на человека.

Формы работы образуются по ходу дела. Как, например, возникла Лаборатория добротворчества? Однажды по Ленинградскому телевидению выступил большой друг общества Борис Гребенщиков, рассказал о его работе, после чего сюда пришли поклонники «Аквариума» и, помимо обычной помощи в экспресс-службе, создали агиттеатр, занимающийся пропагандой идей милосердия.

Налажена связь с рок-клубом — рок-группы принимают участие в благотворительных концертах.

Существует группа разовой проверки продуктов. Кто пожелает, приходит с купленными продуктами и отдает их на анализ, после чего ему скажут, сколько в них нитратов, нитритов, фосфатов и прочего.

Что еще? Здесь для ребят-инвалидов проводят встречи с интересными людьми: актерами, музыкантами, поэтами, деятелями церкви. Вывозят на выставки, на спектакли.

Словом, работы хватает всем, и никому здесь не скучно. Побывав на Дзержинского, 5, мы серьезно задумались о пропаганде милосердия среди своих сверстников.

На мой последний вопрос о том, что же такое милосердие, Алексей Лушников ответил:

— Милосердие — это уровень культуры человеческих отношений.

Алексей КАЛУГИН

СТОЯЩИЕ МЕЖДУ

Ленинград. По сырой и серой улице идет автобус. В нем сидят молчаливые люди. В конце салона, раскачиваясь и борючая что-то себе под нос, стоит пьяный. Остановка. Дверь распахнулась. У подножки — человек средних лет. Он похож на шахматного коня — тело его изуродовано параличом. Вот он с трудом ставит на ступеньку плохо гнущуюся ногу, другую, с трудом поднимается... И тут его сбивает пьяный, внезапно узнавший свою остановку. Лицо инвалида искажается болью и злобой. Он бессильно выругался. Двери закрываются. Автобус продолжает ход по своему маршруту.

Он вышел на той же остановке, что и я. Не оглянувшись, перешел улицу, свернул в подворотню и исчез. И вдруг подумалось: мир состоит из таких вот пьяных, калек и ... стоящих между. Чем больше пьяных, тем больше калек. И только стоящие между могут уменьшить их количество.

Человек, свернувший в подворотню, не дошел двух десятков метров до двери с вывеской «Общество милосердия «Ленинград». Появись эта вывеска много лет назад, может, не было бы сегодня столкновения в автобусе. Я впервые в жизни подумал об этом, потому что совпало: и эпизод в автобусе, и наш короткий общий маршрут, и моя цель: общество милосердия, ассоциация «Особый ребенок».

Она родилась несколько месяцев назад, имея задачей вернуть «особым детям» нормальное детство. Особые — это дети-инвалиды. Ассоциация объединила родителей детей-инвалидов и тех, кто помогает этим детям стать полноправными членами общества. Заниматься с каждым нужно долго, кропотливо, внимательно. Сейчас в ассоциации на сто семей несколько специалистов. Возглавляет ее работу Владислав Викторович Лавров.

Он принимает участие в работе так называемой изостудии. Это обычная комната для уроков рисования, где при помощи рисунка у детей корректируются двигательные дефекты, дефекты поведения. Ведь ребенок не сидит неподвижно — он творит, а значит — двигается, думает, фантазирует. Занятия проходят коллективно. Дети привыкают к обществу, учатся общаться. А этого им так остро не хватало.

Естественно, работа с детьми не ограничивается рисованием. Проводятся музыкальные занятия, где идет серьезный разговор о музыке. По мере возможностей здесь занимаются физкультурой. И все это не только лечит детей, но и воспитывает, раскрепощает. Но пока у этих занятий серьезная помеха — перевозка детей. Своего транспорта у общества нет. А далеко не каждый больной ребенок легко переносит поездку в общественном транспорте. Вот и вынуждены родители каждый раз думать, как доставить ребенка на занятия. Бывает, проще оставить дома...

Пока ассоциация родителей может сделать немного. Детей-инвалидов в одном Ленинграде — тысячи. А в других городах? И все они нуждаются в помощи. Это будущие члены общества. Просто люди, в конце концов. И только считанные единицы могут рассчитывать на хорошее лечение — дети влиятельных и состоятельных родителей. Такие родители вряд ли станут членами ассоциации. А жаль.

И разделение на «тех» и «этих» просто страшно. Подумайте, тысячи живых людей обречены навсегда остаться инвалидами без шансов на улучшение. А ведь их могло быть меньше. Если заблевание замечено в ранней стадии, то при соответствующем лечении здоровье ребенка можно значительно улучшить. Но в нынешних условиях нашего здравоохранения это, увы, невозможно. Потому важность деятельности ассоциации трудно переоценить. Хотя она сейчас практически ничего не может сделать в медицинском плане, но работа ее важна и необходима. Программа-минимум ассоциации — это социальная реабилитация детей-инвалидов. Ребенок не должен чувствовать себя ненужным человеком, он должен участвовать в жизни.

Ассоциация остро нуждается в средствах и специалистах в области психологии и медицины, профориентации детей. В конце разговора с Владиславом я спросил его:

— Что бы вы делали, будь у ассоциации приличная сумма денег?

— На этот случай у нас есть конкретный план действий. Мы планируем брать в аренду помещения для проведения занятий с детьми и родителями. Очень хотелось бы иметь нечто вроде загородной дачи, где дети находились бы на отдыхе и лечении вместе с родителями.

Мы могли бы открывать кооперативы, где работали бы сами инвалиды, а часть доходов шла бы на нужды ассоциации. Создали бы компьютерный класс с элементами диагностики и двигательного тренинга. Кстати, сама по специальности программист и вел бы занятия. Мы заключили бы договоры с автостанциями и предприятиями на предоставление автотранспорта. Организовали бы тренажерный зал. Приглашали бы хороших специалистов-медиков и массажистов. Можно было бы обучать родителей искусству массажа, наладить связи с мастерами восточной медицины. Готовы перенимать опыт и передавать его родителям. Эффект непременно будет. Ведь каждый ребенок требует строго индивидуального подхода, и каждый родитель, имея какие-то навыки, сам бы вплотную занялся лечением своего ребенка.

Но это — планы. Пока средств, поступающих на счет общества милосердия «Ленинград», не хватает для осуществления программы ассоциации. Напоминаю: СЧЕТ ОБЩЕСТВА МИЛОСЕРДИЯ «ЛЕНИНГРАД» — 17001700100. ЕСЛИ БУДЕТ ПОМЕТКА «ОСОБЫЙ РЕБЕНОК», ТО ЭТИ ДЕНЬГИ ПОЙДУТ НА НУЖДЫ АССОЦИАЦИИ.

Александр КУЛИНКОВИЧ

ДВЕ ВСТРЕЧИ В ОДИН ВЕЧЕР

На исходе последний день нашего пребывания в Ленинградском обществе милосердия. Мы сидим в уютной комнате. Благодаря населяющим ее людям, успели за несколько дней привыкнуть к ней так, что уже перестали чувствовать себя иногородними гостями. Сегодня — вторник, день работы экспресс-службы. И через час каждый из

нас получит конкретное задание, став на некоторое время полноправным членом общества. И, следуя известной поговорке: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», отправится по рабочей путевке вместе с кем-нибудь из ребят экспресс-службы.

Задаю вопросы Лушникову. — Алеша, если к вам, например, приходят два человека, один из которых врач со своей программой действий, другой — девочка-десятиклассница, которая, может быть, и готовить как следует не умеет, просто хочет хоть чем-то помочь, вы с одинаковым желанием принимаете обоих?

— Разумеется, первый работает по своей программе. Второго — в экспресс-службе.

— Интересно, что она там будет делать, если дома даже борща сварить не может?

— Главное — не борщ. Главное — желание.

— Алеша, а почему эта группа работает только по определенным дням недели? Ведь само слово «экспресс» предполагает внезапную ситуацию.

— Понимаешь, люди здесь — на добровольных началах. Они или где-то учатся, или трудятся как минимум по восемь часов на своей основной работе. В течение всей недели у нас действует диспетчер или дежурный, отвечает на телефонные звонки, принимает заказы и оформляет путевки.

— А кто, как правило, звонит?

— В основном, пожилые люди, инвалиды, которым необходимо помочь по хозяйству, иногда в самом элементарном.

Но вот путевка в руках, мы со Светой Васильевой — она приходит в общество постоянно после смены в роддоме, где работает медсестрой, — отправляемся по адресу. Звоним. Дверь открывает пожилой человек, лет семидесяти. Не раздеваясь, спрашиваем, нужно ли в магазин. Он объясняет нам, что необходимо купить, при этом как бы извиняясь за причиненное беспокойство.

— Я и сам мог бы сходить, обычно так и делаю. Но сегодня плохо себя чувствую.

Берем деньги и выскакиваем на улицу. Купить надо курицу, несколько морковин и луковицу.

В магазине у мясного прилавка долго спорим, какую из этих несчастных сине-зеленых птиц выбрать для нашего бульона.

Затем отправляемся за овощами в другой конец гастронома.

Тут-то и произошла с нами история, достойная описания только потому, что ее герой был так не похож на всех, кто окружал нас в эти дни.

Он стоял за прилавком, молодой, вальяжный, смотрел нас смешливо. Я попросила взвесить полкилограмма морковки и пару луковиц. Взвесил. Помог высыпать продукты в сумку, изобразив при этом приветливую улыбку. Назвал сумму, и мы, выбив чек, отдали его продавцу. Не успели отойти от прилавка, как наш продавец, очевидно, не утерпев, похвастался вслух соседу: «Классно же я их надуд!».

Я остолбенела. Ну и наглость! Подождал бы хоть, пока выйдем. Беру у Светы сумку и направляюсь к контрольным весам. В силу своего возраста и полного отсутствия хозяйственного опыта никогда не слежу за продавцами в магазине. Кажется униженным не доверять, спорить из-за каких-то копеек. А вдруг ошибешься, и на тебя наорут? Комплекс из школьной жизни. Если бы не слова продавца, нам бы и в голову не пришло, что уплатили мы втрое больше, чем стоили наши несчастные морковки и луковицы. Деньги небольшие, но удивительный масштаб обчета — в три раза!

Возвращаюсь к прилавку, говорю:

— Вы неправильно посчитали!

В ответ — невероятные расчеты и доказательства таким убедительным тоном, что невольно теряюсь: кто-то из нас двоих свихнулся. И тут на меня накатило какое-то смешанное чувство злости и азарта: не уйду, пока не разберусь. Были бы мои деньги, ладно. Но — парадокс: покупаем продукты старому, больному человеку, живущему на пенсию, наверняка небольшую, а тут еще этот наглый тип на мое объяснение о том, что мы из общества милосердия, говорит: «То-пай, топай отсюда».

Вдруг Света подходит к прилавку, высыпает из своего кармана мелочь и говорит ему: «Это тебе на завтрак!».

— Ты что? — хватаю с прилавка деньги. — Ты думаешь его этим удивить? Да он же благополучно их заберет и будет ужасно доволен.

Вспомнила статью Евтушенко «Притерпелость». Нет, нужно чтобы хоть один подлец был наказан. Вот он стоит здесь царем и ухмыляется, а мы для него — букашки.

— Где заведующая? — громко спрашиваю.

— Вот она! — отвечает и показывает пальцем на такую же довольно улыбчивую рожу красного цвета из мясного отдела.

Но через секунду улыбка над овощным прилавком превращается в гримасу. На наше счастье, в зале появляется настоящая заведующая. Объясняя ситуацию. Дальше происходит сцена, во время которой она сквозь зубы с яростью процеживает:

— Досыпай, уволю!

А он лепечет что-то насчет наших карманов, может, в них морковка спрятана.

На прощание оставляем автограф в жалобной книге и с потяжелевшей сеткой и чувством исполненного долга возвращаемся к дедушке.

Курицу варила Света, а я выполняла подсобные работы. Борис Ильич оказался очень интересным человеком. Общей темой стала Белоруссия, где он воевал. Расспрашивал о Минске, о писателях Адамовиче и Быкове, был в курсе всех политических событий в стране. Вспоминал тридцатые годы и рассказывал о них с позиций человека, пережившего все то, о чем мы сейчас читаем. Не все, оказывается, можно описать...

Кипел суп, кипела беседа, и мы уже совсем забыли о нашей основной миссии. Казалось, просто пришли к человеку в гости. Но пора было уходить. Прощались долго. И я испытывала какое-то щемящее чувство: вот уйдем сейчас, и этот человек останется один. Кто знает, на сколько? Он без конца благодарил нас, просил не забывать. И я обещала, что, когда снова буду в Ленинграде, обязательно зайду. Да мне и самой теперь этого хочется.

Возвращаясь, я поняла, что мне эта встреча нужна не меньше, чем ему. Мир такой жестокий порой, и мы все боремся, чтобы выжить, и редко покидаем свою защитную оболочку, опасаясь ранений. Но человеку необходимо хоть иногда сбрасывать ее, чтобы не срастись с ней, не затвердеть, не стать похожим на того типа за овощным прилавком. Интересно, что он думает о милосердии? О доброте? О людях? Может, вместо жалобы надо было лучше адрес общества оставить в этой самой книге? На всякий случай оставляю здесь. А вдруг прочтет этот номер? Ленинград, ул. Дзержинского, 5, общество милосердия.

Юлия НИКИТИНА

КТО ВОСПИТАЕТ «ДЕЛЬФИНА»?

«Ах, ты, debil разэтакий».

Задумываемся ли мы, что грешим дважды, произнося такие слова? Потому, что ругаемся, и потому, что используем как ругательство болезнь ребенка. На ком же наш грех отольется?

Рыжий 9-летний Женя никогда не говорил по телефону. Мороженое, равно как и телевизор, для него счастье на целый день.

Он никогда не расскажет вам стишок. Если попросите, пропоет похабную песенку. Не потому, что хочет позлить. Просто ничего другого не знает. Он может обругать матом, упасть в ярости и слезах на пол, если чувствует, что будут успокаивать. Женя не выдерживает пятиминутной беседы: отвлекается, вскакивает с места. По-медицински это называется «расторженность».

Наука в лице медико-педагогической комиссии поставила неуспевающему первокласснику Жене диагноз: легкая степень олигофрении в стадии дебильности. В семье, где бабушка и мать — пьяницы, это не удивительно.

Никто из жильцов дома не помнит, месяц или два ночует девятилетний мальчик на полочках у их дверей и на лестницах. Кто обедом накормит, кто пустит переночевать, у кого сам что-нибудь стащит. В основном, из еды.

— Вы что, не понимаете, это же debil! Он может ударить, убить.

— Нормальный парень, только распушенный.

— По таким колония плачет.

— Он хочет иметь друга, но никто во дворе дружить с ним не хочет...

Так говорят соседи Жени. Два мнения. И каждое выражает позицию по отношению к грязному, оборванному, немножко ненормальному мальчишке.

Первая позиция: Женя — второсортный человек. К такому и относиться можно без особых церемоний. Можно отобрать и сжечь балалайку, которую он где-то подобрал и тренькал на сохранившихся струнах, отвалить от хозяйских половиков.

Второе: Женя такой же, как мы. Конечно, невоспитанный, так ведь его никто и не воспитывал. Конечно, озлобленный и дерзкий, так ведь мало видел

МИЛОСЕРДИЕ

МИЛОСЕРДИЕ

добра. Чувствует и понимает Женя все не хуже других.

Именно благодаря таким людям, в большинстве не знающим о врачебном диагнозе, Женя не заболел от недостатка пищи, не одичал совершенно без общения и ласки, когда стал бездомным.

Да, в девять лет рыжий, шуплый Женя оказался никому не нужен. Мать, воровка, сбежала из города в неизвестном направлении, оставив еще одного, двухлетнего, ребенка бабушке. Отца нет давно. Бабушка пьет и дерется, домой не пускает.

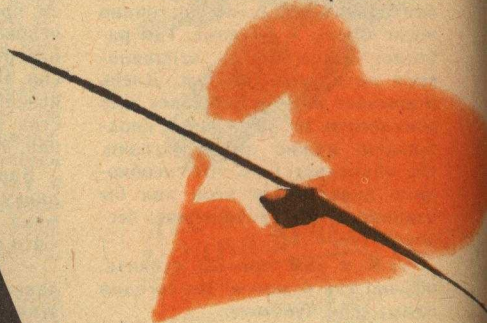
Когда очень хочется есть, Женя обжаривает подобранные на улице куски хлеба.

Очень трудно теперь будет восстановить в Жене человека из полудикаря.

«Только глубоко интимная связь с матерью или человеком, ее заменяющим, психический комфорт и индивидуальное внимание — факторы, стимулирующие психическое и интеллектуальное развитие ребенка», — пишут чехословацкие ученые, авторы книги «Психическая депривация у детей».

Матери у Жени нет, человека, ее заменяющего, — тоже. Остается спецшкола-интернат. Там накормят и оденут, стресс снимут — уколом в психбольнице. Но этого оказывается мало.

Наука в лице главного детского психиатра Минздрава РСФСР Виктора Борисовича Брейса говорит, что при этой болезни изменяются ткани головного мозга. Эти дети не способны к отвлеченному мышлению, у них обеднена эмоциональная сфера, ослаблена воля, они хуже адаптируются в новой обстановке, хуже планируют свою деятельность. Но они хорошо под-

даются обучению, им доступны около 100 профессий.

Наука беспристрастна, однако люди, имеющие дело с детьми, не бывают беспристрастны. Они либо становятся «человеком, заменяющим мать» и борются за каждого добром, а не только лекарствами. Либо видят рядом с собою второсортного человека, «дебила». Так проще.

— Многие выпускники вспомогательных школ-интернатов нормально работают в системе соцобеспечения, в заводских цехах, некоторые даже бригадирами, — говорит Геннадий Васильевич Дудин, проработавший воспитателем в интернатах 30 лет. — Они отзывчивее, приветливей и доверчивее, чем многие из тех, кто считается нормальным, некоторые из них работают над собой больше, чем здоровые. Не говорю уже о том, что могут превосходно себя обслуживать, а в «Реверс», игру на внимательность и сообразительность, меня обыгрывают в 20 партиях из 100.

Но он работает с ними почти круглосуточно. Тринадцать человек взял под опеку.

Вот уж где «добро лечит». Таких людей, как Геннадий Васильевич Дудин, мало. Они почти герои, потому что не благодаря системе медицинского обслуживания, а вопреки ей выращивают из таких запущенных детей, как Женя, самостоятельных, нравственно здоровых людей.

— Воспитателю не доверяют. Каждый шаг, будь то поход в город или отбой, оговорен инструкцией, — с жаром начинает Геннадий Васильевич. — Как будто мы такие же неразумные дети, не знаем, что в речке можно утонуть, а на дороге — попасть под машину.

Один воспитатель получил выговор за то, что... отпустил мальчишку в городской туалет, мимо которого они проходили классом. Инструкция запрещает — без сопровождения взрослого. Значит, надо было классом — в туалет. Второй воспитатель лишился работы за то, что на день задержался в палаточном походе по Кавказу с учениками спецшколы. Просто не смог предупредить телеграммой гороно, что в горах внезапно выпал снег и двинуться из селения никуда нельзя было. За это московским интернатам надолго запретили ходить в походы. Всем.

Формальный подход и порождает равнодушие преподавателей.

Представьте себе семью из двухсот человек. Как ею можно

управлять? Естественно, чем кучнее, тем жестче дисциплина. Но зачем создавать такие большие «семьи»?

Во имя контроля один учитель по-новому организовал подготовку уроков: 1-й час все учат математику, 2-й час — русский язык, 3-й — чтение. Но ребята не одинаково быстро усваивали предмет и не одинаково быстро переключались на другой. Успеваемость упала у половины класса. Ее списали на общую умственную отсталость детей.

— Наши дети чаще апатичные, чем живые, — продолжает исповедь Геннадий Васильевич, — ведь никто не обращает внимания на то, что им хочется и чего не хочется. Есть один режим для всех. И ему, конечно, надо подчиняться. Это отупляет и без того неяркие индивидуальности.

Хотя, если разобраться, что особенного может хотеть неизбалованный ребенок? Немного внимания, однажды не спать, когда все спят, и еще какую-нибудь безделицу.

Маленький факт: в месяц интернатовцам выдается по 2 рубля на личные расходы. Но деньги иногда остаются нерас траченными. Никто не экономит — тратит не на что. Связь с городом — редкая. Закрытое заведение сделало их робкими, закованными. Они не соприкасаются с нормальной жизнью и потому очень непрактичны, тугодумы.

Если нет права на ошибку, то нет и развития. Чтобы девочка научилась варить суп, она пару раз должна испортить продукты. То ли недосолить, то ли переперчить. Но к интернатовской кухне ее не допустят санстанции и техника безопасности. Самое обидное — сошлются на диагноз «умственно неполноценная». Что ж ей, так и оставаться... А будущая семья, которую она захочет иметь? В отдельной квартире они жить не приспособлены. Во всяком случае, после интерната. Доходит до абсурда: ребята не знают, что на утро нужно завести будильник. В интернате их будили воспитатели.

Интернатовский быт не создает никакой иллюзии квартиры: 10—13 коек в палате, желтые шторы.

— Жалко смотреть. Сколько комплексов рождается!

Несколько раз Геннадий Васильевич приводил к себе в квартиру любопытных ребят. Для них — событие: час-два побывать ДОМА, погреться у чужого огня. Воспитатель не сомневается, что

каждый из этих пацанов и девочек достоин счастливого детства.

Даже изобретать ничего не надо, чтобы приблизить такое детство. Уже в 50 странах существуют детские дома квартирного типа. В одном коттедже живут 10-11 сирот и супружеская пара воспитателей со своей семьей.

Кто же этот таинственный «наверху», мешающий осчастливить Женю и ему подобных? А не мы ли сами, убивающие словом «дебил»? Кстати, врачи города Риги, внедряя у себя новый метод лечения и воспитания детей в начальной стадии олигофрении, называют их «дельфинами». Мы в восторге, когда видим на экранах телевизоров больших ласковых морских животных. Мы умиляемся, наблюдая, как дети щедро протягивают им всякую снедь. И преклоняются перед спокойными дрессировщиками и учеными, которые уверяют, что нашли с дельфинами общий язык.

А наш «дельфин»? Кто воспитает его? Кто найдет с ним общий язык? Без крика, без оскорблений.

Степень цивилизации и степень гуманности общества определяются тем, как оно относится к самому немощному. Это известно давно. И это надо помнить.

Наталья КАШТАНОВА

**«ПРОШУ МОИХ
БУДУЩИХ ДРУЗЕЙ
ОКАЗАТЬ МНЕ
МАТЕРИАЛЬНУЮ
ПОМОЩЬ...»**

В конверте — четыре листка. Каждый, как заявление, начинается словами: «В редакцию журнала ЦК ВЛКСМ «Парус». И заканчивается — подписью и датой. А между этими реквизитами письма — следующий текст: «Я, Ромашкин Саша, сирота, детдомовец, воспитанник детского дома, прошу оказать мне материальную помощь — выслать мне 450 рублей, а также выслать и подарить приглашительные билеты в Кремль на праздник новогодней елки и номера журнала «Парус» за 1980—1989 годы. В просьбе прошу не отказывать и просьбы выполнить».

Кроме того, наш «постоянный читатель, сирота, детдомовец» просит опубликовать «материа-

лы о Владимире Ильиче, семье Ульяновых, большевиках и соратниках дорогого Ильича, о Леониде Ильиче Брежнев, Андропове Ю. В., Черненко К. У., народных артистах СССР — Леонтьевой Валентине Михайловне, Высоцкой Ольге Сергеевне, Левитане Юрии Борисовиче, Большом детском хоре радио и ЦТ и Серееже Парамонове. С уважением».

Еще раз поминаются билет на Кремлевскую елку и подшивки за 1980—1989 гг. Пожелания успехов, крепкого здоровья, мирного неба над головой. И заключительный аккорд с нажимом: «Ал. Ромашкин, сирота, детдомовец, воспитанник детского дома».

Да, конечно, можно принять за розыгрыш. Тем более, что обратного адреса нет: «Москва, К-12, до востребования». Но Саша Ромашкин присылает в редакцию уже второе письмо. Чуть раньше он обращался в рубрику «Ищу друга»: «Прошу вас написать мне, пожалуйста, письма, выслать и подарить мне, детдомовцу, подарки и одежду! Живу в детском доме!

Мамы, папы у меня нет. Родных тоже!

Учусь на отлично!

Прошу всех моих будущих друзей оказать мне материальную помощь».

Каждое из этих писем по отдельности можно было бы, пожавав плечами, списать в архив. Но два вместе редакцию встревожили. Несколькo смущала, правда, такая целеустремленность молодого человека — 450 рублей и подшивки журналов, ни больше, ни меньше. Но то, что Саша Ромашкин нуждается в помощи, казалось бесспорным. Как, однако, найти в громадной Москве пятнадцатилетнего парня по той единственной примете, что его зовут Александр Ромашкин (если это правда)?

Письма легли в «тревожную» папку. Вскоре к ним добавилось еще одно — на обратной стороне телеграфного бланка, а потому лаконичное: «Прошу мне, сироте, выслать в заказном письме деньги. Воспитанник детдома, сирота, детдомовец».

Такова предыстория. История же о том, как в многомиллионной нашей столице я все-таки нашла Сашу, будет простой до невероятности.

Почтовое отделение К-12 располагается почти напротив ГУМа. Узнав об этом, я уже прикидывала, успею ли на сегодняшний обратный поезд — кто в таком людном месте запомнит мальчишку, получающего письма

«до востребования»? Но — слава профессиональной памяти пенсионеров! Анна Александровна Юркина, выдающая эти самые письма, налетела на меня коршуном:

— Для Саши надо что-то сделать! Надо ему как-то помочь! Вы все бездушные люди! Он, беденький, пишет-пишет, каждый раз прибегает: «Нет мне ответов?», а ему не ответы, а одни отписки! Как же так можно! Почему ему никто не поможет?!

С трудом мне удалось убедить разгневанную всеобщей черствостью женщину, что я приехала именно с целью помочь Саше, но для этого мне надо как минимум с ним встретиться и поговорить. Где он живет — не знал никто. Но приходит почти ежедневно, часов около шести. Договорились, что и я приду к этому времени, а если Саша появится раньше, то он меня подождет. На всякий случай я оставила и номер своего телефона в гостинице.

В 18⁰⁰ меня встретила донельзя растерянная Анна Александровна: «Он пришел минут десять назад, но как только я ему сказала о приезде корреспондента — убежал».

Признаться, чего-то такого я ожидала.

Теперь мне легче было разговаривать с Анной Александровной.

Еще до поездки меня заинтересовало одно противоречие: Саша утверждает, что ему пятнадцать лет, но почту получает «до востребования». А без паспорта это невозможно. Паспорт же, как известно, получают в шестнадцать. Значит — где-то обманывает. На проверку оказалось проще:

— Он сказал, что раньше брал письма на почте, которая в ГУМе. Там его девочки знали. Но у них ремонт. А я ему говорю: «Конечно, письма я тебе отдам, но ты все-таки принеси хоть какой-нибудь документ». Он и приносил какой-то. Не помню. А может, это чужой был? Может, он вообще — сделал что-нибудь? Или его кто-то заставляет нехорошее делать? — Анна Александровна все никак не поверит, что она знает о Саше куда больше моего. Хотя — все равно не много.

Саша живет один, работает дворником. По его словам — убирает пять участков. Летом долго не приходил, сказал, что ездил к бабушке в деревню. На почте появляется, в основном, в смену А. А. Юркиной. Ее он знает, а остальные на него

кричат. Пишет очень много: и в ЦК, и в Совмин, и в газеты, и в комитеты. Отвечают ему редко.

— А с мальчиком надо что-то делать! Он не может жить один! Почему вы ему не помогаете?

«А вы почему? — хотелось спросить Анну Александровну. — Разве помощь обязательно должна прийти откуда-то издалека? Или у вас, как и у нас, нет в наличии требуемой суммы? Или вы, как и мы, хотите знать — кому помогаете милостью сердца?»

Я оставила для Саши записку. Ее положили в ячейку, где уже лежало письмо из газеты «Ветеран». Там она и пролежала до моего отъезда, неостребованная.

Почему? Не поверил? Испугался? Но для чего ж тогда рассылал этот мальчик такие слезные письма — разве не для того, чтобы ему помогли? Или ему надо только то, что указано в письме, — деньги и проч.?

Может, кощунственно это по отношению к Саше, но, ассоциации всегда невольны, вспомнилось из детства: привокзальный дом, нердежные звонки: «Нищие мы, хозяйка...» И растерянность мамы, услышавшей спокойное: «Хлеб не берем. Нам бы деньгами».

Наверное, потому не было для меня неожиданностью резкое исчезновение Саши Ромашкина, что он лишь назвал своим красивым именем явление, как-то особенно ярко проступившее у нас в последнее время.

Мальчишка не стесняется просить подачку. Не с жильем ему надо помочь, не с работой, не с ответом на извечный вопрос юности: «В чем смысл жизни?» — ему требуется материальная помощь.

Откуда же родом негордая эта нужда?

Шефы наверняка привозили в его детский дом 27 комплектов какой-нибудь «Библиотечки вожакого» — раз в году, в декабре.

И добрые тети наверняка приходили в этот дом — давали деткам конфетки, гладили по головкам, — не появляясь больше ни разу.

И в центральной газете, проходящей в библиотеку, читали детдомовцы о том, что камчатское село взяло шефство над юной москвичкой, чей папа геройски погиб. Всем селом регулярно шлют посылки, наполненные неизвестными столичным жителям дарами природы. Даже школьную форму пообещали

камчадалы купить девочке, огласив свое обязательство на всю страну.

Так чего же должен стесняться юный Саша, клянча свой злосчастный билет? Ведь в свои пятнадцать он не представляет, что могут быть какие-то формы помощи — НЕ жесты. И именно к жесту призывает своих адресатов, зная, что зачастую дающему важно лишь утверждение в чужих и собственных глазах. А сама помощь — плата за звание милосердного. Так почему не он, Саша, должен получать эту плату?

В одном декабрьском материале из Армении я встретила мысль, вначале покоробившую: теплых вещей прислали со всего света так много, что в какой-то из комнат какого-то штаба по ним ходили. «А нуждающиеся в этой одежде у нас есть не только в Армении...»

Ведь, и правда, есть. И не только в одежде они нуждаются. Но их лишения не столь грандиозны, не настолько потрясают своими размерами. Думаю, найдутся даже желающие поспорить, кому тяжелее живется: старым или юным, сиротам или страдающим от чрезмерной родительской опеки. Особенно если перед ними предстает не абстрактная старость на 33-рублевой пенсии, а конкретная и очень вредная старуха с первого этажа, не какая-то там нуждающаяся семья, а шестидесятилетняя Ивановы, у которых всегда шумно.

Тогда, в декабре, многие из нас очищали свою душу жестом. Но это был и есть один из очень редких случаев, когда важны не мотивы, а поступки. Все деньги: и те, что от чистого сердца, и те, что с рекламными целями, — все они шли в фонд помощи. И жест ставился Символом, входил в историю как Пример, Школа милосердия.

И детей в свои семьи многие хотели взять искренне. Помню, одна немолодая пара на телеэкране доказывала, что у них хорошая квартира, они обеспечены и поэтому достойны взять на воспитание армянскую девочку. Но думали ли раньше эти обаятельные, отзывчивые люди, что гораздо ближе, чем Ереван, находится детский дом? И в нем не одна девочка очень-очень ждет, когда за ней придут. Может, есть и армянская. Вот только не «пострадавшая»...

Землетрясение заставило очнуться, посмотреть на себя, увидеть, какие мы сострадательные, отзывчивые, милосердные люди.

Почему для этого нужна такая жестокая беда?

Если бы кто-нибудь несколько лет назад осознал, что он добрый, может, у меня и не было бы повода писать все это — не отправляя бы Саша Ромашкин свои письма.

Но он их отправлял. А мы получали. Потому я рассказываю все как есть, имея, правда, и скрытую цель — вдруг Саша напишет в «Парус» не только о билете на Кремлевскую елку. А о том, как вообще живется «сироте, воспитаннику детдома, детдомовцу». И, в конце концов, среди наших читателей наверняка найдутся те, кто ему поможет.

Дина МИНА

Здравствуй,

Малая редколлегия!

Два слова о себе. Мне 20 лет. Ленинградец. Уже пятый год нахожусь в местах не столь отдаленных. В ранней молодости похулиганил и до сих пор не могу расплатиться. Ну, это не столь важно. Я вот что хочу у вас спросить. К вам в журнал пишут письма люди всех возрастов. Часть из них публикуется. Кто-то хочет познакомиться. Кому-то необходима поддержка со стороны. Кто-то показывает свое «я» и хочет знать о самом себе мнение читателей. Всего хватает. Но я хочу знать: что за черта, что за стена в отношениях между мной, 20-летним, и молодыми парнями и девушками на воле? По многим адресам, публикуемым в журнале, я писал письма. Но итог один. Молчание и еще раз молчание. В чем же дело? Что за странное клеймо стоит на мне, что даже переписываться со мной не хотят? А после моего освобождения что будет? Здесь со мной отказываются переписываться, а на воле просто будут отворачиваться? А ведь так оно и будет! Я никому не собираюсь доказывать, что я хороший. Я такой же, как все. И живу тем же, чем и вся нынешняя молодежь. В чем же дело? Создается такое впечатление, что мне грозит смерть от одиночества. Шучу. Но будущее меня пугает. А как исправить создавшееся положение, я даже не знаю. Может быть, вы мне что-нибудь посоветуете?

С уважением

Дмитрий

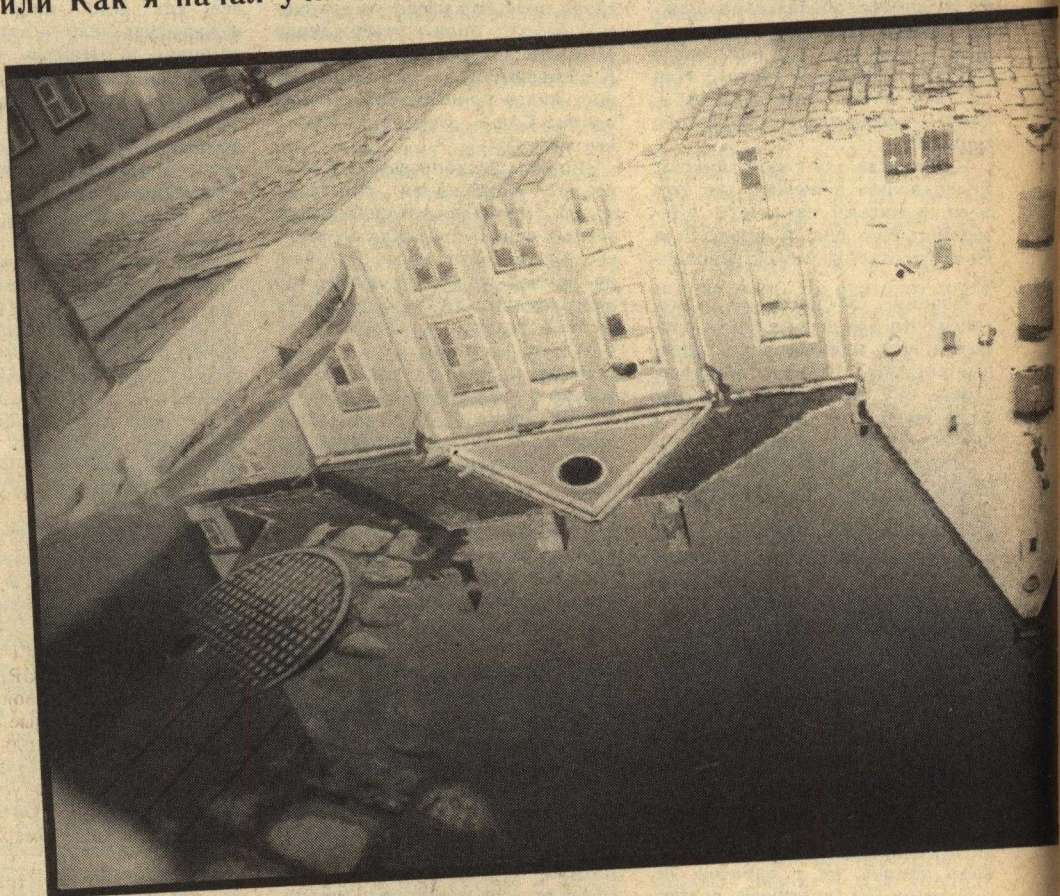

Оформление
Людмилы СЕЛИВОНЧИК

работа над ошибками

НЕПОНИМАНИЕ,

или Как я начал учить эстонский

Игоря Муфеля наши постоянные читатели знают как «своего человека в Мировом океане», ведущего рубрики об экзотических странах и дальних плаваниях. В очередной раз «моряк сошел на берег» и... открыл Америку в порту приписки своего корабля, городе Таллинне, где шло бурное обсуждение проекта Закона о языке. Как вы знаете, Закон в январе был принят, но «работа над ошибками» идет.

Спроси меня год-полтора назад, знаю ли я эстонский, я искренне пожал бы плечами: «А зачем?..»

Конечно, мне приходилось сталкиваться с «бытовым национализмом», то есть кто-то не слишком охотно отвечал мне порусски. Но я считал это лишь ответной реакцией на хамское поведение приезжих — как тех,

кто приезжал на один день, чтобы «отовариться» в таллинских магазинах, так и тех, кто вроде меня приехал сюда жить и работать. Уверен, что большинство читателей «Паруса», для кого родным языком является русский, на моем месте повели бы себя точно так же. Нет, я не оправдываюсь, ссылаясь на то, что все мы такие. Мы были такими. Но теперь мы должны

стать другими. Поэтому я хочу, чтобы вы вместе со мной задумались и постарались понять, что же происходит сейчас в самой маленькой республике нашей страны, как, впрочем, и во всех остальных.

Работаю я в Эстонском морском пароходстве, которое подчиняется не республиканскому, а союзному ведомству. Подавляющее число работников — всемогущие шесть процентов — эстонцы. Странно для традиционно морской республики? Пароходство расширилось, а местных кадров не хватало. Вот и пришлось принимать ребят из Белоруссии, Украины, Молдавии, РСФСР. Но я думаю, что дело не только в этом. По нынешним временам моряк торгового флота зарабатывает не так уж

много. А труд у него тяжелый, связанный с долгим отрывом от дома. Любой эстонец знает, что гораздо больше он сможет заработать, например, в рыболовецком колхозе, суда которого ведут промысел в океане и тоже заходят в «дешевый» порт Лас-Пальмас. Разумеется, если бы и у нас повысился заработок, то эстонцев в пароходстве стало бы больше. Но Министерство морского флота, разумеется, не волнуется проблема увеличения процента местных жителей в подведомственном предприятии. Пока и так немало желяющих «ходить в загранку».

В наших экипажах работали обычно не больше двух-трех эстонцев. Все они достаточно хорошо говорили по-русски. Из остального экипажа по-эстонски

практически не говорил никто. Только те, кто закончил здесь школу, знали несколько фраз.

Я перевелся в Таллинн из Новороссийска и приехал сюда с твердым намерением выучить язык хотя бы на бытовом уровне. Но скоро понял, что это ни к чему. На русском языке велась отчетность и документация. На судне, в управлении пароходства, в гостях, в пароходной гостинице я слышал только русскую речь. Мне приходилось сталкиваться с эстонцами в основном по бытовым надобностям: в магазине, баре, химчистке. Старался вести себя как вежливый гость — и никаких проблем. За восемь лет я не выучил и восьми эстонских слов.

В том межнациональном сообществе, в котором я жил, не нужен был не только эстонский язык. За пределами интересов

оказалась и культурная жизнь эстонского народа. Здесь не обсуждались ни проблемы истории, ни новая книга эстонского писателя, ни спорная статья в газете, ни даже концерт эстонской рок-группы. Я жил на эстонской земле и не задумывался о противоестественности такого положения.

А что же заставило задуматься впервые?

Наверное, вот такой случай. В июне прошлого года я вернулся в Таллинн после трехмесячного рейса. То, что я увидел, было для меня полной неожиданностью.

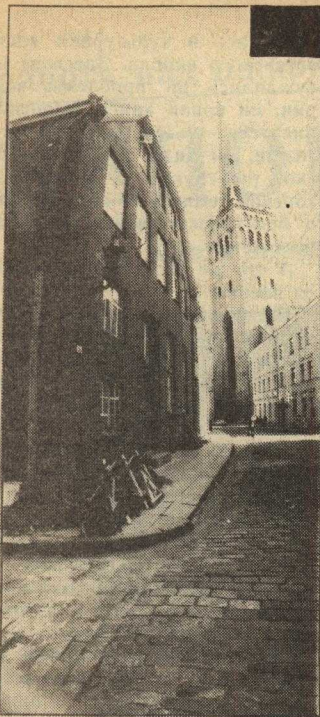
Проходили Дни Старого города. На улицах и площадях играли оркестры, выступали самодеятельные и профессиональные артисты, проводились ярмарки, выставки, повсюду толпился народ. Все это я видел неоднократно. Поразило вот что: я почти не слышал русской речи — только у киосков с сувенирами для туристов. За два дня я не встретил в Старом городе ни одного своего знакомого. Вернее, я встречал только знакомых эстонцев. На открытой сцене, сооруженной на Ратушной площади, один за другим выступали ансамбли: фольклорные, эстрадные, рок-группы — и все на эстонском языке. Даже мой любимый Академический мужской хор Эстонской ССР, который всегда включал в свою программу русские народные песни, на этот раз тоже пел только «свои». Впрочем, выступал цыганский ансамбль и пел, разумеется, по-цыгански. Но разбитная солистка объявляла номера и шутила со зрителями... по-эстонски! Их принимали с восторгом.

Над толпой развевались синечерно-белые флаги. У многих в руках были такие же флажки или значки на рубашках и блузках. А ведь еще совсем недавно человек, рискнувший выйти на улицу в одежде национальных цветов, скажем, в сине-белой спортивной куртке с черным шарфом, мог оказаться в милиции.

Честно говоря, я чувствовал себя не очень уютно. Было такое впечатление, будто я и не возвращался из-за границы. Будто наш теплоход зашел в Норвегию или Швецию.

...В тот день мне все же удалось поговорить по-русски. Я стоял в очереди за чашкой кофе и читал газету «Советская Эстония», как раз отчет о вчерашнем дне праздника. И вдруг услышал обращение ко мне с сильным эстонским акцентом:

— Извините, в газете, которую

вы читаете, пишут не всю правду... Чтобы знать правду о том, что происходит в республике, вы должны читать газеты на эстонском.

Потом я не раз сталкивался с таким мнением и не совсем с ним согласен. Читая газеты, выходящие на русском языке, вполне можно составить картину жизни республики, если не просто потреблять информацию, а хоть немного размышлять. Но что правда, то правда: многие проблемные статьи, важные предложения, волнующие всю Эстонию, в русскоязычной прессе появляются с большим опозданием.

Мы разговорились. Собеседник убеждал меня учить эстонский. Я вздыхал и ссылаясь на сложность языка. «А вы думаете, эстонцу легче выучить русский?» — веский довод. Мне нечего было ответить.

— А почему мужской хор не поет русские песни?

— Потому что никто не обязывает их петь, — сказал он и постарался меня утешить. — Они обязательно будут петь русские песни, но когда захотят сами. — Подумал и добавил: — Правда, должно пройти время.

Одно из главных направлений эстонского Народного фронта — защита национальной культуры и языка. От кого защищать? Зачем? Попытаемся понять.

Союзные ведомства строят немало предприятий в республике. Местных рабочих не хватает. Зато люди из центральных об-

ластей России с удовольствием едут в Эстонию не столько ради заработков, сколько из-за того, что здесь неплохое снабжение продуктами и промышленными товарами. Приезжих недолюбливают. Ведь миграция приводит к ухудшению жизни местного населения. В первую очередь ухудшается обеспечение жильем. Приехавшие живут обособленно, не утруждая себя изучением эстонского языка. Образуются целые крупные предприятия, на которых работают преимущественно неэстонцы. Число таких предприятий растет. Переписку между собой они уже ведут на русском языке и вынуждают к этому предприятия, на которых работает большинство эстонцев. То есть эстонский язык вытесняется из деловой сферы. Есть опасения, что со временем он станет лишь домашним языком небольшой части населения. Нечто подобное произошло уже на северо-востоке Эстонии. Всего же по республике за сорок лет численность коренного населения сократилась с девяноста до шестидесяти процентов.

Наверное, у разных частей населения — эстонской и русскоязычной, у тех, кто приехал давно и успел обзавестись здесь детьми, и у тех, кто живет в республике всего два-три года, существует свой взгляд на решение этих проблем. Но давайте прежде всего рассмотрим точку зрения коренного населения республики (составляющего все-таки большинство), которая выражается в «Программе Народного фронта Эстонии».

Кстати, надо обязательно учитывать, что его поддерживают не одни эстонцы. За десять процентов «русскоязычных» активистов — тысячи людей.

Как известно, к Народному фронту относятся по-разному. За пределами республики я не раз слышал, что эстонцы хотят отделяться. Я задавал этот «провокационный» вопрос не одному десятку людей. И всегда слышал один и тот же ответ: «Нет, мы не хотим отделяться — нам это невыгодно». Признаюсь, меня несколько коробил такой потребительский подход к нашему Союзу. Но если отбросить эмоции, разве не соображениями выгоды руководствовались советские республики, когда объединялись в 1922 году? Вместе легче решать экономические проблемы, легче противостоять общему врагу. Оставаясь в составе СССР, быть хозяевами на своей земле — вот что провоз-

глашает Народный фронт, вот что пользуется поддержкой подавляющего большинства эстонского народа.

Мне очень хотелось выработать свою позицию по отношению к Народному фронту, и я рассуждал так. Если это националистическое движение, то, как интернационалист по убеждению, я должен с ним бороться. Если же движение демократическое, то есть заботится о благе не одних эстонцев, но и всех людей, живущих в Эстонии, и при том добивается своих целей демократическим путем, тогда подход к нему должен быть совсем другим. Я должен либо поддерживать Народный фронт (в том случае, если разделяю его программу), либо с пониманием и уважением относиться к его деятельности как к одному из течений в общем русле перестройки.

Побывав на многих митингах и манифестациях, узнав весь спектр мнений, я почти уже не сомневался в демократичности движения. И вот тут вышел проект Закона о языке. Какое разочарование! Проект показался мне несправедливым. И поскольку в его подготовке принимали участие представители Народного фронта, я посчитал, что слова у них расходятся с делами. Такое мнение сложилось не у меня одного. Проект вызвал настоящую бурю среди русскоязычного населения республики. А помполит судна, на котором я тогда работал, старый партийный работник и думающий человек, сказал в сердцах: «Когда вышла их программа, так хоть всем экипажем вступай в Народный фронт. А теперь что? Собирай манатки — и вон из Эстонии?».

Отношение к Закону о языке стало как бы пробным камнем для определения позиции многих людей в республике, в том числе и моей собственной.

Несомненно, что основное положение Закона было справедливым. Язык коренной национальности провозглашался государственным. Так что же меня покорило? Несправедливым, как мне казалось, было то, что предлагалось одним махом изменить ситуацию, которая складывалась десятилетиями. Те, кто готовил проект, утверждали, что в своей сути закон демократичен. Он направлен не против простого человека, а против чиновника-бюрократа, не желающего учить эстонский язык. Простой же человек может обраться на русском либо эстон-

ском в любое учреждение: в суд, в профком, телеателье, к продавцу магазина — и получить ответ на том языке, на котором обратился. Знание двух языков требовалось не от всей русскоязычной части населения, а только от определенной категории служащих.

Ну, хорошо, — рассуждал я, — возьмем мы чиновника, а, скажем, пожилого врача. Осталось шесть-семь лет до пенсии, а тут учи язык? Да, государство в течение трех лет будет учить его бесплатно. Но возраст есть возраст. Вот и придется опытному специалисту тянуть до пенсии где-нибудь в лаборантах.

Мой знакомый, пожилой эстонец, прекрасно владеющий русским, старался объяснить мне, что ситуация вовсе не такая трагичная:

— Видите ли, — говорил он, — от врача ведь не потребуются владеть языком свободно. Достаточно знать необходимый минимум. То же самое можно сказать и о продавщице, радиомастере. Другое дело — руководители предприятий, чиновники заводской администрации, работники управления. От них требуется более высокий уровень знания языка, ведь им придется работать с людьми, вести делопроизводство. Закон может стать препятствием для их карьеры.

— Значит, они и мутят воду?

Мой знакомый развел руками.

А по республике шли собрания трудовых коллективов. И везде, где эстонцы составляли меньшинство, требовали или не принимать Закон совсем, или ввести два государственных языка. Те, кто не знал язык, добились права не знать его на законных основаниях.

Страсти бушевали, однако эстонцы вели себя на удивление корректно. Мне показалось, что в магазинах, в транспорте, на улицах люди были подчеркнуто вежливы. Я не могу удержаться, чтобы не привести слова академика Виктора Пальма, сказанные на первом конгрессе Народного фронта: «Поскольку национальная проблематика поднята по инициативе эстонцев, то и ответственность ложится на них».

В проекте было одно положение, надо сказать, впоследствии снятое, которое прямо-таки убивало своей недемократичностью. Говорилось о том, что русскоязычное собрание или митинг обязательно долж-

ны иметь переводчика. Вдруг затесавшийся в толпу эстонец потребует перевода! И ничего не говорилось о том, что русский переводчик должен быть у собрания эстонцев.

В те же дни мне довелось присутствовать на собрании активистов Народного фронта. Здесь их называют уполномоченными. Никаким уполномоченным я не был, просто пришел полюбопытствовать. В зале, оборудованном наушниками, собралось человек сто пятьдесят. «Кто не понимает по-эстонски?» — спросил председатель собрания. Человек десять подняли руки. «Хорошо, — сказал председатель, — будет параллельный перевод». И мы, десять человек, надели наушники. Обсуждался национальный вопрос и республиканский хозрасчет. Докладчик сделал доклад на эстонском. Но все выступавшие говорили по-русски. Некоторые не очень хорошо, с трудом подбирая слова, но все равно они предпочитали общаться с нами непосредственно, а не через переводчика. Я чувствовал себя неловко от такого внимания. Вспоминая недемократическую статью проекта, я думал, что это тот редкий случай, когда дела лучше слов.

Именно тогда, после собрания уполномоченных, я окончательно решил выучить эстонский. Первый же мой товарищ-эстонец, к которому я обратился, с готовностью согласился помочь мне в изучении языка.

Очередная сессия Верховного Совета ЭССР решила отложить принятие Закона. Новый проект, в котором, на мой взгляд, были сняты все недемократические положения, должен был обсуждаться еще в течение месяца. И в этом обсуждении мне пришлось участвовать уже во время рейса, в коллективе, где был всего лишь один эстонец. Об этом стоит сказать несколько слов.

Наш экипаж дружно выступил против Закона о языке. Возражения были самые разные: от примитивного: «Ишь, чего захотели!» до резонного: «Закон не обеспечен материально... Где взять учителей? Где взять деньги?» Интересно, что никого из нас лично Закон не затрагивал. Да, он затрагивал детей. И детям придется попотеть над эстонским. Мало кто хотел разобрататься в положениях Закона. Его отвергали огульно, ему не верили. «А вдруг заставят учить», — вот что слышалось за

разговорами о нарушенной справедливости.

Я пытался убеждать. Говорил, что живем мы не в Таллиннской области, а в суверенной союзной республике. Говорил, что мы должны понять, о чем мечтает народ, среди которого мы поселились. Говорил, что по поводу событий, происходящих в Эстонии, мы так часто задаем дежурный вопрос: «Нет ли здесь национализма?» И никогда не спросим себя: «Нет ли шовинизма в нашем неприятии происходящего?» Ничего не помогало. Наверное, я был плохим агитатором. А на свой собственный пример мне было еще неудобно ссылаться: в то время я учил всего вторую сотню эстонских слов.

На судовом собрании лишь четверо проголосовали в поддержку Закона. Двадцать пять были против. Обескураживающий результат.

В африканском порту Варри мы встретились с рефрижераторным судном из Севастополя. Его экипаж, имевший довольно смутное представление о событиях в Эстонии, попросил нашего помполита прочитать лекцию. Мне хотелось узнать, какой будет реакция севастьяпольцев, и я увязался за помполитом. Реакция была неожиданной: «Это несправедливо, если эстонец, живущий у себя на родине, говорит по-русски, а русский, приехавший в Эстонию, эстонского не знает и знать не хочет», — так высказались ребята с рефрижератора. Похоже, что у них на судне Закон получил бы поддержку. И ничего неожиданного тут нет: их взгляд был взглядом со стороны.

Однако мои товарищи... У меня больше не оставалось аргументов в нашем споре. Впрочем, кроме главного — убедить собственным примером...

Я учу эстонский.

Игорь МУФЕЛЬ

Фото Елены АДАМЧИК

Во время перестрелки Илья Курочкин с товарищем лежали на валу. Здесь, на внешнем валу, метрах в пятидесяти перед заставой — мощным, с башнями, бетонным сооружением, — их было только двое. Броня с десантом ушла к каравану. Из бойниц башен, из-за стен торопливо били автоматы, покрывал все грохот тяжелого пулемета — стреляли по уходящим далеко душманам, в сторону каравана. В общем обвальном грохоте негромко стрекотнула в камышах очередь. Полоснула товарища. Одна короткая очередь из тех речных камышей, что подходили к валу и к заставе почти вплотную. Стреляли потом в ответ по камышам, неизвестно, попали в кого или нет. С бочета не отвечали, только и была одна очередь. Пуля или сразу две разнесли Булавину голову, но тело его еще долго дергалось. Брызги крови заляпали Курочкину лицо. В горячке боя он стрелял по камышам и тем спас себя от ужаса.

Потом — не когда переносили тело, не когда отмывался от чужой крови, а еще позже, когда остался один, — Курочкин сообразил, что судьба оставила ему жизнь за жизнь Булавина, что им выпала одна смерть на двоих. Может быть, Булавин, сам того не зная, прикрыл его от пули, а может быть, басмач прилаживался с автоматом и так, и эдак, выбирая цель, можно было взять и того, и этого. Выпало «орлом». А могло «решкой» — наоборот. Больше — не только во время боя, но и за все время, пока Курочкин на «Основе» служил, — никто не погиб.

Несмотря на потрясение от смерти одногодка, Курочкин не то, чтобы не верил в серьезность намерений противной стороны — тут сомневаться было невозможно, — Курочкин, скорее, не ощущал себя воюющим солдатом. То представление, которое имелось у него о войне, о Великой Отечественной, почерпнутое в книгах, не накладывалось целиком на его нынешние обстоятельства. Все ж таки это была служба. Особая, опасная, с перестрелками, но служба. «Основа», сторожевая застава, где он провел несколько месяцев, никак не походила на оборонительные сооружения Великой Отечественной, скорее, она напоминала средневековый замок, каменный оплот, возвышающийся над приречным крестьянским краем: ночью каждые полчаса на высокой башне, разменяв время, стрелял в воздух часовой...

Курочкин сюда не просился, но когда после призыва, в учебной части, стало известно, что их готовят в Афганистан, отнесся к этому спокойно. Если кто-то должен, то почему не он? Тут была логика обстоятельств, а логику Курочкин понимал. Домой же, как и большинство его товарищей по учебной роте, написал некую фантазийную, с экзотическим ароматом, ерунду, у кого на что воображения хватило. Курочкин сообщил своим, что его готовят для горных районов Югославии. В роте нашлись, однако, и такие, кто не только ничего не фантазировал, но, напротив, написал родителям больше, чем даже знал. Если Курочкин, сообщив домой про Югославию, самым серьезным образом взялся за изучение того, что могло пригодиться ему в горных районах, то эти, наоборот,

сообщив об Афганистане, изо всех сил старались ничего про горные районы не знать и не слышать. Их логика, нет, не логика, а способ мышления, подсказывал, что того, кто не пройдет полный курс, не возьмут. Впрочем, тут следовало опираться на что-нибудь более существенное, чем просто способ мышления, например, на связи. Некто срочно покинул роту Курочкина, чтобы в ближайшем крупном городе — Тбилиси — лечь на обследование. Самое тщательное и потому чрезвычайно длительное обследование — почти два месяца — признаков искомого заболевания не обнаружило. Но теперь сын своих родителей для горных районов уже не годился, потому что курс не прошел, и его, понятно, не взяли.

Курочкин не злобствовал и уж, конечно, не завидовал. Однако это был неприятный удар по логике, той логике, что помогала готовить себя к испытаниям.

Когда же, в конце концов, Курочкин обнаружил свою неготовность, оказалось, что неготовность эта относится не к войне, не к службе, о которой он еще до армии по телепередачам «Служу Советскому Союзу!» знал, что она, служба, предусматривает уставные «тяготы и лишения», а как раз к тому, что никаким уставом предусмотрено не было. Неготовность Курочкина начиналась там, где кончалась логика.

По прибытии в Афганистан Курочкин прямо со взлетки снова попал в учебное подразделение, где познакомился с экзотическим чаем из верблюжьей колючки. Все остальное было примерно так же, как в Союзе. Те же занятия, те же начальные сведения по военным предметам, о которые программа как будто спотыкалась, так что Курочкин начал подозревать, что до самого важного и нужно-

ММТ
Последняя публикация из

Предыдущие статьи «Афганистан, Афганистан, Афганистан...» смотри в №№ 9, 11 за 1988 г. и в № 2 за 1989 г.

го дело не дойдет, пока он сам не окажется в горах, сам все не попробует, не поймет и не посмотрит. Между тем возникли сомнения в том, что Курочкин вообще горы увидит. Ребята со взвода «сделали ему западло», как Курочкин это назвал, — вытолкали из строя, когда пришел начальник клуба, вот, мол, он на пианино играет.

Курочкин и вправду окончил пять классов музыкальной школы. Однако же никакого особого желания отбыть свой афганский срок за кулисами гарнизонного Дома офицеров не проявлял. Исходил из той же самой логики, по которой спокойно принял известие об Афганистане: на службу не напрашиваться, от службы не бегать. Должно быть, именно поэтому он уже тогда, в учебке, считался толковым солдатом. Курочкина рассчитывали забрать к себе командир роты сопровождения колонн, и понятно, что одного человека два командира поделить между собой не могли.

Начальник клуба обратился к самому Курочкину, нимало не сомневаясь, что тот свою выгоду поймет. «Там, в роте, ты будешь духом и будешь летать», — сказал майор.

Курочкин прекрасно понял. Под духом, конечно, следовало разуметь не душмана, и точно так же значение слова «летать» не соответствовало общепринятому смыслу. Курочкин уже слышал о дедовщине, и если чему удивился, так это только осведомленности о порядках в чужом подразделении, которую выказал майор. Очевидно, полеты духов ни для кого в части не представляли секрета и происходили при любой погоде.

Попал Курочкин в роту. И очень скоро убедился, что майор из клуба был прав.

Теперь, вспоминая эти далекие уже, мучительно тяжелые дни, Курочкин говорит: «Сначала только присматривались». Слово «присматривались» употребляет в буквальном, литературном смысле. Присматривались, однако, «деды» к салаге-духу посредством легких направляющих туманов.

С первой, ну, со второй, попытки Курочкин обязан был включиться в ту безжалостную игру, которая называется дедовщина. По правилам этой игры простейшие, элементарные вещи значили вовсе не то, чем выглядели наружно. Это был мир логики, вывернутой наизнанку. Когда дедушка говорил Курочкину принести воды, то это была не просьба товарища оказать услугу, а ритуал, призванный отрепетировать и закрепить роли. Вода, вон она — рядом, зайти в казарму, услуга невелика. Дедушка, однако, не просил воды, он испытывал духа. Присматривался, если хотите. Услуга действительно невелика, и Курочкин, понимая, что не он первый, не он последний, что не им придумано, не ему ломать, словом, имея в виду массу совершенно здравых соображений, приносил воду, бежал в каптерку за сигаретами, шел в гарнизонный магазин, мыл чужую машину... Отдыха не давали, в границ, хотя бы туманно очерченных, у этого «присмотра» видно не было. Скоро Курочкин обнаружил, что совсем лишен свободы движения.

Наконец, Курочкин принужден был взбунтоваться. Потом, трезво оценивая происшедшее, Курочкин понял, что и бунт его входил составной частью все в ту же игру — дедовщину, прямо был предусмотрен и спровоцирован. И что, решившись на свой запоздалый и, по правде говоря, «игрушечный» бунт, он не совершил ничего такого, что бы не было заранее предусмотрено правилами. Увы.

Это случилось через пять дней после того, как Курочкин попал в роту. (А пять дней для духа большой срок — вечность). Послали в магазин за сигаретами. Или нет, за швейцарским консервированным соком. Или еще за чем-то, за каким-то пустяком. Помнится, там был целый список. А он купил не то, напугал, или купил не все, что нужно было... Большого и не требовалось. Били ведь его не за то, что двухсотграммовую баночку сока не принес, и вообще не за что-то конкретное, били даже не из злости, и без раздражения — били по обязанности. Деда ведь, по сути дела, были такие же подневольные люди, как и духи, имели обязанности перед воспитавшей их системой, перед жесткими, не допускающими отступлений, правилами игры. И если обязанностью духа было «летать», то столь же важной, может быть, даже еще более важной для сохранения и процветания системы обязанностью деда было учить духа этому «лету». Курочкина не били. Курочкина учили. В том древнем смысле, в каком наши деды-прадеды «учили» друг друга уму-разуму дреколем, ослопьем, багогами и всем, что под руку подвернется.

Били его двое. В казарме, между коек. В таких случаях особым шиком считалось бить на улице — вероятно, потому что увидит офицер, больше, и потому опаснее. А значит, деды подвиглись на рискованное дело, а не просто как последние гниды вдвоем бьют одного, не смеющего защититься парня. Деда, конечно, знали, что их могут застать и в казарме. Но знали они прекрасно, что если застанут, не бог весть как страшно.

Курочкин не защищался, просто закрывался руками. Он не умел драться, не умел заставить себя ударить живого человека по лицу. Воспитанный на книгах, он проповедовал: нужно любить человека, уважать человека в человеке. Но били-то его как раз с единственной целью лишить этого уважения не только к кому бы то ни было, но и, прежде всего, к самому себе. Для того, чтобы уважение сохранить, он должен был ударить. Курочкин не смог.

Не того бездумного отмаха не хватило, что в уличных драках приобретается, — не достало, в

общем-то, мужества. Нет большего преступления против системы, чем поднять руку на деда. Это значит, поднять руку на всех дедов, на систему. Этого не прощают. А он был уже сломлен, он уже был приучен, что если ударят, то нужно подставить «лысину» и с угодливыми телодвижениями промяукать: «Как я тащусь, как я балдею, не будет ли еще добавочки...» И он уже подставлял, и «тащился» от удовольствия, когда получал добавочку. Он был уже вполне подготовлен к тому, чтобы согнуться, прикрывая голову руками. Он уже попал на зубья, и они, сминая, проталкивали его все дальше и дальше между бездушными шестеренками.

Курочкин не трус. На разбомбленных дорогах Афганистана, на краю пропастей и в недрах «зеленки» он потом не раз бывал под пулями и боялся не больше, чем это положено хорошему солдату. В бою, под «накатом» никто и никогда не упрекнул его в трусости. Но там-то было легче! Там была логика боя, были свои и чужие. Был долг. К бою Курочкин готовился. К тому, что происходило с ним среди бела дня в чистой, светлой казарме, с надраенными полами и ровно развешанными полотенцами, — нет. Он был оглушен полной бессмыслицей, безумием того, что происходило.

...Потом рота построилась на ужин, а после ужина — кино в клубе. Курочкин и еще двое таких же пострадавших не стали в строй. То есть взбунтовались. На ужин тоже ведь было мрачно ходить. За столом почти не сидели, бегали по посылкам: что хочешь сделай, а принеси дедушке с кухни кусок хлеба. Игра.

На ужин и в кино Курочкин с товарищами не пошли. Забрались в пустую палатку, залезли под лавки, полежали, не разговаривая между собой, и от накопившего мучительного недосыпа, от усталости и горя задремали.

Нашли их минут через десять после вечерней поверки. Два деда вытолкали на свет божий. Пообещали: «Вы еще появитесь ночью в казарме!» Самая страшная угроза. Руками трогать, мараться не стали. Мог появиться замполит.

Действительно, сначала с Курочкиным поговорил замполит, после чего командир роты встретил его словами: «Ну что, москвич?»

И хорошенько так, от души...

Так что Курочкин совсем обеспамятел. И когда Курочкин двинулся куда-то прочь, сослепу наткнувшись на стены, капитан догнал, примирительно тронул за плечо: «Ну, покури, ладно, пойдй покури».

Курочкин в некотором смысле был москвичом: родился там, учился перед армией в строительном училище, хотя жил, и родители жили, в подмосковном городке. Так что назвать его москвичом у капитана основания были. Однако уничтожительная интонация, с которой проговорил он «ма-асквич», касалась вовсе не географических отношений. Неодобрительное «ма-асквич» значило: много о себе думаешь. Еще значило: вот оно как не по-столичному, не по-красивою, а по жизни, попросту. Вина Курочкина заключалась в том, что он, избалованный столичным асфальтом, незнаком был с проселками; что он обратной, «попростуживленной» стороны дела не знал, был ему не в меру напуган, смят — из-за пустяка взбунтовался. Капитан давно, сколько себя помнил, исповедовал истину, что есть две правды: официальная и неофициальная, парадная и повседневная, блестяще-столичная и попростуживленная. Капитан искренне был убежден, что обе правды необходимы. Обе сразу. Что они дополняют и поддерживают друг друга. И что порядочный человек — к каковому разряду он Курочкина пока еще относил, — что порядочный че-

ловец, исповедуя правду официальную, правду плацов и духовых оркестров, обязан знать о существовании второй, оборотной. В данном конкретном случае первую правду представлял замполит, а вторую по долгу службы вынужден был брать на себя он, командир роты.

Всю ночь до самого подъема Курочкин сидел в тихом месте за клубом и курил капитановы сигареты. Курил он первый раз в жизни.

Тут только, мягкой и безветренной афганской ночью, Курочкин осознал степень собственного поражения. Много же успел он пролететь за каких-нибудь пять дней...

Курочкин привык свои решения обдумывать, поскольку вообще относился к жизни как к серьезному, требующему определенного прилежания, делу. Нужно было решиться: летать, то есть специально для дедов и черпаков, для таких же, в сущности, пацанов, носить в кармане наготове сигареты, бегать, мяукать, ползать под кроватями паровозиком и вообще падать все ниже и ниже — границы падения нигде не обозначены, — летать или стоять до конца. Ну, пускай, не до конца, он еще никак не стоял — просто стоять. Просто сохранять достоинство.

Это кажется, что принять решение было просто, что выбор самоочевиден, что достоинство — непреходящая ценность, ради которой ничего не страшно. Что есть такая степень падения, после которой жизнь лишается первоначального смысла, разрушается все, на чем она держалась.

Курочкин-то знал, что против него не Иванов с Петровым, и не Усманбеков с Алихановым, а система, монолитная система дедовщины. Что если он примет решение, то ему выполнять. И смешно сейчас, в полном одиночестве, ночью, запоздало махать кулаками: я им покажу. Как он им покажет, как?!

В свое время Курочкин знакомился с аутотренингом. То есть в общих чертах представлял себе, что если прижмет очень, нужно расслабиться. Вот он и попытался тут применить свои теоретические познания; стал вспоминать дом, семью и вообще, что в жизни было хорошего. Сначала с усилием, по необходимости, как лекарство. Оказалось, однако, если повспоминать, не так уж и мало было хорошего. Нет, он ни на минуту не забыл то, что с ним только что произошло, не мог забыть, вытолкать это из сознания. Но события понемногу стали обретать размеры. Они перестали заслонять собой весь мир. Курочкин начинал видеть, что у каждого события есть протяженность, есть начало и будет конец.

Руки почти не дрожали. Сигарету бросил, потому что с непривычки совсем задурил. Курочкин решил, что для того, чтобы выжить, он должен стоять.

Тогда это простое решение требовало от него мужества. Позднее, оценивая тогдашнее себя с высоты опыта, Курочкин понял, что ничего сверхрешительного он опять же не совершил. Он говорит теперь, что вообще оказалось, по-настоящему нужно было выдержать первые две-три недели. Что падает тот, кто не сопротивляется, что кто не стоит, того добивают, что если огрызаешься, меньше трогают. Все же Курочкин с удовлетворением вспоминал, что, в общем, устоял тогда. Никогда не ползал под кроватями, издавая жизне-радостные паровозные гудки, не стирал чужих носков, трусов и хэбэшек, выдержал и натиск, и заходы, и уговоры. Сначала ведь заставляли, потом предлагали вроде бы в небидной форме: мы положим грязные, а ты утром принесешь чистые. Потом уже и по дружбе просили постирать, но

Курочкин и тут выдержал, все время напоминая себе, что ничего «дружеского» в такой просьбе нет.

Однако главное, что придает теперь Курочкину уверенность в себе, позволяет думать, что достоинство он сохранил, не в этих воспоминаниях о неделях и месяцах лета, главное в том, что он из игры в дедовщину вышел. Он не стал ни черпаком, когда отслужил год, ни дедом, когда полтора — не стал отыгрываться на молодых, отплачивать им за собственное унижение. Курочкин для себя такую возможность начисто исключал. На нем система споткнулась. Вот это была главная победа, если говорить о самом Курочкине. Но Курочкин к тому же делал все, что было в его силах, чтобы вообще придумать дедовщину в рот.

Теперь, конечно, бороться легче, рассуждал Курочкин вслух, во-первых, сменился министр обороны... (Да, Курочкин начал именно в таком порядке). Пришел новый командир части, при нем на улице уже никто не рисковал духа трогать, и до лица больше не добиралось... Ушел старый командир роты и появился замкомроты Лютов — «главный борец против дедовщины».

О старшем лейтенанте Алексее Лютове Курочкин говорил с большим уважением. Чувствовал: Лютов, так же, как сам Курочкин, не признает деления правды на две, такое деление для Лютова, как и для Курочкина, означало бы прежде всего мучительное раздвоение личности.

Впрочем, насчет дедовщины Курочкин не обольщался. Он понимал: система живучая и самонастраивающаяся. Ладно, если бы кто-то был специально заинтересован в дедовщине, если бы можно было найти таких людей и с ними бороться. Так ведь нет, нет таких людей. Деды и черпаки — они сами жертвы, покалеченные в свое время. Если бы можно было этих самых дедов спросить до того еще, как все началось, хотя бы, чтобы сначала их унижали, эксплуатировали, а потом они за это издевались над молодыми, уверен, сказали бы «нет», пусть лучше все будет поровну и честно. Никто не спросил, потому что спросить некому. Механизм бездушен.

Несколько лет назад я был в командировке в

специальном профессионально-техническом училище, по форме и сути это исправительная колония для подростков. Там я столкнулся с тем же самым механизмом, с той же самой системой. Разница состояла в том, что в колонии система была доведена до пределов возможного совершенства, это была абсолютная костоломка, которая с ужасающей правильностью выплевывала через два года готовую продукцию: перемолотых детей. Тамашине деды назывались «босяками», а подневольный народ — «помойщиками». Среди помойщиков различались еще несколько слоев по нисходящей, самый нижний из которых презирался даже помойщиками. Помойщик по истечении времени не становился автоматически босяком, помойщиком здесь можно было остаться до самого конца, а босяком стать и раньше обычных сроков, для этого нужно было выдержать несколько недель непрерывных издевательств, а потом пережить акт формального посвящения — это называлось «положить в босяки». Помойщика, мальчишку лет 14-15, клали в туалете на пол, а босяки, такие же мальчишки, став в круг, били его ногами.

Особое изуверство системы заключалось в том, что новообращенный босяк вовсе не волен был распоряжаться собой.

Как самый последний помойщик, любой босяк тоже был холопом системы, с ног до головы был повязан ведомостью кем, когда придуманными правилами. Скорее всего, правила родила сама система — безликое, бездушное и, в силу того, неуязвимое существо. Босяк как подлинный идолопоклонник соблюдал множество жестких табу: он не должен был мыться из одного крана с помойщиком, не имел права прикасаться к тряпке. Если преподаватель в классе говорил: вытри доску, босяк перед глазами сорока настороженных свидетелей обязан был сделать все, что угодно, совершить любые подвиги изворотливости, но к тряпке не прикоснуться, в крайнем случае можно было взять ее через какую-нибудь прокладку. Эти и множество других, подробно разработанных, хотя и таких же бессмысленных вроде бы, ритуальных требований каждый день и каждый час испытывали босяка на верность системе. Заартачившийся босяк мигом вылетал обратно, в то исходное состояние, из которого он непомерными усилиями, с кровью выдрался. Это называлось «помоиться». За привилегии босяк обязан был способствовать торжеству системы, а значит, беспощадно подавлять помойщиков. Малейшие проявления жалости, добросердечия, свободного движения души карались. Дети — хулиганы, испортившие жизнь не одному учителю, главари уличных шаек и местечковые герои — здесь, в колонии, плакали навзрыд. Плакали и ломались. Окончательно.

Самое поразительное, что даже в этом крошечном аду находились на колонию, на несколько сот пацанов, люди — один, или два, или три человека, которые систему не признавали. Не давали бить себя и отказывались бить других. Не босяки и не помойщики. Откуда они брались среди этих задолго еще до колонии изломанных пацанов, переживших в 10—12 лет такое, что многим взрослым вовек не приходилось видеть? Переживших такие вещи, которые ни одного человека не делают лучше, и оставшиеся людьми. Святые. Трудно вообразить, какой душевной твердостью, подлинным бесстрашием нужно было обладать, чтобы удержаться на краю, не дать себя затянуть в систему. И не могу себе представить, за какие прегрешения попадали в колонию эти святые... Я очертил нравы подростковой колонии не для

того, чтобы сравнить их с армейскими. Понятно, это разные категории. Но психологический механизм, который лежит в основе дедовщины, тот же. Система, если только ей не препятствовать и не бороться с ней всеми возможными способами, начинает саморазвиваться. Вот в такую. Которая по своей жестокости тоже не предел. Если с бесчеловечными отношениями бороться, они исчезают, остаются лишь метастазы, зародыши. И из них в благоприятных условиях снова может вырасти взрослая, зрелая особь — дедовщина, или босячество, или еще что-нибудь.

Директор Могилевского спецГПТУ, в котором правила босяки, объясняя мне происхождение, философски заметил, что начала этих отношений теряются, уходят в дореволюционные времена и еще дальше, бог знает, в какие глубины. Насчет глубин это правда. В дневниках Джеймса Кука, например, описывался царек дикого племени, который, взобравшись на борт корабля британского адмиралтейства и оглядевшись, попросил в подарок столовое блюдо для весьма необычной цели. «Я заставляю племя ему поклоняться», — пояснил вождь.

Почему блюдо, собственно говоря, тарелка? А почему нельзя трогать руками тряпку? Почему дух должен принести дедушке с кухни кусок хлеба, хотя хлеба и на столе хватает? Все по тому же самому.

Да, и последнее о Могилевском училище. Все бригадиры, старосты и прочие выборные начальники были, разумеется, босяками...

В Афганистане я слышал о заставе, где совершенно не было дедовщины, даже самых безобидных, если такие возможны, ее проявлений. Застава эта на горе возле города Файзабада пребывала в полном окружении духов, не выдуманных, а настоящих — душманов. Можно ли считать это серьезное обстоятельство причиной того, что на заставе оставили всякую двойную мораль, двойные счета? Не знаю, на опасность тоже ведь можно по-всякому реагировать. Враждебное окружение можно считать обстоятельством, не более того, обстоятельством, а не причиной. Без сознательного, обдуманного усилия дедовщина не проходит даже в Афганистане. Командир заставы, капитан, делал все, чтобы в коллективе не возникла, не обрела самостоятельного существования элита. Если случалось ему наказать за проступки дедов, он сам брал нож и садился ночью вместе с внеочередным нарядом чистить картошку... Добился. Вывел-таки эту гадину — совсем.

...Курочкин, пытаясь объяснить появление дедовщины в тех условиях, когда, казалось бы, должно быть не до взаимных счетов, пытаясь подыскать для дедовщины хоть какое-нибудь разумное место, приходил к выводу: «Это как бы две независимые струи». Дедовщина и служба. Один и тот же человек, он и над молодым издеваться мог, и задачу выполнял, за дело переживал.

Сергей Насыров, бывший афганский десантник, рассказывал о своем первом бое так: старики не дали ему голову высунуть из-за камня. Твое время, говорят, не пришло, не суйся. Сиди, заряжая магазины. Он и сидел, пригнувшись за скалой, весь бой, снаряжал патронами магазины, пока старики подставляли свои головы под пули. И так было потом и во втором бою. И в третьем. Почти два месяца.

И неужели эти старики, вернувшись домой, в гарнизон, издевались над молодым, которого только что прикрыли?

У нас в части дедовщины не было, говорит Насыров, подумав. Еще подумал: можно ли назвать дедовщиной, что били заснувшего на посту часо-

вого? Ну да, бить нельзя. Нужно подать рапорт по команде. Но он же не на учениях заснул. Его самого зарежут и полроты переколют. Что же с ним делать, когда все равно спит? Он, может, до этого двое суток глаз не сомкнул, вымотался — что ему рапорт по команде, если он собой не владеет?

Насыров еще подумал: случаи, конечно, были... Я уже сам стариком стал, мы с одним таким дедом разбирались. Он на операции не ходил, а перед молодыми куражился. Ну, собрались старики тогда, с этим дедом крупно поговорили. «Ты в горы не ходишь, а молодых чадишь. Ты, что ли, с молодыми вдвоем завтра против духов останешься?»

Курочкин навсегда, на всю жизнь запомнил разгрузку гранат. Когда на «КамАЗ», заполненный сорокакилограммовыми ящиками, поставили шестерых. Три из них были утомленные жизнью деды. Они сразу же подыскали себе укромный уголок и улеглись, используя любой клочок куцей полуденной тени. К ящикам, хотя бы из праздного интереса, не прикоснулись. Жарко. Каленый афганский день — двигаться нет мочи. В сторону «КамАЗа» не смотрели, вовсе позакрывали глаза, чтобы не видеть, как «упахиваются» молодые, как трудятся адски, без передышки и без воды — флаги сразу же кончились, — взваливают на мокрые плечи твердые, окованные железом ящики, и волокут, словно в устье печи, в распахнутые двери склада.

Ящиков было тысяча. Курочкин знает это совершенно точно, потому что они втроем за шестерых перетаскали каждый из этой тысячи ящиков в отдельности. Уложились в шесть часов. В то самое время, которое и было отведено на работу. Кладовщик-прапорщик удовлетворенно кивнул, заглянув

в пустой кузов, и загремел ключами от склада. Работа сделалась...

Когда я встретился с Курочкиным, до конца службы ему оставалось несколько месяцев. Он говорил об Афганистане если не в прошедшем уже времени — вроде бы рановато было подводить итоги, — то, по крайней мере, в настоящем совершенном, говорил о своем афганском опыте как о чем-то законченном, уже понятном в своих основных чертах. Он пережил уже и разгрузку гранат, пережил дни и часы неутолимой жажды, пережил отчаянные минуты страха: стрелянные гильзы обжигали руки, броня лопалась и трещала, кричал водитель: масло падает! не доедем! Грохот, вонь и страх под самое сердце. Доехали: колеса в ломотья, на броне вмятины, бледные, бескровные лица товарищей, измазанные черной пороховой гарью... Доехали... Это он тоже пережил...

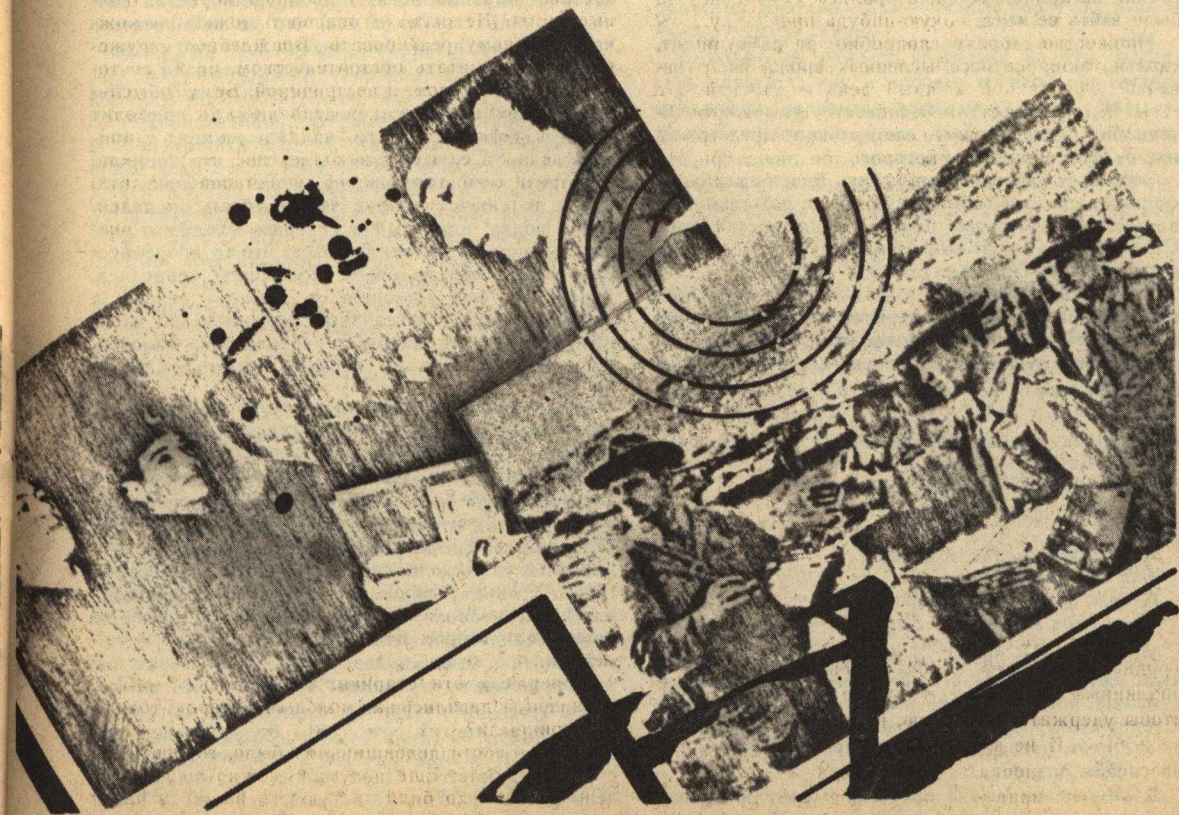
Он мог уже говорить об Афганистане. И говорил: я теперь, после пережитого, 60 лет счастлив буду. У меня теперь на жизнь другие взгляды стали. До армии ведь, как у многих, в голове было: «поташиться плотно»...

И когда я спросил, отчего же эти новые взгляды, отчего чувствует он себя после Афганистана сильней и уверенней, когда я это спросил, Курочкин, что и убедило меня в его искренности, запнулся. Не ответил готовой формулой.

«Нет, — сказал он, — это не под пулями рождается... Может, потому что вдали от Родины?..»

Курочкин, во всяком случае, не мог сказать ни мне, ни себе, что видел в Афганистане одни лишь вдохновляющие примеры. Разное видел. И что видел, честно сказал.

Дело было все же, наверное, как раз в том, что он в Афганистане взгляды на жизнь не изменил, а сохранил. И в них утвердился. Что не растерял

свое «любить человека» во время первого же «полета», не растряс свои убеждения на ухабах и кочках. И потому, когда к голосу его в роте уже прислушались, он останавливал своих одногодков, пытавшихся начать с молодыми старую, как мир, игру, отводил в сторону и убеждал. Стыдил. Может быть, не всегда прибегал к выражениям сильным, для кого-то чересчур сильным, не говорил «любить человека», а выражался попроще, послабее, но подходчивее: «Вспомни, как тебе самому мрачно было!» Теми или иными словами — стыдил. И стыд пробуждался. В чем Курочкин заранее был уверен, потому что до армии еще знал, что в каждом человеке нужно уважать человека. И что в каждом человеке человек есть.

Как, может быть, одну из самых больших своих побед Курочкин вспоминает случай из времен лета, когда, бесправный дух, он пробудил в дедах человеческое.

Еще на «Основе», где по-прежнему пребывал в духах и каждый день за час до подъема тихо, тайком вставал, чтобы подмести крепостной двор, который иначе пришлось бы мести наряду дедов: пока это все гильзы соберешь! Таился он, понятно, не от дедов, а от командира заставы.

Ну, и не высыпался. Нужно держаться, стирать свою хэбшуку, не ходить в засаленной, помятой форме, расправлять плечи и глядеть свободно. Но не так-то все это просто, если ты выпастышь не в состоянии.

А если ты чмо, то тебя издалека видно; и все, конечно, видели, что Курочкин чмо, и глаза у него зачумленные.

Он еще кочегаром тогда на заставе был, топил на кухне котел. А за солярой для растопки ходил недалеко от заставы к песчаному карьеру, куда съезжались из гарнизона самосвалы.

— Мужики, отлейте солярки, заставу кормить надо.

— Сколько прослужил?

— Пять месяцев.

(Что тут изворачиваться, они и сами видят, сколько он прослужил, — одного взгляда достаточно).

— Пять месяцев! — Оживление, улыбки, водители подходят ближе, предвкусывая представление. — Ну-ка, стихок расскажи.

Это такое издевательство. Есть масса армейских стишков про «дембель», матерных, с пожеланиями всяческого плотского благополучия «дембелям». Стишки эти духи должны были заучивать и с выражением (обязательно) читать дедам.

Курочкин — что делать?! Без солярки ему с котлом не справиться — становится в позу. Поза при выразительном чтении — неперменный ритуал.

Курочкин декламирует басню Крылова «Кот и повар».

Потом:

*Когда на темный город сходит
В глухую ночь глубокий сон,
Когда метель, кружась, заводит
на колокольнях перезвон,—*

*Как жутко сердце замирает!
Как заунывно в этот час
Сквозь вопли бури долетает
Колоколов печальный глас!..*

Несчастные в своем самодовольстве деды! Откуда им было знать, что Курочкин в театральное училище поступал, готовился, что занимался во Дворце культуры ЗИЛа в киностудии, что он всерьез к стихам относится.. Что у него оружие есть — он словом владеет.

Дурашливые улыбки пропали. Водители слуша-

ли. Не было больше перед ними зачумленного духа. Возникли, родились из пыли стихи. Курочкин читал долго, привел парней в такое состояние, что в слова вслушались. Что притихли все, задумались...

Потом, когда он кончил, когда захотел кончить, теперь никто не смел ему указывать, водители сдержанно похвалили и дали солярки. В глаза не глядели.

И потом, когда Курочкин пришел к этим же парням на следующий день, и в любое другое время они встречали его как равного, с подчеркнутым уважением...

Искусство, говорит Курочкин скромно, — великая сила! Я знал, что так будет. Деды все же люди, не могли не откликнуться, заключает он.

Ерундовая оговорочка: «все же». В этом и особый, сверху вниз, с высоты опыта, взгляд на дедовщину, и признание смягчающих обстоятельств, и неприятие.

Такова точка зрения Курочкина.

Те же, кто дедовщину принял и сам стал составной частью ее механизма, вовсе не столь оптимистичны. Не признавая дедовщину абсолютным злом, но, с другой стороны, понимая, что это явление трудно назвать благом, они склонны рассматривать дедовщину как некую тяжелую, жестокую неизбежность, противопоставить которой, по сути, нечего.

Точку зрения большинства достаточно полно изложил афганский ветеран М., по случайному совпадению так же, как и Курочкин, служивший в свое время в мотострелковой части в роте сопровождения. Только не под Кундузом, а под Джелалабадом, и на несколько лет раньше.

Он рассказал историю, совершенно, казалось бы, фантастическую по своему неожиданному сюжету. Рассказал о «забастовке» дедов, отказавшихся исполнять свои, предусмотренные дедовщиной, обязанности. К тому времени, когда случилась «забастовка» и все, что за ней последовало, М. уже и сам был дедом. До этого он прошел обычный путь: «чижик» (так называли в части «салагу» или «духа»), жесточайшим образом избитый на пятый или шестой день по прибытии в роту (били не вдвоем, как Курочкина, а впятером), а М. «отмахивался», да так, что поставил отметины всем пятерым, ну, и сам, конечно, был избит до синевы; чижик за мужество, проявленное в драке, принятый в качестве младшего члена в компанию дедов, это было что-то вроде феодального клана со своей внутренней иерархией. Теперь М. был защищен от «чужих» дедов, за что был обязан вассальной верностью по отношению к дедам «своим»; «черпак», и, наконец, полноправный дед на верхней ступеньке своего клана.

И вот тут, когда М. одолел всю лестницу, начался очередной «заход» и очередной зеленый чижик был жесточайшим же образом избит. Началось обычным путем расследование, которое в очередной раз ничего не дало, поскольку чижик категорически отказывался говорить, кто его бил. Офицеры собрали ротных дедов, стали искать виновных и всех дедов вместе стыдить. Трудно сказать, почему деды так обиделись, возможно, из-за чрезмерного нажима, с которым офицеры произносили слово «совесть».

Если так, заявили деды, мы больше своих чижиков пальцем не тронем! И сейчас же, исполнив угрозу, договорились с соседями, предупредили дедов других рот, чтобы больше никто вообще их, роты сопровождения, чижиков не трогал.

Правда, чистой «забастовки» не получилось, свои интересы деды не забыли, без слуг и холо-

пов не оставались. Когда нужно было посадить кого-то выпивать дембельские каблукки или за водой кого-то послать, гоняли соседских, из чужой роты.

Свои же чижики, рассказывает М., ходили, «как стадо баранов», не зная никакого порядка, не чувствуя ни страха, ни присмотра.

Порядку сам М. во времена своего послушничества был выучен так: один чижик поставил кружку из-под воды на бачок, а вверх дном ее, как положено, не перевернул. Тогда двое дедов взяли М. с боков, подвели к тому, оплошавшему у бачка, чижик и сказали: бей! Поколебавшись, М. ударил. Сказали повыше тоном: бей! М. еще ударил. Не изо всей силы, конечно, но так, чтобы деды видели, что ударил. Потом, когда они остались с чижиком-одногодкой вдвоем, М. извинился. Тот ответил: ничего. Тот сам понимал, что если не бить, то как же усвоишь? Если меня не будут бить, то как же я усвою? Эта мысль уже вполне созрела, для одного служила утешением, для другого — оправданием. Сколько же раз это пришлось бы повторить, что нельзя кружку открытой оставлять — афганский ветер в нее песок сыплет. А тут — отрезало. На всю жизнь запомнили и тот, и другой, что кружку переворачивать надо.

Били за то, что занес в палатку оружие, за то, что во время разборки автомата повернул его к себе дулом.

В последнем случае урок был особенно наглядным: только врзали своему за неправильные приемы разборки, прошло лишь минут двадцать, послышался выстрел — в соседней роте застрелился чижик именно так: принимаясь за разборку, неловко повернул автомат на себя. Бабахнуло прямо в живот. Как тут было не добавить своему? Не только чтобы пройденное закрепить, но просто от избытка праведного чувства. «Слышал, что случилось? — Слышал». И еще хорошенько вмазали.

Мне даже приятно было ударить, если я жизнь ему спас, говорил М., говорил, словно бы припоминая виденное, словно бы это не с ним самим происходило... Первый раз по-настоящему ударил чижика в поле. Наша БМП, боевая машина пехоты, отстала от колонны, нужно было ждать помощи. Остались одни. Все ребята стали расходиться подальше от машины, чтобы оброну делать, а этот под броню полез, между гусеницами. Ему казалось: броня, сталь! Самая надежная защита. А того не понимает, что в бою эта лишенная подвижности коробка первой мишенью станет, из гранатометов по ней бить будут. Ну, я нагнулся, заглянул под машину и, ни слова не говоря, крепко достал его прикладом...

Такое «отеческое» отношение к молодым, о котором рассказывает М., не находится, как можно было бы подумать, в противоречии со взаимным положением дедов и чижиков (или духов, или салаг). Это ведь тоже издалека идет, все уже было и не раз: «Вы наши отцы — мы ваши дети!» От того, что дедовщина освящена еще соображениями идеологическими, завязана на действительно существующей разнице в опыте между старослужащими и молодыми, она не перестает быть дедовщиной, она только приобретает устойчивость, монолитность сложившейся системы. Просто повалить ее, разрушить недостаточно, нужно на развалинах прежних отношений строить новые. Задача, может быть, не менее, а более трудная, чем просто свалить старый режим. Революция во всей ее трагической сложности.

Когда ротные деды объявили «забастовку», они были уверены в правоте своего дела, они, в общем-то, понимали, что если старые отношения заморозить, а новые вместо них не создать, то толку, такого толку, которого ждут офицеры, не будет. И в самом деле — в роте начался разброд. Выехали на операцию — у офицеров волосы дыбом стали».

Чижик поднимается. «Ты куда?» — «Пить хочу, не могу». — «Туда нельзя, под пули подлезешь». Все равно идет. Ну, и черт с тобой, иди. Так описывает ситуацию М.

Через месяц «забастовка» кончилась. Деды понимали, что нужно роту спасти, чижики совсем от рук отбились.

Вот так безрадостно смотрит на дело афганский ветеран М. Чего бунтуете, перед вами стена, говорит он, имея на то серьезные основания.

Однако и революция казалась когда-то с точки зрения здравого смысла совершенно невозможной. Это вопрос философии, отношения к жизни вообще. Вопрос того, что считать нормальным, а что нет. Если его, их, нас, меня не бить, то как же он, они, мы, я усвоим? — это не так смешно. Это действительно философский вопрос. Вырастающий из принципов педагогики, из воззрений на принципы общественного устройства. Не рухнет ли вообще мироздание, если не бить?

Наверное, людей, которые стоят на твердой, принципиальной позиции, что бить нужно всегда, всех и как можно энергичней, — не так много. Таких людей просто мало. Их единицы, десятки, тысячи, десятки тысяч, если говорить об обществе в целом. Зато много, очень много таких, которые считают, что нужно бить иногда, «за дело», «для его же пользы». И, похоже, эти люди имеют все основания для своей позиции. Основания, вырастающие из богатого практического опыта, из множества вполне достоверных примеров того, что «по лбу» — самый короткий путь к чужому уму и сердцу.

В политике, однако, возражал на это мыслитель-марксист, как и вообще во всей общественной жизни, невозможно стоять на месте. Общественная жизнь движется. Либо вперед, либо назад. И точно так же невозможно и потому естественно и неудобно некое промежуточное положение между авторитарностью и демократией, между дедовщиной в ее крайних формах, таких, как тюремное «босаячество», и нормальными человеческими отношениями. Все равно рано или поздно придется выбирать, к какому берегу двигаться. Не бывает так, чтобы «за дело» били, а не за дело, просто, попутно и вдогонку, нет. Так что нужно выбирать изначально, как мы хотим устроить свою жизнь. Либо так, либо эдак. А среднего не будет. Не удержимся на середине.

Оформление Сергея СТЕЛЬМАШОНКА

Июнь. Последние контрольные, последняя проверка знаний, последняя угроза провала. Но тот, кто думает, что в нашем классе кто-нибудь зубрит, глубоко ошибается. Никого отметки не интересуют. Тадек получил двойку по химии и не переживает. На вопрос, что ты делаешь днем, каждый из нас ответит: «Иду в парк, в кино, на тренировку, в бассейн...». Тадек стал ежедневно провожать Анку. Павел смотрит им вслед как-то странно. Боюсь, назревает ссора...

Размышляю об этом и не учу. Самое большое, загляну на минутку в физику — и просижу над ней часа четыре. И вдруг около десяти вечера — телефон.

— Старуха! — Анкин голос в трубке. — Тут у меня Тадек, слушаем музыку и болтаем. Ты у нас знаток химии, не подскажешь (она произносит серию формул), верна ли реакция?

...Назавтра Азот у доски извел Тадека ужасно. Потом вытасил блокнот:

— Ну, слабовато еще...

НЕПРЕДВИДЕННОЕ

Мы за городом. Отдых. Экскурсия. Ты оступилась и повернула ногу. Врач, бинтуя, предупредил: пару дней надо ходить осторожнее. Как ты общишься об этом родителям?

1. *Телеграммой:* «Со мной произошел несчастный случай. Приезжайте немедленно».

2. *Позвонишь по телефону:* «Дорогие! У нас великолепная погода. Загораю. Вчера ходили в поход, а сегодня у меня день отдыха — слегка повредила ногу. Скоро все будет в норме. А как вы?..»

3. *Письмом:* «Дорогая мамочка! Очень тебя прошу, только не нервничай! Я должна сообщить тебе о неприятности. Даже не знаю, как тебе написать, чтобы ты не расстраивалась...» (далее — подробное описание происшествия).

Какой вариант тебе ближе?

вместе с Малгожатой

Я — и свободное время

— Честное слово, он учил! — не выдержал класс.

— Он действительно знает, только волнуется. Я его проверил, — признался Януш, наш отличник.

— Он целыми ночами учил, — добавила я от себя.

Анка молча изгрызла ногти.

— Почему вы меня прерываете? — удивился учитель. — Я и говорю тебе, Тадеуш Малиновский: слабовато еще, но чувствуется, что работаешь, делаешь успехи...

На перемене мы подвели итог: Азот наивен, как ребенок, а Тадеку просто повезло!

Анку в этот день провожал, как обычно, Павел. Ссоры не будет! Позвоню-ка я Аське. Послезавтра — самостоятельная по математике. Посидим, послушаем вместе музыку. Может, и нам «просто повезет». А потом, наконец, каникулы!

Проанализируем.

Текст 1. Ты готова использовать любой повод, чтобы быть в центре внимания. Похоже на избалованность.

Текст 2. Стараешься не создавать проблем там, где их нет. Молодец!

Текст 3. С первых же строчек мама решит, что у тебя, по меньшей мере, сломан позвончик. Зачем ее так пугать?

ОТЛИЧНАЯ КОМПАНИЯ...

● Это когда все всегда вместе. Вместе — на дальнюю экскурсию, на речку или в кино. Если кто-то в дороге вдруг вывихнул ногу, его обязательно понесут, да еще и приободрят: «Не волнуйся, нам вовсе не тяжело».

● Это когда можно в пылу спора наговорить всякой всячины, но никто не обидится.

У каждого свое мнение, и мы учимся его доказательно защищать. На эти споры обычно целого дня не хватает. И не имеет значения, как кто одет. Важны не твои тряпки — умственные способности.

● Это когда общество подобралось «на уровне». Принято знать три фразы по-английски и хотя бы две — по-французски. Надо уметь перечислить все модные диски. Остальное воспринимается с равнодушной миной. Жизнь считается бессмыслицей.

● Это когда ценится все, что «достали» или «привезли». Если же на тебе кофточка просто из комиссионного магазина, — лучше не признавайся.

● Это когда все свои. Что бы ни случилось, успокоят, поддержат. «Опять получила двойку? Стоит ли переживать?», «Родители гонят на работу? Не будь ребенком — перетерпят!», «Окончились деньги? Плюнь, у кого они есть?».

● Это когда никто ничего ни от кого не требует, ни в чем не убеждает, ничем не возмущается. Солнце светит, на вино можно скинуться, травка зеленая, девочки доступны. Хорошо! Разве что скучновато...

Бывают компании, в которых и трудно, и интересно. Бывают, в которых легко и скучно. Одни заставляют мыслить. Другие прощают все. Отличная компания — та, в которой тебе хорошо. В нее можно постараться войти. Из нее можно попробовать выйти. Но ты не должна попадать в компанию, как слива в компот. **ТЫ САМА ЕЕ СЕБЕ ВЫБИРАЕШЬ!**

ВЕЧЕРИНКА

Вот бы всем вместе провести праздник или субботний вечер! А что, если у тебя дома? Родители будут не против, им бы, конечно, хотелось увидеть твою компанию.

ПРОТАТОР СКАЗАЛ:
ОБРАЗОВАНИЕ НЕ
ДАЁТ РОСТКОВ В
ДУШЕ, ЕСЛИ ОНО
НЕ ПРОНИКАЕТ ДО
ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ
ГЛУБИНЫ!

Подумаем, как распределить обязанности среди гостей. Хорошо, если есть свой заводила, юморист, фантазер — шутки и необходимые розыгрыши обеспечены. Хорошо бы, кто-то пришел с гитарой. Пусть кто-то подумает о танцевальной музыке. А может, у кого-то накопились слайды? Лучше всего проводить вечера в складчину. Тут неизвестно, что больше порадует: домашний пирог, тыквенные семечки, бабушкино варенье или банка маринованных грибов.

Конечно, меню не главное. Но для поддержания настроения приготовь одно горячее блюдо. Дай в руки каждому по тарелке, и пусть себе устроится, где захочет. Годится «полянка» (1 кг свежей капусты и 1 кг квашенной потушить с разными видами дополнениями: мясо, грибы, специи). Можно приготовить пирожки с творогом, макароны по-итальянски — любое незатейливое блюдо.

А вот и другие обязанности хозяйки:

— весь вечер будь сдержанной, ровной. От твоего хорошего настроения зависит настроение всех;

— тактично уладь вопрос с родителями: заранее предупреди, что свечи вместо верхнего освещения и сидение на полу — традиционный ритуал;

— если взрослые собрались в этот день на именины к любимой тете, пусть будут уверены, что, вернувшись, не застанут все в квартире вверх дном;

— договорись с парнем, с которым дружишь, что в случае назревающего инцидента он поможет разрядить обстановку, постарается предупредить недоразумения (в том числе и с соседями);

— если родители остались дома, не допускай, чтобы они часами сидели на кухне. В этом случае ограничься одной комнатой;

— ни в коем случае не смотри на мать, как на прислугу, которая варит, печет, подает на стол, а потом моет за вами посуду;

— что за веселье в шлепанцах? Пообещай маме назавтра «на общественных началах» заново натереть пол мастикой;

— и, наконец, децибелы. По крайней мере, после 22 часов положено шадить уши всех, кто живет поблизости...

• (Окончание на стр. 45)

Рисунок Валерия РУЛЬКОВА

МОЙ СУМАСШЕДШИЙ ПАПА

Ирина АНДРИАНОВА

Маленькая повесть

«Папа, я предательница. Помнишь день выпускного бала? Папа, я — черный человек. Иногда мне кажется, что меня вывалили в грязь, а грязь запеклась, засохла, обезобразила лицо, руки, ноги, тело. Включая душу. Ты не сможешь простить меня, папа, если узнаешь всю правду. Я предала тебя. Я потеряла тебя в гадкий выпускной вечер. Помнишь? Помнишь тот день?»

Это письмо я написала несколько лет назад.

Я не смогла отправить его.

Не смогла разорвать.

И забыть не могу до сих пор.

Получилось, что я написала его самой себе.

Однажды я возвращалась домой в ночной электричке с одним мальчиком. Его звали Черт. Конечно, это было не имя, а кличка, причем, удивительно точная.

Черт, в свою очередь, меня звал Командиршей. Когда мы познакомились, я говорила со всеми решительно, отрывисто, громко смеялась, как какой-нибудь отставной полковник в семейном кругу — одним словом, Черт был не дурак и верно дал мне кличку.

Итак, мы ехали в ночной электричке.

Окно, у которого мы сидели, было открыто, и влажный, немного резкий ветер теребил волосы на голове Черта. Но он не двигался, не менял уже целый час позы, не открывал глаз — дремал, прислонившись к оконному косяку.

Я то и дело взглядывала на Черта: на душе было кисло, сплошные сквозняки. Я все время ждала, что он откроет глаза, улыбнется и что-нибудь спросит — о, это было бы единственно желаемое в те минуты чудо! Но, мечтая об одном, я знала совершенно другое: через тридцать-сорок минут мы выйдем на перроне ночного пыльного вокзала, постоим минуту в молочном круге обшарпанного фонаря, Черт пробормочет что-то незначашее, усмехнется и исчезнет в темноте. Растворится — шоколадный мальчик. Он растворится, будто его и не было никогда в моей жизни.

Час назад, до поездки в электричке, мы поняли, что ничего между нами нет, не было и быть не может, и вообще, зря мы поперлись на далекую дачу, да еще в такую ночь, когда другие велятся.

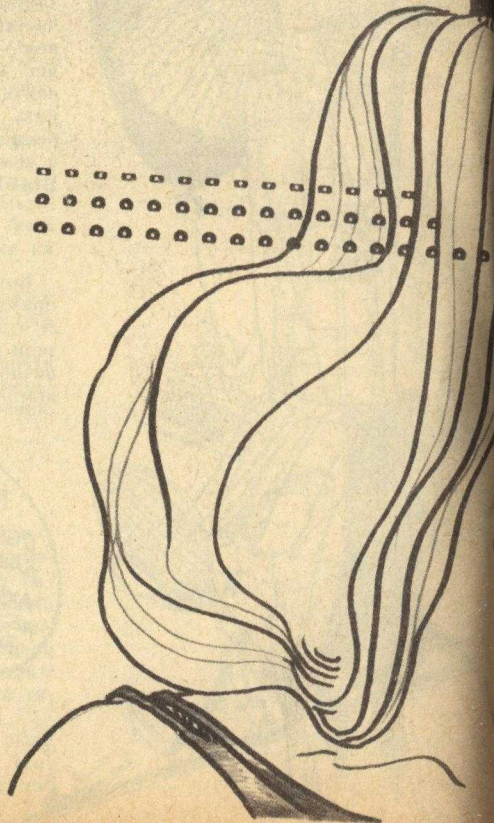
На мне было легкое серебристое платье, все в складках, длинное, без рукавов и с глубоким вырезом. Волнующее, в общем, платье. Над левой грудью болтался увядший малиновый цветок шиповника — еще три часа назад он был полон жизни и соков, поэтому я в порыве и сорвала его с дачного куста... На коленях лежала небольшая коричневая сумка, но не крошечная, дамская, в которую влезают только кошелек и расческа, а как раз для книги, пары общих тетрадей и яблока. С этой сумкой я таскалась на консультации перед выпускными экзаменами и зачем схватила именно ее в дорогу, на чужую дачу — неясно. Сумка совершенно не шла к моему волнующему вечернему платью.

Я сидела в холодном вагоне электрички, поджав ноги в замызганных от дачной грязи и пыли туфлях, сцепив потные руки на коричневой сумке, и ощущала себя сломанной куклой, легко выброшенной на помойку.

Черт не просыпался. Да и не спал он вовсе. Просто уже отгородился от меня, моих проблем, я для него уже целый час была пустым местом: он сам по себе сидел в вагоне — шоколадный мальчик.

Помню, я вздохнула и машинально открыла сумку. Мне захотелось в ней нашарить что-нибудь занятное, ну хотя бы обрывок старой газеты, в которую полгода назад был завернут бублик или пирожок за десять копеек. Я бы уткнулась в этот масляный газетный обрывок, в расплывшиеся бледные строки, и сидела так до самого вокзала. Мне казалось, так станет легче; ой, а на душе такая тоска колыхалась, хоть рыдай и высовывай лицо в открытое черное окошко...

И тут я нащупала на дне сумки несколько твердых конвертов.

Я их вытащила на свет божий; машинально сосчитала: семь штук. Семь писем от папы, которые я вынимала по утрам из почтового ящика и, не читая, бросала в сумку, а сама неслась на предэкзаменационные консультации.

Я разорвала первый конверт и жадно начала читать.

«Майн либен * дота **! — писал в своем первом письме папа. — Мы с мамой приехали сюда сегодня после завтрака. Погода стояла хорошая. На территории много тенистых мест — ты же знаешь, что папочка не любит жару. После обеда я много гулял и все время думал о вас с мамой. Но больше о тебе, моя единственная дочка. Я думал, какая ты у меня стала большая, умная, выходишь во взрослую жизнь. Тобой можно гордиться. Скоро мы с мамой будем тебе не нужны. Мы уже старички стали, не успеть нам за тобой, да и надо ли тебе, чтобы мы поспедали? Ты прости меня, дочка, я говорю так потому, что так думаю, обидеть тебя не хочу.

Дочка, мне здесь очень не нравится. Не знаю, как смогу здесь пробыть целый месяц. Только и остается думать о том, как мы с тобой раньше везде были, везде ездили. Помнишь? Сиделись на троллейбусе на Пушкинской, друг напротив друга,

* Майн либен (нем.) — моя дорогая

** Дота (англ.) — дочь

как попугайки, и ехали в Серебряный Бор. Ты там нагуляешься, набегаешься, напрыгаешься, а на обратном пути фляжки закроешь и спишь. Я тебя бужу перед домом, а ты не просыпаешься. А я бужу, бужу. Ты была хорошая девочка — шоколадная головка.

Вот так я буду вспоминать про нас с тобой все время. Мне так здесь легче.

Дочка моя любезная, решил тебе написать, так как автомат все время занят, и большая очередь. Все говорят по часу. Да-да, не поверишь. Если у тебя будет свободная минута, приезжай. Как сдашь экзамен — и к папочке на час, ладно? Я разграфил тетрадь за две копейки с твоими экзаменами, будешь говорить мне оценку за экзамен, я запишу, а потом, когда ты уйдешь, буду разглядывать эту тетрадь и все время думать о тебе и о маме. Дочка, буду очень ждать. И привези шерстяные носки, думаю, что буду мерзнуть, потому что моя кровать стоит у окна, а в комнате все время сквозняки.

Целую. Твой папа».

Я воспроизвожу сейчас это письмо, как и другие, по памяти. Может быть, что-то да и забыла, но основной тон письма, сравнение «как попугайки», папин стиль навсегда-навсегда врезались в мою память. Ошибки здесь быть не должно...

Мой папа тогда — да, впрочем, и сейчас — был непохожим на других людей. О таких, как он, говорят: «Этот тип со странностями».

Когда он встречал меня из детского сада, то обычно приносил в кармане вместе с яблоком тщательно выглаженный шелковый желтый шарфик и торжественно объявлял: «Дочка, я принес тебе кашне». Это кашне он долго, с любовью, нежными пальцами пристраивал на моей шее.

Регулярно папа водил меня в театры и кино-театры, на детские спектакли и терпеливо поджидал в дождь, снег или слякоть свою «майн либен доту» у выхода, не отлучаясь ни в магазины, ни в ближний сквер — никуда.

Еще он обожал фотографироваться вместе со мной и походы в фотоателье обставлял как великие праздники. Мы по полдня чистились, гладились, прихорашивались, шли по лужам и сугробам, осторожно ставя ноги в нагуталяченных, до блеска отполированных ботинках.

Однажды, в третьем классе, я бросила в слюнявого Крестьянкина с первой парты длинную, влажную кожуру от апельсина. Бросила потому, что он строил мне дикие рожи... Крестьянкин расплакался и пожаловался родителям. Когда папа узнал об этом случае от учительницы, то дома долго смеялся, обнимал меня, не ругал ни секунды, а твердил: «Как здорово ты проучила этого Крестьянкина! Какая ты смелая!».

Все мои школьные сочинения, глупые первые стихи папа складывал в папку, время от времени извлекал их и разглядывал с таким умиленным, проникновенным лицом, будто это было не детское примитивное творчество, а архивные находки, никем еще, кроме него, не виданные, не читанные.

Когда я болела, папа ходил по дому с выпученными глазами и шептал маме страшные слова: «Если она умрет, я себе никогда не прощу!».

Он ощущал меня и себя как одно целое; неделимое существо, поэтому однажды на прогулке по солнечному лесу сообщил, что стоит на учете в психдиспансере из-за минутной, далекой армейской истории. В тот год мне исполнилось двенадцать лет.

Из-за папы, его неиссякаемой бдительности, его вселенской опеки и сумасшедшей тревоги за меня и мою жизнь, в детстве я ни с кем не дружила близко, серьезно, так, чтобы не разлей вода. Папа всегда был рядом со мной, как солдат на посту, как солнце в небе.

Я вздохнула над папиным письмом и снова украдкой взглянула на Черта. Его лицо было спокойным, безмятежным, только в уголках губ таилось какое-то обидное брезгливое выражение. Или это мне только показалось? Но теперь его лицо и выражение этого лица не имели никакого ко мне отношения. Я и Черт — чужие люди, как бы случайно оказавшиеся в одном вагоне, друг напротив друга, будто унылые попугайки.

И что я тогда так переживала? С самого начала со мной и Чертом все было ясно. Ведь мы составляли нелепую пару.

Он высокий, черноглазый, с правильными чертами матового лица, с кошачьей мягкой походкой и густой, вороного цвета шевелюрой. На эту шевелюру, помню, оглядывались многие прохожие. Конечно, не все в облике Черта было совершенно, но эти недостатки не бросались в глаза и поэтому как бы не считались. Например, я знала, что у Черта невысокий лоб, можно даже сказать, узкий, неприятный. Он тщательно прикрывал его челкой, маскировал. У него — некрасивые верхние зубы — будто по ним кто-то ударил, они разъехались, но не выпали и прижились, оставшись кривыми: один смотрит туда, другой сюда... И все-таки, все-таки в первый момент Черт производил ошеломляющее впечатление: смугловатое лицо, вороные волосы, яркие, красивые губы, черные глаза. Ну, это я уже повторяюсь.

Рядом с ним я смотрелась ужасно. Широкоплечая, скуластая, ниже Черта на целую голову. Разве что глаза ничего — впечатляющие. Я знала от других: они менялись, как море, — то синие, то серые, то зеленые. В общем, цвет зависит от настроения и цвета одежды. Но почему Черт ко мне привязался — загадка, ведь у него была возможность с такими девочками ходить — закачаться.

Познакомились мы за два месяца до нашей ночной поездки. Познакомились довольно оригинально, и, конечно же, ничего бы у нас не случилось, не будь моего блистательного вранья. Вообще-то я никогда не отличалась лукавством и изворотливостью, но в момент нашего первого разговора будто нечистая сила потянула меня за язык.

Мой папа — методист по лечебной физкультуре. У него — довольно маленький оклад, и он, сколько себя помню, подрабатывал частными уроками. То есть два-три раза в неделю папа ходил заниматься лечебной физкультурой в пару богатых семей, а в конце месяца получал гонорар, и, честно говоря, эти не ах какие деньги были существенным подспорьем в нашем семейном бюджете.

В первых числах апреля папа попросил меня сходить к профессору-историку — новому своему клиенту. Профессор страдал остеохондрозом — отложением солей, и папа не успевал зайти к профессору за деньгами, перезвонил и сказал, что приду я, дочка, и чтобы конверт с гонораром передали мне.

Вот я и пришла к бедному больному остеохондрознику. Правда, профессор не производил впечатления несчастного — поджарый, моложавый мужик в бархатном халате до пят, немного лысоватый, и на первый взгляд — ничего: если бы

он пристал ко мне на бульваре, я бы три-четыре минуты поболтала с ним.

В прихожей рядом с остеохондрозным молодеж-вым профессором стоял высокий черноглазый мальчик и с любопытством смотрел на меня.

— А-а,— обрадовался папин новый клиент,— как же, как же! Вот, передай отцу,— он протянул конверт,— и скажи, что всегда с нетерпением его жду. Передашь?

— Конечно,— ответила я.— До свидания.

— До свидания.— Профессор услужливо открыл мне дверь.

За мной вышел из квартиры мальчик, успев у порога сунуть профессору свой конверт, а профессор совершенно иным тоном, чем обращался ко мне, буркнул ему:

— До среды, ровно в четыре.

— Ага,— ответил мальчик. Голос его оказался приятным, уже сломавшимся, низким, бархатным, благородный такой голос.

Мы пошли гуськом, один за другим по лестнице. Она была широкой, просторной, старинной, с множеством окон — хоть пляши на ней, хоть пой, хоть спокойно гроб разворачивай. Почему я вспомнила про гроб, потому что старушки, сидящие перед моим подъездом, время от времени обсуждали эту животрепещущую тему: как их скорбные гробы станут разворачивать на тесных лестничных площадках, вон Марью из Солнцева перевернули между вторым и третьим этажами, узко...

— Эй, слышь,— окликнул меня мальчик.— Откуда твой отец знает Сулеймана? (Я тут же догадалась, что «Сулейман» от профессорской фамилии Сулейкин).

— От верблюда,— огрызнулась я, но почему-то, поразмыслив, решила удостоить высокого мальчика интригующей информацией: Сулейкин — профессор, а мой папа — член-корр. Этот Сулейкин от него зависит, вот взятку давал, мол, замолвите за меня словечко в Академии наук.

— Покажи взятку,— сказал мальчик, поравнявшись со мной. Мы не шли, а парили по светлой, шикарной лестнице.

— Смотри,— я небрежно открыла конверт. Там лежала смятая двадцатипятирублевка — месячный заработок папы у профессора Сулейкина.

— Нежирно,— усмехнулся мальчик.

— На чай папе хватит. Или мне — на шпильки.

— Тогда давай купим тебе шпилек на все,— предложил мальчик. Его черные глаза смеялись, он не верил ни мне, ни папе — член-корру, ни взятке, ни шпилькам.

Тут меня будто бес щипнул.

— А пошли! — выкрикнула я, и у меня похолодело под ложечкой.— Пошли по магазинам!

— Во Командирша,— сказал мальчик.— Не ори так, я согласен.

— Как тебя зовут? — спросила я.

— Черт,— ответил он, и снова его черные глаза засмеялись.

До сих пор я не знаю его настоящего имени, не знаю и фамилии, но то, что его кличка была действительно Черт,— это сущая правда, он тут не соврал.

Мы распахнули тяжелую доисторическую дверь светлого подъезда и вышли на весеннюю улицу. Она показалась мне грязнее и уже торжественных лестничных пролетов.

Конечно же, мы не двинули по многолюдным магазинам, а закатились в ближайшее кафе-мороженое и там благополучно проели пятнадцать рублей из папиного заработка. Черт уже так

освоился со мной, что когда официант принес сдачу — десять рублей,— он потянулся к ней, как к своей кровной. Мне не понравилась его рука: тонкие, детские, ленивые пальцы, небрежно тянувшиеся к несвежей, замызганной десятке. В Чертовой руке было столько хамства, пренебрежения, высокомерия врожденного, кем-то привитого, неискорененного, что меня, помню, даже в пот бросило. У мальчишек должны быть шершавые руки, в царапинах, ссадинах, в черточках от шариковых ручек, может быть, даже с не очень вымытыми ногтями; в щипках и бугорках — руки будущих мужчин, а не холеной цыцы.

Помню, я легонько стукнула Черта по пальцам — они от неожиданности дрогнули и сжались в кулак, как щупальца молоденького осьминога — и сама взяла жалкую десятку. Черт хмыкнул, я хмыкнула в ответ. И мы пошли гулять по городу.

Если честно, мне понравилось гулять с Чертом. Как только мы оказались на улице и свернули на ближайший бульвар, я тут же забыла про его руки и то неприятное ощущение, которое испытала несколько минут назад. Высокий, улыбочивый, красивый мальчик шел рядом и снисходительно слушал мою болтовню. Город был наш, апрель был наш, и я ощутила, что влюбилась.

О чем мы говорили? В чем была притягательность наших разговоров и встреч? Почему почти ежедневно, невзирая на страх перед надвигающимися выпускными экзаменами, на бесконечную подготовку к ним, я стремилась к Черту, прогуливая консультации, наплевав на учебники?

Сейчас нечего и вспомнить из тех разговоров. Больше говорила я, чем он: придумывала занимательные истории про папу — член-корра, делилась впечатлением от прослушанных новых записей из фонотеки Светки Павловой, трепалась о кинофильмах, расписывала свое прекрасное литературное великое будущее, и так далее, и тому подобное. Наши беседы оказались словесным сором, шелухой, их развеяло время без следа и пыли.

Черт никогда не рассказывал о своих родителях, очень немного, мельком, о школе и хрониках, наполнявших ее; о тех ребятах, с которыми дружил, от безделья встречался и таскался по дворам и улицам — то есть о своей команде. Особенно меня поразило, как они разделяли людей на пять групп: чмошников (сокращенно — чмо), урюков, степанов, хроников и мафию. Эти группы придумал сам Черт, а команда с восторгом повторила и заучила.

Чмошники, по мнению Черта, были круглые придурки; урюки — тоже придурки, но чуточку поумнее чмошников. Степаны — те, кто добрые и не предадут, умеют верно служить и никогда не закладывают, в общем, незамысловатые ребята. Хроники — идейные, долбанутые на том или ином вопросе. А мафия — это он, Черт. Умный. Изворотливый. Знающий себе и окружающим цену. Главный в команде.

— Черт, а я кто, как ты думаешь? — спросила я, когда узнала об этой таблице постижения человеческих характеров.

— Ты — никто, ты — Командирша,— улыбнулся он. Его улыбка задела меня: он слишком широко раздвинул губы, кривые верхние зубы хищно блеснули. Бр-р, неприятно, эта улыбка четко напоминала звериный оскал.

Почему он не ответил на мой вопрос? Может быть, не хотел спорить, вдаваться в подробности, или жалел меня, не хотел обидеть вот так, с бухты-баряхты?

Вообще, я сейчас вспоминаю, Черт был скаучающим мальчиком, пресыщенным всевозможными мелкими развлечениями, обрывочными популярными сведениями о музыке, кино, искусстве, спорте, политике. Он был мальчиком, у которого есть все, и все, что требуется во взрослой жизни, — будет.

Почему он звонил мне? Потому что сразу, с нашего знакомства раскусил мою простую незатейливую натуру, мой добрый настрой к миру, нежданность, почувствовал мое желание нравиться ему — и ему стало любопытно. У него родилась одна идея: Черт знал, что если он мне ее изложит, я не откажу.

Все-таки этот стройный, высокий мальчик с черными глазами и обалденной шевелюрой имел врожденное умение чувствовать людей. Из него получился бы неплохой психолог.

Но каким — ах! — легким по настроению был день нашего знакомства. Он остался в моей памяти даже некоей музыкой, радостной, мажорной, прозрачной, будто неудержимая апрельская вода на лесных дорогах.

Но уже тогда, в первые часы знакомства, беда шла за мною на цепких лапах. Это я поняла со временем; но что поделаешь — человеку не дано заглянуть в свое будущее, в историю личной жизни.

Правда, истоки той беды мне более или менее ясны — они таились в нашей с Чертом несовместимости. Он был мальчиком из иного круга, с иными понятиями о жизни, и даже если бы мы остались вместе (фантастическое предположение), взрослыми людьми все равно бы разбежались.

...Ту десятку на сдачу мне так и не удалось донести до дому: Черт предложил взять такси после пятичасовой прогулки, я согласилась, и сначала мы добрались до моего дома, а потом Черт поехал до своего, взяв детскими пренебрежительными пальцами деньги. Кто его знает, может, он вышел из машины через два дома и сэкономил таким образом семь рублей.

Папа очень заволновался, узнав, что профессор Сулейкин ничего мне не дал: я придумала историю, как чей-то глухой, тревожный голос через дверь спросил: «Кто здесь?.. Какой гонорар? Никакого гонорара я не знаю и знать не хочу». Для пущей достоверности я описала дверь профессора, обитую красной кожей, праздничную светлую лестницу — и папа поверил. Его лицо покрылось пятнами, он забегал по комнате и запричитал:

— Обманул! Обманул! Я так и знал, что обманет! Неприятный, неприятный тип! Фу, дома ходит в халате, как женщина! Больше я к нему ни ногой! Ходишь-ходишь ко всем, унижаешься, выслушиваешь про болезни — а знаешь, дочка, как надоедает про болезни слушать — стараешься, а в награду что? Обман, обман и грабёж!

Про себя я облегченно вздохнула: раз папа пообещал ни ногой к профессору, так оно и будет. Бедный Сулейкин, бедный папа, бедный семейный бюджет, утративший двадцать пять рублей, — одна я, торжествующая, с облегченной душой: уф, мой обман не вскроется...

На следующий день Черт позвонил мне, и в течение двух месяцев мы встречались. Я, счастливая, думала, что пришла любовь.

...Электричка отсчитывала ночные километры, в вагоне становилось все холоднее. Черт не открывал глаза, а я вскрыла второе папино письмо.

«Любимая, драгоценная моя, прошло уже три дня, как я здесь. Впереди двадцать один день,

не знаю, выдержу ли эту пытку — очень соскучился. Все время думаю, как вы там с мамой без меня живете, как ты сдаешь выпускные экзамены. Я уверен, дочка, у тебя в жизни будет большое будущее. Ты же с семи лет сочиняешь — пишешь стихи и рассказы, поэтому целенаправленно должна стремиться к успеху и литературному труду. Я буду тебе помогать во всем, майн либен дота, ты же не отталкивай своего папочку. У меня в жизни только ты и есть, одна, как звезда. И еще — мама. Но на маму я в большой обиде. То, что меня сюда зафуговала, очень плохо. Я тебе не успел перед расставанием сказать, но она два дня кричала на меня, когда тебя не было дома, говорила, что я испортил ей жизнь и теперь порчу тебе, а сейчас мешаю сдавать экзамены. Разве это так? Разве это так? Разве я не думал всегда только о тебе и не жил ради тебя? Ведь еще в девять месяцев тебе одна женщина в сквере, где вы с мамой каждый день гуляли, предсказала литературное будущее и посоветовала отвезти тебя под цветущую яблоню, и чтобы ты под яблоней уснула. «Тогда, — сказала та женщина, я думаю, она была волшебницей, — ваша дочь станет заниматься литературным трудом». Мама не придавала значения этому предсказанию, а я тут же — был май — отвез тебя в Ботанический сад, и ты там под яблоней заснула. Думаю, не зря я тебя отвезил — твои сочинения всегда считались в классе первыми...»

Я закрыла глаза, почувствовал: закрыть глаза необходимо, иначе заплачу, и увидела своего суеязящегося папу, который ставит на стол над моей головой амариллы — четыре огненных граммофона на сочной длинной ножке, и приговаривает: «Спи, спи, майн либен дота... Спи, спи, моя шоколадная головка». Видимо, домашними цветами папа старался закрепить чары цветущей яблони, и когда в нашей квартире распускались нежные узумбарские фиалки, жасмины, самбук, лилии, он их пристраивал над моей постелью. Папа с удовольствием ухаживал за домашним садом, видимо, предполагая, что во время цветения растения отблагодарят всю нашу семью и в особенности меня старшей.

«...Кормят здесь прилично, я на вечер всегда беру печенье от ужина: мужчины все дни напролет смотрят телевизор, играют в домино или в волейбол. Но ты же знаешь: папа плохо видит, поэтому не может ни телевизор смотреть, ни в играх участвовать. Поэтому я все время думаю о тебе, моя шоколадная головка, моя умница, моя талантливая дочка. Ты маме скажи, чтобы она в следующий раз на меня не кричала, не обзывала и не придумывала, что я тебе мешаю жить и учиться. Я только потому и согласился приехать сюда, что на секунду поверил, мол, все так, как она говорит. А так бы ни за что не согласился.

Дочка, жду тебя каждую секунду. Приезжай. Целую крепко. Маме, несмотря ни на что, — большой привет. Папа».

Бедный, бедный мой папа не знал самого главного, просто предположить не мог подобную ситуацию: в том, что он во время моих выпускных экзаменов оказался не дома, а там, откуда посылал жалобные сумбузные письма, виновата не мама, а я. Я. Его любимая, неповторимая звезда, дота и любезная дочка. Я умышленно настроила маму на принятие этого жестокого, в общем-то, решения, доказала ей, что когда отец дома, я не могу сосредоточиться, а потом — впереди — вы-

пускнуи вечер, от которого папу нужно отсечь, как отсекают охотники волка красными флажками.

Выпускной вечер мне был нужен ради первой в моей жизни свободной ночи, когда родители спокойно ложатся спать, думая, что их детки веселятся в актовом школьном зале. Когда родители не бегут с фонарями разыскивать своих чад. Но я, я хорошо изучила папу — он, в отличие от других родителей, не сидел бы расслабленно дома, не ждал рассвета и прихода взрослого ребенка домой, он бы дежурил под окнами школы, а если выпускной народ пожелал бы гулять по улицам, тащился бы сзади и не спускал подследповатых глаз с меня, любимой, дорогой и так далее доты...

В последних числах мая папа начал нервничать. По вечерам он кропотливо пересматривал гардероб, перетряхивал вещи, примеривал поочередно три старых костюма, которые давно годились только для утиля, вздыхал над коробками с обувью. Обувь находилась давным-давно в плачевном состоянии: потрескавшаяся, потерявшая первоначальный цвет, она все же бережно хранилась в глубине антресолей, завернутая в газеты, со скомканной бумагой в мысках, загнанная в темноту разваливающихся бумажных коробок.

— Пятьдесят шестой год... Китайские кеды... Лакированные ботинки за сорок пять рублей теми деньгами, — бормотал папа, непрерывно шурша бумагой.

Мы с мамой тревожно прислушивались к его ежевечерней бурной деятельности в коридоре. Может быть, папа задумал начать новую жизнь из-за того, что я оканчиваю школу?

Но нет — перемены на новую жизнь и не пахло. Во всяком случае, в новую жизнь не входят в ботинках на отваливающейся микропорке или в бостоновом, проеденном молю пиджаке и не задают тревожно вопрос:

— Ну, как?

Как, как... Никак. Полный кошмар. Мы с мамой недоумевали: что происходит с нашим папой? И лихорадочно искали ответ на этот вопрос — чем раньше мы его найдем, тем всем же лучше.

И вот в один прекрасный вечер, когда папа появился из прихожей в маминой древней, окаменевшей шляпке и синем мамином пальто времен карточной системы — этот маскарад нужно было расценивать, как домашний юмор, — меня вдруг осенило.

— Мама, — сказала я глухо. — Да он же собирается на мой выпускной вечер.

Моя догадка попала в точку. Папа сатанински расхохотался, захлопал в ладоши, подбежал ко мне, стал обнимать, приговаривая:

— Майн либен дота! Майн либен дота!..

— Ты что, намылился меня сопровождать? — сурово спросила я его.

— Почему бы нет? Почему бы нет? — радовался папа. — Ты — моя единственная дочка, у тебя единственный в жизни выпускной вечер. Я хотел бы хоть одним глазком посмотреть на тебя...

— Нет уж, не надо, — сказала я с дрожью в голосе. — Знаю я, как ты посмотришь одним глазком. Потом все глаза в школе будут смотреть на меня и на тебя.

— Что плохого в том, если отец придет на выпускной вечер дочери? — не отставал от главной мысли папа. — Скажи, что в этом отвратного? Я не крокодил, не обезьяна, оденусь прилично и тихо-нечно там побуду...

Я решила не продолжать зашедшую в тупик

тему. Решила прибегнуть к помощи мамы и уговорить ее, внушить ей, что отец — должен — отдохнуть — и он — мне — мешает — готовиться — к — экзаменам — его — и — мои — нервы — не — выдержат...

На самом деле я боролась за выпускную ночь, как раненный зверь цепляется за жизнь, — совершенно по другой причине. В выпускную ночь я не собиралась тащиться в школу, чтобы глазеть на расфуфыренных одноклассников и напряженных учителей. Мы с Чертом должны были уехать за город в эту ночь...

На свидания с Чертом я ходила в одежде своей подруги Светки Павловой. Мои отечественные длинные и разноцветные разнокалиберные свитерки были из той бедняцкой жизни, которую мы вели с родителями: сто двадцать плюс сто пятьдесят плюс гонорары за частные уроки лечебной физкультуры (не превышающие, кстати, в месяц и пятидесяти рублей) — вот и все, чем мы располагали. Поэтому меня одевали очень и очень скромно.

Светка Павлова в этот апрель и май с удовольствием выручала меня барахлом. Ее родители часто бывали за границей, так что проблем с тряпками у Светки не существовало. Взамен она ничего не просила, никаких подробностей наших с Чертом свиданий... А какие у этих свиданий могли быть подробности? Почти все я придумывала, рассказывала, рассказывала «со вкусом», мол, и целуется, что надо, и квартира у него — конфетка, и слова говорил такие и такие, и уже приставал по-серьезному, но я вовремя остановилась, решив попробовать после окончания школы.

Светка всему верила, у нее глаза так и блестели, только что слюни не капали, и все канючила: «Ма-ать, ну познакомь меня с его дру-угом». Я обещала. А зачем обещала — непонятно. Черт меня со своими друзьями не знакомил.

Он вообще, как мне казалось, был везде один, благородный такой, сам в себе, шоколадный мальчик. В образе эдакого брошенного всеми, независимого рыцаря. Или несгибаемого, стойкого, сильного молодого короля. Да, да, он держался со мной благосклонно, по-царски. Вроде как бы терпел.

Черту нравилось, что каждый раз на наши встречи я являюсь в чем-то новом.

— Как там фазер — член-корр? — любопытствовал он. — Из загранки, что ли, приехал?

— Ну, — отвечала я. — Из загранки. Вагон шмоток приволок...

Сам Черт носил не ахти какие джинсы, рубашки, кроссовки и куртки. Они не бросались в глаза, и похоже я встречала на многих, но зато все его вещи были импортными. Единственная необычайная деталь присутствовала в его облике — золотая цепочка на шее. Как бы некий знак принадлежности к высшему обществу. Кажется, у него были даже две цепочки — одна венецианская, другая — якорная; он их менял — может быть, в зависимости от настроения. Я поражалась в душе, как небрежно он носил эти дорогие вещи, будто безделушки из табачного ларька стоимостью в два-три рубля.

Однажды, как раз перед эпизодом с переодеваниями папы, Черт спросил меня:

— Командириша, у вас дача есть?

— Есть, — тут же соврала я.

— Съездим?

— Зачем?

— Воздухом подышим,— сказал он и усмехнулся.

— А у тебя есть дача? — тут же спросила я.

— Конечно. Только там бабка день и ночь.

— Ну и что...

— Ничего,— ответил он, и глаза его потемнели.— Можешь так сделать, чтобы никого на твоей не было? Ты же Командирша, скомандуй, а?

— Там никого и так не бывает,— вяло попыталась я пошутить.

— Тогда когда поедем?

И тут я ухнула, будто в реку с головой:

— Давай в выпускной вечер?

— У-у...— лениво протянул Черт.— До него целый месяц. А раньше?

— Нет, я экзамены начну сдавать, не до поездок.

— Ну-у, ладно. Только без обмана, Командирша. Заметано?

— Черт, все же, что мы там будем делать?

— Воздухом дышать,— повторил он и коснулся моей руки. Его пальцы показались мне горячими, как кипятка. Черт поцеловал меня в первый раз.

Целовался он классно, дух захватывало. Кстати, Черт был младше меня: я оканчивала десятый класс, а он — девятый. Правда, о школе он почти не рассказывал, и о репетиторах тоже. Но я догадывалась, что он к ним ходит. Его прудумовательные богатые родители заставили сыночка ходить к репетиторам заранее: очень они хотели, чтобы Черт поступил в университет. И вообще — сделал карьеру в будущем.

Огненный, отточенный поцелуй Черта добил меня: откуда у него такая техника и умение? Загада.

После разговора о даче мы к этой теме не возвращались. Как бы твердо знали: поездка должна состояться, заметано. Но вот на какую дачу мы должны были ехать, я не представляла. Естественно, никакой дачи у моих родителей сроду не существовало.

И тогда я снова кинулась в ножки к Светке Павловой. У ее родителей — полная чаша: машина, дача, кооперативная квартира. Светка подумала-подумала и согласилась, взяв с меня честное слово, что я расскажу ей ВСЕ после возвращения...

Не буду прикидываться дурочкой и делать вид, что до сих пор не понимаю, зачем Черт агитировал меня поехать с ним на дачу. Я и тогда понимала: он хотел со мной близости. Ничего в этом, по зрелому размышлению, нет плохого. Если люди любят друг друга. Если они жить друг без друга не могут. Если искра проскакивает, когда они встречаются глазами или берутся за руки. Обычно такой глубины чувства впервые появляются лет в семнадцать-восемнадцать. И нечего тут взрослым фыркать, негодуя над этой страницей. Жизнь есть жизнь.

Но в том, что я легко согласилась ехать с Чертом на дачу, была все же отвратительная начинка: я видела — он не любит меня, ему любопытно. Ему интересно. Ему захотелось легких отношений и надоело бродить по улицам. Ему обрядли наши школьные невинные свидания.

Да, я чувствовала все это — унижительное, серое — и согласилась.

Я начала расчищать, как бульдозер, путь для нашей первой ночи.

Я унилась перед Светкой Павловой с ее дешевым любопытством.

Я продумала, как Штирлиц, весь день выпускного бала — до крошечных мелочей, подробностей. Потому что хотела привязать к себе шоколад-

ного независимого мальчика с золотой цепочкой на шее.

И я уговорила, уломала, убедила маму положить отца в психоневрологический стационар. Попросту говоря — в психушку.

...Я читала третье папино письмо, когда дверь распахнулась и в вагон ввалилась компания из пяти человек: четверо парней нашего с Чертом возраста, а с ними девица, высокая, стройная, нервная, в облаке черных волос над острыми прямыми плечами, затянута в черную кожу — блестящие брюки и блестящую куртку.

Они сели через три лавки от нас: Черт оказался сидящим к ним спиной.

«...Я понимаю, дота, ты сдаешь ответственные в своей жизни экзамены,— писал папа.— Наверное, поэтому ты не едешь, хотя я тебя жду изо дня в день. Есть специальные часы посещения — с семнадцати до девятнадцати. В эти часы я все время стою у больничных ворот и жду, жду. Боюсь тебя проглядеть — ведь ты знаешь, я плохо вижу. Все-таки можно приехать к папочке на пару часов. Приезжай, моя милая дочка.

Выйду отсюда, давай пройдемся по тем местам, где мы любили гулять, когда ты была маленькая,— папочка расскажет тебе много интересного.

Двое мужчин так храпят, что невозможно спать. Я, правда, молчу, врачу не говорю, а то накормит такими лекарствами, что весь день будешь ходить заторможенный. Я не хочу так, хочу думать про тебя.

Как вы там с мамой? Я несколько раз пробовал позвонить вам, но сломался автомат, а когда починят, никто не знает.

Приезжай, милая моя дота. Любящий тебя отец».

Компания сразу открыла окно — ночной ветер теперь легко носился по вагону, а волосы на голове Черта не просто шевелились, а разлетались в стороны. Затем все пятеро закурили, загомонили, включили магнитофон.

— Эльза, где твой красавчик? — спросил один из парней.

— На идиотские вопросы не отвечаю,— отрезала хриплым голосом Эльза.

— Целуется, наверное, с очередной телкой. Он такой у нас, своего не упустит,— лениво продолжал тот же голос.

— Заткнись, Панок! — приказала Эльза.

— Ой, ой! Чего ты так разнервничалась? Не знаешь, где он — не надо.

— Знаю,— ответила Эльза.— Панок, давно чмошником не был?

На последний вопрос ответа не последовало, но в этот момент я оторвалась от папиного письма и взглянула на Черта.

Он сидел, широко открыв глаза, с застывшим каменным лицом. Губы его сжались в бледную твердую бескровную полоску, щеки побелели, а глаза смотрели в одну точку: такого мрачного, тяжелого взгляда я ни у кого раньше не видела.

И тут я догадалась. Там, за спиной, сидела его, Черта, команда, правда, не в полном составе, но именно он был у них основным, мафизои.

Теперь Черт с помертвевшими глазами сидел и слушал, как его команда говорит в легком оскорбительном стиле о нем самом, о мафии. И кто говорит? Чмошники, урюки и степаны. Хроников, по мнению Черта, в их команде еще не завелось.

Вдруг он встал.

— Эльза, я здесь,— сказал он резко, громко. Он

будто вызов бросил тонкогубой, худой кожаной девице. Его голос прозвучал в выстуженном, холодном вагоне электрички металлически, напряженно. Он не был похож на тот глубокий, бархатный, каким Черт обычно говорил со мной.

— Здоров, Черт, — ответила хрипло, уверенно Эльза. — А мы тебя не заметили. Вот незадача. Ты с новой девочкой?

Ох, как неудобно мне стало в нелепом серебристом платье, вечером, концертном платье. Ох, как проигрывала я рядом с худой, нервной, супермодной Эльзой.

— А ты с теми же мальчиками? — ответил вопросом на вопрос Черт. — Дайте сигарету, что ли.

— Мог бы получше в этот раз выбрать себе девочку, — нагло продолжала Эльза. — Это та, с которой ты два месяца...

— С каких пор, Эльза, ты стала нарываться на грубости? — тихо спросил Черт.

Эльза замолчала: видимо, Черт посмотрел на нее черными бешеными глазами. Он умел так смотреть — кровь застывала в жилах.

В этот момент до меня дошло, что команда во главе с Эльзой не случайно оказалась в ночной электричке, которая тащилась через холодную ночь в город, что у команды есть свои, продуманные цели: или закопать, унижить меня, или свергнуть Черта до положения урока, а то и чмошника. Может быть, еще что-то крутилось у них на уме.

Я не испугалась. Мне было плевать на то, что в этом вагоне решается сейчас моя судьба. И даже наплевать — пошел ли Черт к своей взбунтовавшейся команде защищать меня, или они сейчас объединятся и начнут издеваться надо мной все вместе.

Тут я открыла еще одно папино письмо.

Оно, наверное, было отправлено последним, и, в отличие от тех, что я уже прочитала, очень короткое. Папа писал: «Дочка, я многое здесь передумал и решил, ничего страшного не случится, если я сбегу на твой выпускной вечер. Правда, не уверен, что получится. Не говори маме. Папа».

Как-то трудно укладывалась в голове эта информация: будто папа написал мне о будущем нескором событии, а не о сегодняшнем выпускном вечере. Неужели ему удалось покинуть больницу, и он весь вечер промотался под школьными окнами, безнадежно глядяваясь своими слабыми глазами в тихие темные окна первого этажа...

— Мальчики, наш благородный Черт, наш принц распрекрасный, два месяца назад клялся мне в вечной любви, — сообщила публике Эльза.

Кто-то засмеялся дурацким смехом, будто заблеял. Эльза явно подначивала Черта: она, как голодная волчица, бжала грудь в грудь с ним, гордым оленем, изредка пытаясь схватить его за холку.

«Неправда, — хотела сказать я. — Ты врешь, голубушка. Твой Черт никогда не объясняется в любви. Ложь!» — Но я вовремя остановилась, разве я могла сказать так за всех? За всех тех, кто нравился Черту, с кем он ездил на квартиры и дачи, сидел в кафе-мороженых, с кем брал детскими, холеными пальцами от официантов сдачу? Со мной было так, с Эльзой — по-другому, с какой-нибудь Ивановой — третий вариант.

— Эльза, я терплю, потому что ты баба, — сказал грубо Черт. — Но учти, выведешь из себя — схлопочешь.

— Ой ли! — почему-то обрадовалась Эльза. — Ты разве бьешь девушек? Они тебе подчиняются, потому что ты сильный, да, Черт? И эту красавицу

в старомодной тряпке ты тоже бил, чтобы она два месяца бегала за тобой, как верная собака?

Здесь бы я на месте Черта взорвалась и съездила Эльзе по лицу. Но он удивительно был терпелив с ней, а она чувствовала это. Она на какую-то долю выигрывала, казалась сильнее его, шоколадного, стройного мальчишка.

— Красиво говоришь, Эльза. Я рад твоим ораторским успехам, — спокойно сказал Черт.

Я не вмешивалась в их диалог. Я вообще на протяжении всей перебранки сидела тихо, как мышка, и делала вид: никого здесь не знаю, и мальчик по имени Черт никакого отношения ко мне не имеет. Но ведь это было не так. Это ведь было не так.

Вдруг Эльза повернулась в мою сторону и спросила:

— Как твою нынешнюю зовут, Черт?

Все замолчали, даже выключили магнитофон, потому что события принимали более интересный, более захватывающий оборот — на сцену должна была выйти я, нелепая широкоплечая выпускница в серебристом концертном платье.

Черт молчал, и я решила ответить сама:

— Меня зовут Командирша.

Команда с готовностью заржала: она бы заржала любому моему ответу.

Эльза, королева королевой, прошла, виляя кожными бедрами, между скамеек и встала передо мной, руки в бока, эдакая современная точеная статуэтка:

— Пойдем выйдем, поговорим, — предложила Эльза, сузив глаза. Я увидела: губы у нее тонкие, злые, в красной с фиолетовым помаде.

Я встала, скомкала папины письма, нервно сунула их в сумку и пошла за Эльзой в тамбур. Все это продельвала, как сомнамбула, с ощущением: не я, не со мной, страшный сон.

Эльза пропустила меня вперед и в спину пропела:

— Чмош-шница...

Не знаю, услышала ли это слово команда, но за моей спиной было тихо, только Панок бодро завывал:

— Во, сейчас разборки пойдут...

В тамбуре я прислонилась к пыльной, давно не крашенной стене, угрюмо уставившись на Эльзу: вблизи она казалась мне старой, измученной, издерганной.

— У тебя с ним что-нибудь было? — хрипло спросила Эльза и, поняв, что вопрос ее был слишком прямой, слишком глупый даже, скороговоркой добавила: — И не вздумай врать мне, убью.

Конечно, я не поверила в то, что она меня убьет, тем более, что Эльза физически казалась слабее меня: худая, тонкая. Но ощущение плохого кино или тяжелого, случайного сна все укреплялось в моем сознании.

— Ничего у меня с ним не было, — ответила я.

— Врешь. Вы были в том доме два часа.

— А ты в кустах сидела? — спросила я.

Эльза сверкнула глазами, резко подняла руку — в моей голове мелькнуло: «Сейчас ударит», — но она не ударила, а поправила пыльное черное облако волос.

— Отвечай, было или не было? — спросила я.

Я видела: эта резкая, мрачная, уставшая девица проигрывает в нашем разговоре. Она хотела первенства, хотела быть сильнее, хотела унижить меня. Но разве можно искать первенства у побежденного, желать быть сильнее проигравшего?

— Слушай, Эльза, а как тебя зовут? — тихо, убаюкивающе спросила я. — Ведь это твоя кличка, да?

— Чмошница, примитив, хочешь быть со мной добренькой, хочешь в сестрички записаться? Я знаю, ты своего добила, и Черт теперь твой, но только ненадолго. Он не привязывается ни к кому, никогда по-настоящему не любил... И я тебя предупреждала — не надо мне врать. Гляди, у тебя платье задом наперед надето...

Вполне вероятно, это была ловушка Эльзы. Но я клюнула на нее: покраснела, начала оглядывать себя, колотя коричневой сумкой по коленям.

— А-а, попалась, чмошница?

— Эльза, если ты хочешь меня унижить этим словом, — зря. Я не понимаю, в чем его обидный смысл, и поэтому мне совершенно наплевать.

Тут электричка остановилась. Мы приехали на темный пустой вокзал. Я выскочила на перрон и быстро, как могла быстро, пошла к зданию метро. «Хотя бы метро работало... Хотя бы метро работало», — лихорадочно билась в моей опустошенной, звонкой голове однообразная мысль.

Кто-то тронул меня за локоть. Это был Черт. Удивительно, необъяснимо. То, о чем я сорок минут назад мечтала, как о великом чуде, свершилось.

— Я провожу, — буркнул он. — Могут обуть.*

Высокий, стройный, мужественный, смелый, он шел рядом, то и дело касаясь моей руки, плеча. Но почему мне почудилось, что он спасает не меня, а сам спасается?

Мы стремительно влетели в пустое метро, на чистый, как осенняя утренняя дорога, эскалатор.

За нами протопала команда с негибавшей Эльзой во главе. Когда я на мгновение оглянулась на наших с Чертом преследователей, мне почудилось — черные волосы Эльзы похожи не на облако, а на грозовую тучу со вспыхивающими в ней злыми, резкими молниями...

Чушь, чушь и бред!.. Моя мама с того момента, как мне стали нравиться мальчики, боялась, что я вступлю с кем-нибудь в интимные отношения: резко, быстро, легко, в животном плоском восторге. Бедная мама! Будто это так просто, будто человек — существо без мыслей, сомнений и сложнейших желаний. Теперь-то я, взрослая, знаю, как нелегко и страшно остаться с кем-нибудь наедине, вести прерывающиеся поцелуями запутанные разговоры, и тысячу раз сомневаться во всем: в себе, в нем, в необходимости свидания, и миллион раз в тоске ощущать: ухожу, убегаю от привычного бытия, тебя как бы утягивает адская сила из радужной, мыльной детской страны... А потом вдруг в самый последний, бездонный, засасывающий, как черная дыра, момент все-все переиначить, решить наоборот, вырваться из мозаики сильных ощущений — и остаться свободной, прежней — и несчастной!..

Светка Павлова не только дала мне ключ от родительской дачи, но и подробно, долго, нудно рассказывала, где что лежит, что можно трогать, а что нельзя, куда разрешается мне и Черту заходить, а куда нет... В конце своего нравоучительного диалога Светка предложила:

— Давай договоримся. Я приеду на дачу на следующий день, часиков в одиннадцать, и если у вас ЭТО произойдет, ты поставь на стол на веранде пустую молочную бутылку, а керамическую

вазу со стола убери на буфет. Ладно? А то я умру от любопытства.

Господи, она уже распорядилась мною, как собой. Корова. Хорошо, что потребовала молочную бутылку поставить, а не цинковое ведро с дождевой водой.

Я пообещала любопытной Светке выполнить все ее предписания, и Светка то ли совсем прониклась моей тяжелой бабьей долей, то ли почувствовала себя в роли сваты, провожающей девушку в главный жизненный путь, предложила мне одеть серебристое английское платье.

— Мать, оно интригует, манит. Вот увидишь, с этим платьем проблем не будет. Расстегивается вот здесь...

По поводу платья я тоже получила полный и подробный инструктаж. Вообще, у меня было ощущение, что я не платье примериваю, а еще теплую шкуру, только что снятую с живого существа.

Ну, вот и все заботы... Перед выпускным балом я спрятала поглубже кремовое крепдешинное платье, сшитое мамой специально для выпускного вечера, натянула интригующее английское платье, принадлежавшее Светке Павловой, схватила коричневую сумку, бросив туда пару яблок, влезла в новые твердые дорожные туфли (сорок рэ) и помчалась на вокзал, где ждал Черт.

На дачу мы приехали часам к восьми, в пепельные ласковые сумерки. Черт всю дорогу по лесу и поселку шел в двух-трех метрах от меня, молчал, много курил, и мне показалось, что у него еле заметно дрожат руки.

Светкин дом я открыла легко: ведь пару раз с ней и ее родителями бывала здесь, и довольно легко двигалась по комнатам и веранде, как по своей собственной даче.

Черт тут же плюхнулся на старый, уютный диван, стоящий как раз рядом с тем самым столом, на который я должна буду водрузить глупую пустую молочную бутылку. Он вытянул длинные ноги, снова закурил и уставился на меня немигающими глубокими глазами. «Хорошо иметь черные глаза, — вдруг ни к тому, ни к сему подумала я, — не видно оттенков».

— Есть хочу, — сообщил Черт.

— Я тоже.

И начала тут же что-то стряпать, подогревать, резать. Вся эта возня с приготовлением ужина и ужином заняла у нас пару часов.

Потом, когда совсем стемнело и над дачным поселком эхом пронеслись собачьи голоса и начали повсвистывать близко-близко в траве у дома цикады, Черт взял меня за руку и притянул к себе.

Мы целовались почти целый час, молча, упорно, а я все это время дрожала, как осенний лист.

Потом Черт вдруг что-то почуял, отстранился от меня и спросил:

— А у тебя кто-нибудь был, Командирша?

— А у тебя? — пролепетала я.

— Естественно. В последний раз рыжая одна. Раза три встречалась. Потом она заявила ко мне домой и потребовала, чтобы я на ней женился.

До сих пор не пойму, зачем Черт говорил мне о какой-то рыжей? То ли не хотел, чтобы я повторила ее действия, то ли сообщал мне, что имеет некоторый опыт в интимных делах? Не знаю...

— А если я к тебе заявлюсь, как рыжая? — спросила я.

— Попробуй, — улыбнулся Черт в уже кромешной темноте, и принялся шарить по интригующему серебряному платью, искал застежку.

* Обуть (жаргон.) — избить.

— Не так... — выдохнула я и показала, как и где оно растегается. Светкины уроки я усвоила добросовестно.

Мы говорили с Чертом шепотом, как лунатики. Словно наши обычные голоса грохотали бы в ночном поселке камнепадом, и все жители собрались бы у Светкиного дома с законными требованиями тишины.

И вот, когда мы уже стояли друг перед другом совсем без всего, и я в каком-то одурманивающем тумане увидела, что Черт совсем-совсем мальчишка, худой, неловкий, с синеватой, замерзшей кожей, — в этот момент у ворот Светкиной дачи прошуршали колеса автомобиля, хлопнула дверца, хохотнул женский голос, пробасил мужской, и я догадалась, что приехал Светкин папашка — дядя Олег.

— Бежим! — шепотом закричала я Черту. Он испугался, ах, как он испугался! Нервничая, стал натягивать джинсы, рубашку, куртку; кроссовки никак не зашнуровывались, и он от злости, испуга и ярости разорвал один шнурок.

Я тоже лихорадочно натянула платье, схватила одной рукой сумку, другой — тесные новые туфли и выскочила за Чертом в открытое окно на веранде.

Когда мы уже влетели в лес и я остановилась, чтобы в росной траве вымыть заляпанные ноги, первое, что мне пришло в голову, — на столе осталась стоять не пустая молочная бутылка, а сковородка с недоеденной жареной колбасой: я рассмеялась.

Черт, всю дорогу от поселка не проронивший ни звука, резко сказал:

— Глупо.

— Ты не понял... — хотела объяснить я.

— Не надо, а? — голос его дрожал от обиды, злости, бессилия; а я, широкоплечая, нелепая Командирша, видела его испуг, его полудетское тело, а теперь еще и смеюсь...

Он, не оглядываясь, широко зашагал по еле виднеющейся дороге. Он бросил меня. Я перестала для него существовать.

Мне пришлось весь путь бежать за Чертовой тенью, как собачка. С детства я боялась темноты, тем более черного ночного леса.

...В метро нам повезло: из тоннеля — мы ни минуты не ждали — появилась ленивая, тяжелая электричка. Мы вошли в пустой вагон, в тот же вагон вбежала возбужденная команда и черная, как туча, Эльза.

— Невезуха, — пробормотал Черт. — Всегда надо отрываться в метро, когда народу много. Теперь они не отстанут.

За окнами мелькали огоньки перегонов, тихие станции с полупритушенным светом. Команда о чем-то жаростно, тихо переговаривалась, Эльза трясла головой и оглядывалась на нас.

Перед станцией, на которой мне надо было выходить, Черт, не глядя в мою сторону, сказал:

— Дойдем до твоей школы, там я останусь, а ты руки в ноги — и чеши домой.

— Почему чеши? Я пойду, — я попыталась усмехнуться и показать: мне не страшно.

— Я сказал: руки в ноги, значит, руки в ноги. Ты их не знаешь — мигом обуют...

— Правильно, не знаю и знать не хочу...

— Все, — оборвал меня Черт.

Мы молчали, поезд вот-вот должен был въехать на мою станцию.

— Ты позвонишь мне завтра? — спросила я. Конечно, он не собирался мне звонить, он уже

выбросил меня из мыслей и непонятно зачем сейчас провожал... Да и я сама не знаю, зачем задала ему этот вопрос.

Черт не успел ответить. Поезд остановился, двери разъехались, и мы выскочили из вагона.

Эльза и команда не отставали. Они шли за нами быстро, тихо, следуя неясному для нас плану.

И тут на улице меня прорвало. Ну должны же люди уметь объясняться?!

— Черт, миленький, я не хотела тебя обидеть, — залепетала я.

— Знаю, — отрезал он.

— Это не моя дача была, Черт...

— Догадываюсь...

— Ты мне очень нравишься...

— Может быть.

— Я даю тебе честное слово, что в следующий раз будет так, как ты хочешь...

— Не надо.

— Ты мне позвонишь?

— Нет.

— Почему? Почему? Ну почему?

— Заткнись.

Для кого-то эта ночь, ночь после выпускного бала, была лирической, таинственной, мечтательной. Наверное, мои одноклассники собрались у Светки Павловой в огромной трехкомнатной квартире и танцевали теперь под магнитофон. Кто-то кого-то провожал и целовался в кустах отцветающей городской сирени. Наши трудяги учителя давно спали в своих кроватках с чувством исполненного долга.

А я боролась за себя, свою честь, любовь, жизнь. Я теряла все в эту выпускную ночь: надежды, радость, гордость, силу, Черта.

Мы вырвались напрямую к школе. Черт шагал шире, увереннее, через плечо бросил:

— Как только в ворота войдем — чеши.

И мы вломились на всех парах в ворота, и он подтолкнул меня — ну! — и я побежала, неловко переваливаясь в новых, неудобных туфлях.

Рядом со школой стояла беседка, окруженная густыми кустами, за ними тянулся школьный полуудикий, заросший сад, а через сад, если пройти по еле видимым тропинкам, можно было добраться до дома, в котором крайний подъезд — сквозной.

Я добежала до кустов у беседки и остановилась, тяжело сглатывая воздух. Я решила затанцевать, отдохнуть и понаблюдать. В крайнем случае, подумала я, успею пересечь сад, влететь в подъезд и оказаться на соседней улице. Вряд ли Черт и его команда знали этот потайной путь.

Стоя в кустах, я увидела, как Черт сел спокойно на ступеньку школьного крыльца, закурил и с достоинством, которому позавидовали бы короли, встретил команду. Не успели разгоряченные преследователи и рта раскрыть, как он сказал:

— А здорово я ее припугнул...

— Кого? — не поняли они.

— Ну, дуру эту, чмошницу. Затащила меня зачем-то на чужую дачу... Еле отвязался.

— Черт, мы тебя не просим откровенничать, дорогой, — почти ласково проговорила Эльза.

— Ладно, ребята, вы — молотки, умеете друзей охранять и ценить, — бодро, покровительственно сказал Черт.

Никто ему не ответил, все вытащили сигареты и закурили.

«Что это? Что это? Что? — лихорадочно думала я. — Черт — мой защитник? Ведет разговор — любой, даже оскорбляющий меня, чтобы я успела

как можно дальше уйти от школы, спастись? Или он восстанавливает свои права мафиози? Отвязался от меня и восстанавливает? Почувствовал — команда вышла из-под его влияния?».

А потом...

Мне больно писать о том, что случилось спустя минуту. До сих пор, уже через несколько лет, я ощущаю физическую дрожь при воспоминании об этом «потом».

Из-за угла школы вышел мой папа. Сгорбленный, лысый, в странной одежде — темной пижаме и обычном сером пиджаке от чьего-то костюма. В руке мой папа держал увядший пион: тот болтался на мягкой ножке туда-сюда — видно, папа ходил с ним давно.

Папа подошел к курящей команде:

— Дорогие дети! Поздравляю вас с окончанием средней школы! Желаю вам всего самого доброго!

— Ты чего раскудахтался, хмырь? — оборвала его Эльза. — Видишь, люди отдыхают, гуляй дальше.

Я не предполагала, как мой папа может среагировать на такое прямое хамство, но он или не расслышал, или не понял, или не принял близко к сердцу Эльзины слова.

Компания начала заинтересованно его разглядывать, подхихкивая. Пиджак в сочетании с больничной пижамой кого хочешь развеселит.

— Да, дети, я смешон в этой одежде. Но я не виноват. Вот отпросился сегодня из больницы на несколько часов, чтобы поздравить дочку с окончанием школы. Вы не видели мою дочку, Балашову Любочку из 10 «А»? Красивая такая, с ясными глазками? Я целый вечер здесь простоял, ждал — я плохо вижу, все уже ушли. Вы не видели мою дочку?

Из черных спасительных кустов я увидела, как дернул плечом Черт, будто хотел что-то спросить. Неужели он догадался, что перед ним стоит мой папа, мой бедный смешной папа? Но я же никогда не говорила Черту ни своего имени, ни своей фамилии.

Команда хихикала. Вдруг Эльза дернулась: ей явно хотелось быть первой, хотелось командовать:

— Слушай, дядя, спляши нам. Тогда скажем, где твоя Любочка с ясными глазками.

— Как это? — не понял папа.

— Ножками, ножками. Спляши. Окружай его, мальчики! — приказала Эльза.

В предвкушении бесплатного цирка мальчики окружили моего отца и взялись за руки, как на новогоднем утреннике.

— Дети, я не умею плясать. Я — старый, больной человек. Мне холодно, — стал объяснять папа срывающимся голосом.

— Пляши, козел, — Эльза тоже встала в круг и подтолкнула моего папу ногой в бок. Или мне это показалось? А папа, поняв, что ему не вырваться из этого ужасного, жестокого круга, закричал:

— Дети, дети! Что вы делаете?! Помогите! Люди! Один Черт стоял в стороне и курил сигарету.

Не хотел ввязываться? Почему? Почему?

Они завертелись в диком хороводе, визжали, и я уже с трудом различала папу за прыгающими, извивающимися фигурами. Только слышала его надрывный жалкий голос:

— Дети! Дети! Что вы делаете! У меня кружится голова! Остановитесь!

Я стояла в кустах и не двигалась. Никакая сила не могла меня столкнуть с места.

Папа упал.

И тут Черт лениво подошел к визжащему несущемуся кругу и приказал, тихо, уверенно:

— Бросьте вы эту падаль. Менты нарисуются.

И они его послушались. Они остановились. Они смотрели на Черта во все глаза.

Мой папа — падаль? Мой папочка?!

Я не хотела кричать, но так вышло, прорвало — я охнула. Черт оглянулся на кусты.

Шатаясь, я вышла из своего убежища. Медленно-медленно пересекла школьный двор. Остановилась рядом с Эльзой и сказала, ни к кому не обращаясь:

— Папа.

— Дочка, ты здесь? Ты здесь, моя дорогая? Майн либен дота?

Он стал подниматься с земли, неуклюже, смешно, страшно, а я видела, какой мой отец старый и больной.

— Это твой отец? — спросил Черт. — Член-корр? Ученый? Этот придурок — твой отец?!

Команда ждала, что я отвечу, и я, сглотнув твердый, жесткий ком, раздирающий горло, сказала отдельно, тихо, четко, чтобы ни у кого не оставалось никаких сомнений:

— Да. Это. Мой. Сумасшедший. Папа.

Они нас не тронули, когда я и папа уходили прочь со школьного двора. У них, вероятно, был затрясанный шок перед взрывом хохота.

Папа взял меня под руку и засеменил, повернул ко мне залитое слезами лицо.

— Дочка, я так рад, что нашел тебя... Я не стал заходить домой, чтобы не пугать маму... Мне было так плохо без тебя в больнице...

— Ты плачешь... — чужим голосом сказала я.

— Ты не беспокойся. Ты меня не стесняйся. Это второй раз в жизни. В первый раз я плакал, когда схоронили мою маму, твою бабушку. У меня тогда вся грудь была мокрой от слез, вся рубашка...

— Пойдем домой, папа, — тихо попросила я.

— Конечно, конечно, дочка... Домой, домой...

Я так замерз... Я так хотел поздравить тебя, дорогая моя... Ты спасла меня от этих жестоких детей. Спасибо. Спасибо, майн либен дота!

Он остановился, обнял меня за плечи и стал целовать пылко, как в детстве, — в лоб, щеки, голову.

Мы пошли домой. За нами остался школьный двор, школа, заросший школьный сад.

— Дота, — просительно сказал папа, — ты скажи маме, чтобы она не ругалась. Я ведь только поздравить хотел и вернуться туда снова. Еще два дня осталось...

В оформлении использовано фото Андрея КУДРЯВЦЕВА

ОТ КАЖДОГО СО ТОГО...

Обзор анкет февральского номера «Паруса»

Разбор почты февраля — встреча с десятью тысячами читателей: с каждым сотым из вас. Это дает нам возможность попытаться представить коллективный портрет читателя в сто-кратном приближении к нему.

Итак, в среднем, каждый 497-й из вас пишет стихи и шлет свои первые (а иногда и вторые, седьмые, десятые) пробы пера в «Стихотворную тропу»; каждый 344-й — абитуриент, судя по почте рубрики «По сути дела»; каждый 213-й — поклонник творчества какой-нибудь рок-группы или популярного певца; каждый 125-й пытается через «Парус» завязать знакомство со сверстниками; каждый 1039-й высказал свое «за» или «против» вынужденного временного перехода журнала на двухцветную печать. А еще, по нашей статистике, на каждые пятьсот написавших нам попадает один, извините, хам.

«...И нам наплевать, что там у вас происходит. Мы платим деньги не за то, чтобы ждать по 2 месяца один номер. И если вы, заразы, не вышлите журналы и не наверстаете упущения в регулярности... что мы сделаем, пока не знаем, но наша месть будет жестокой, вплоть до теракта. Или может вообще разучились это дело. Так скажите. Приедем быстро научим, ершь твою медь, задалбали, гады. Пока все.

Маев А. В., Васильев И. Н. Набережные Челны». Орфография и пунктуация — по оригиналу. Адрес, естественно, не указан.

Говорят, на хамство и отвечать не стоит.

Хамством — не стоит. Но и отсылать Маева и Васильева к учебнику этики не имеет смысла, читать не станут. «Теракт» (террористическое действие, если мы правильное поняли), думаем, не представляет особой опасности: «Парус» — не самолет, угнать его невозможно. Поэтому приезжайте, ребята, как обещаете, поговорим. При условии, впрочем, что уж как-нибудь перетерпите без крепких выражений, которые мы, цитируя ваше письмо, все-таки вынуждены были заменить многоточием. До встречи.

А вот письма, в которых кроме вопросов доставки встречались конкретные предложения, рекомендации, как улучшить качество печати, зачитывались и обсуждались на редакционных «летучках». Например: «Найдите богатого спонсора», «Решите вопрос о распространении «Рагги» за рубежом. Взамен — качественное оборудование и сырье», «Самое разумное: сократить тираж и вернуться к тому, как было в прошлые годы. Я лично готов пожертвовать своим экземпляром для кого-то другого. В конце концов, можно же

у этого другого взять почитать «Парус».

Но как практически определить, кого именно лишить подписки и кто с кем сможет поделиться цветным номером? Утопия...

Ну, а реально — на следующий год выходить в цветном исполнении. И сделать это своими силами. Во всяком случае, к любым подписным «зигзагам удач» мы уже готовы. Напротив, подписной индекс «Паруса» — 70795. Наш оптимизм поддерживают достаточно высокие баллы за опубликованные материалы. Подсчитаем:

1. «Ищу друга» — 8,55
 2. В. Маслюков. «Афганистан, Афганистан, Афганистан...» — 8,27
 3. А. Потупа. «За триста лет до триллиона» — 8,05
 4. И. Муфель. «Признание в трусости» — 8,02
 5. «Вместе с Малгожатой» — 7,98
 6. Г. Лисичкин. «Мы лишь в начале пути...» — 7,75
 7. «Охота на браконьеров» — 7,63
 8. «Газета» Малой редколлегии — 7,10
 9. «Трубка мира» — 7,38
 10. «Земля — большая?» — 7,24
 11. «Контрольная» — 7,23
 12. С. Саврасова. «Брат-и-слава» — 7,20
 13. Э. Дубровский. «Земля Электрической Леги» — 7,16
 14. «По сути дела» — 6,55
 - 15-16. «Держай» и Г. Альтшуллер, И. Верткин. «Не думай о мгновенных свисоках...» — 6,54
 17. А. Скуратович. «Почему Колобок укатился в лес» — 6,43
 18. О. Королюк. Стихи — 5,80
 19. Т. Шеруило. «Город» — 5,69
- Как обычно, это средние цифры на каждые 100 анкет. Спасибо за ваши оценки и мнения.

вместе с Малгожатой

(Окончание. Начало на стр. 32)

КАКИМ БЫВАЕТ ТВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ?

Показательным? Надеваешь самое сногшибательное платье и с утра торчишь на лестничной площадке. В полдень гуляешь по главной улице с лучшей подружкой (она сокрушена твоим внешним видом, оттого сама не в настроении). Скучно...

Испорченным? На этот день ты оставила подготовку к трем контрольным и сочинению. Вить хочется...

Импровизированным? Не договоривались и собрались у Баськи. Слушали пластинки, читали стихи при свечах...

Спортивным? Встала на рассвете, пошла в поход. Не представляла, что на природе обычная еда может быть такой вкусной, окрестности города так прекрасны, а новые друзья такие симпатичные...

В домашнем халате? Начала пришивать пуговицы к кофе — расхотелось. Стала приводить в порядок книги — надоело. Взялась за недочитанную повесть — бросила. Смотрела телевизор, слушала музыку, зевала, но даже спать не хотелось...

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Итог моих воскресений за последние два месяца: испорченных — 3, спортивных — 2, им-

провизированных — 1, в домашнем халате — 2. Надо бы изменить пропорцию!

МАЛГОЖАТА

Перевод
Светланы ГУЛЬЯНЦ

Мы закончили публикацию отрывков из книги польской писательницы Марии Даныковской «О тебе и для тебя», которая написана от лица восьмиклассницы Малгожаты. Но, быть может, кто-то из вас, дорогие читатели, готов поделиться собственными советами и наблюдениями. Ждем писем.

Светлана Бурченкова

Посылаю вам цикл стихов под общим названием «Ах, какая нехорошая девочка».

Закончила биологическую школу, работаю воспитателем в психоневрологическом детском доме. Живу в Ленинграде.

Ни в какие лито никогда не ходила.

* * *

Топчу отражения фонарей.
Хочу прислониться к решетке сада,
Но вижу надпись: «Осторожно, окрашено!»
Милые люди! Спасибо вам —
У меня пальто цвета спелого солнца,
И я не хочу, чтобы у мамы был инфаркт...

Иду дальше, дальше — забор.
Заборы — для того, чтобы через них лазать...
Но вижу надпись: «Осторожно, злая собака!»
Милые люди! Спасибо вам —
Мне совсем не хотелось попасть к ней в зубы.
Есть более современные способы самоубийства.

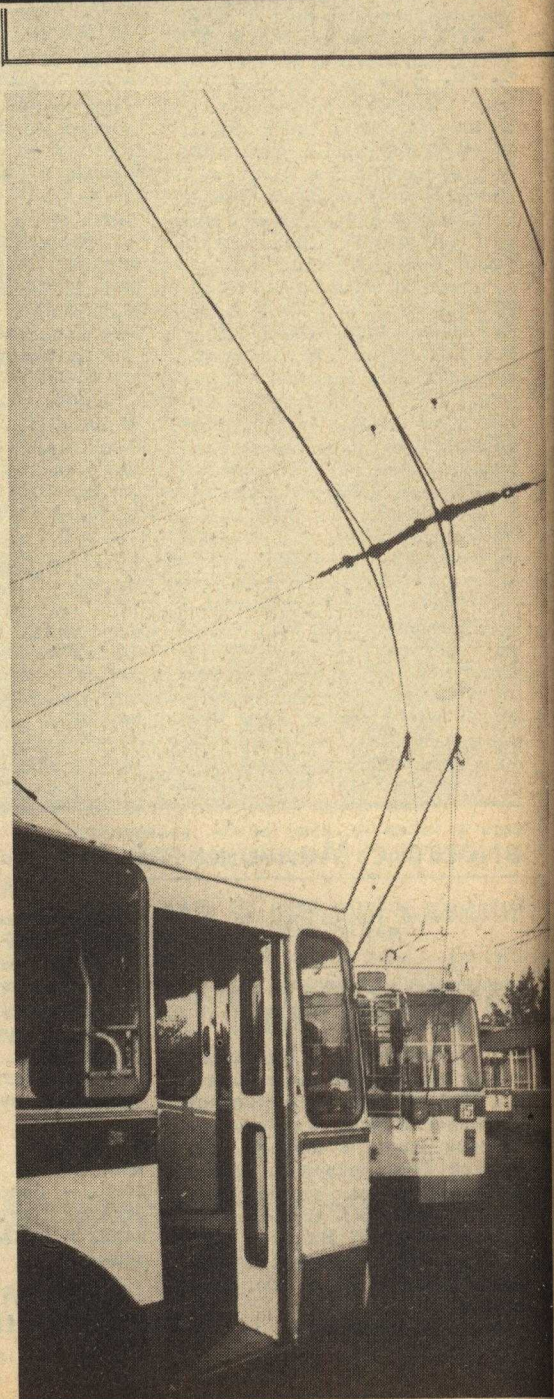
Милые люди! Посоветуйте мне,
Куда мне пойти сегодня вечером:
У меня есть билеты на две лекции:
«Собака — друг человека» и
«Скажи, кто твой друг, — и я скажу, кто ты».
Я не знаю, куда бы мне присобачиться...
Но хватит стоять на месте,
Даже если здесь зарыта собака...
Посмотрите, какое чудесное сегодня небо:
Алое, как задний фасад макаки...
(Почему-то хочется его лизнуть...)

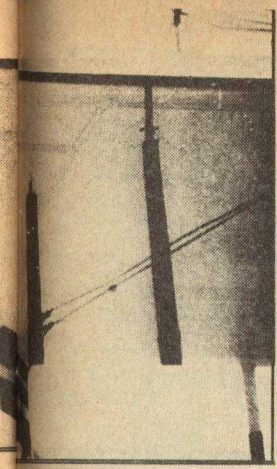
Вы слышите меня, люди,
Шестнадцатилетние люди?
Вы слышите меня, мальчики,
Шестнадцатилетние мальчики,
Которым бы только девочек
за талии — и так далее?..
Вы слышите меня, девочки,
Надломленные, как веточки,
насмешливые, как жизнь?..

Вы слышите меня? Слушайте.
Вы верите мне? Поверьте мне!
Ведь я всегда говорю только правду —
Как Ленинградское бюро погоды...

БАЛЛАДА ОБ УТРЕННЕМ ГОРОДЕ

Тише, утренних улиц бог,
Вездесущий трамвай гремящий...
Куклу в платице голубом —
Я печаль свою нынче нянчу.
Уж качать бы пора кончать,
Убаюкивать громом — тоже...
Но люблю я свою печаль
Больше мороженого.
Берегу ее, стерегу —
Как свое гнездо перепелки.
Почему же весенний гул
Наповал попал в перепонки?
То — в огонь я, то — от огня...
Я сама для себя шарада...
Вверх подкидывая меня,
Мной жонглируют грусть и радость.

Звуки хлынули в тишину...
И девчонка чернее галки
На углу продает весну,
Зашифрованную в фиалки...
Гладит пальцами лепесток,
Не в обиде на резкий ветер.
А самой ей никто цветов
Никогда не дарил на свете.
Вся в лучах и цветах земля...
Дорогие мои прохожие!
Вы до жалости все хорошие,
Даже школьные учителя...
Синих улиц ракетный взлет
И палящего солнца груды...
...Я впадаю в солнцеворот,
Хоть начало беру из грусти...

* * *

Мама стонала под ледяным компрессом,
Папа и шлепанцы вылетали из комнаты,
Как будто они играли в чехарду,
А кочерга задыхалась под шкафом
И простуженно грохотала...
Я выкорчевывала диван из паркета,
А там насмехались три копейки —
Стакан воды с лимонным сиропом...
В лесу я ворошила праздничные брусничины,
Топорищем руки разрубала зеленые ветки,
Я перебрала звезды, все, до ягодки,
И процеживала небо сквозь пальцы до капли...
Подушка соскучилась по моей горячей щеке,
А я похлопывала ее по плечу: ничего, потерпи,
И взбивала сугробы, как подушки...
И когда сердце накалилось до безумия,
Голова трещала: вот-вот взорвется...
Мне захотелось сесть за прохладный
письменный стол

И грызть рафинад науки.
(Со стены чутко смотрел Лобачевский.
Ничего, что он математик —
Тоже все-таки человек).
А потом ладони от земли пожелтели,
Как листья клена — от осени...
Они стали такими шершавыми и колючими,
Что морозная вода в них свеживалась...
Я уже забыла о тех безнадежных поисках —
И вдруг стихи засверкали
Ниагарским водопадом!

* * *

И если наша кровь окрасит знамя,
И в нашу честь сверкнет оркестров медь,
Не будет нецелованных меж нами...
Все позади... И не о чем жалеть...

Мы всё узнали, от всего устали,
У нас в прожилках старческих глаза...
Уже давно задула ночь густая
Пылающие наши паруса...

В герои нас произведут с усердством...
И не поймет никто издалека,
Что все равно, обжечь ли дзотом сердце
Или последней стопкой коньяка...

Не надо ни оркестров, ни застоля.
Все было встарь. Все снова будет впредь.
Мы всё успели. Не успели только
Понять, за что не страшно умереть...

БАЛЛАДА О ВЕЧЕРНЕМ ГОРОДЕ

Вечер в окошко ластится...
Ложись без меня, мама!
Катапультирует лестница
Меня на улицу прямо!
Жара ли, мороз ли шелкает,
Не холодно мне, не жарко...
Автобусы краснощекие
Выкатили фары.
А я хохочу громко —
Весело мне сегодня!
Подъезд моего дома
Очки-фонари приподнял.
А я хохочу громом,
Одна хохочу хором
Над небом, над звездным гримом,
Над вспыхивым светофором!
Он злым был, кроваво-красным,
А стал наивно-зеленым...
Ну что же, раз так — прекрасно —
И я буду хамелеоном!
Дома, как домы, огромны,
Пылают окна: «Лови ее!»
А я хохочу громко,
Я — лавирую...
Змеюсь по улице пыльной,
Смеюсь — будто бью блюда...
Сдаются слабые сильным,
Но хитрые — не сдаются.
С причала правды уходит
На ложь моя переправа...
Возьму в себя все плохое —
В хорошее переплавлю.
А вечер тасует звезды,
Бездомно в Неве ночует...
До слез или же сквозь слезы,
Но снова захохочу я.
А сердце мне греет ласка
Рукою листвы печальной.
Мне очень нравятся сказки —
Они хорошо кончаются...

ШВЕЙЦАР

Из-за усищ — как таракан,
До пьяных арий
Старик у входа в ресторан
Царит — швейцарит.

Нет у него других забот,
Чем — словно внучку —
Дверь осторожно взад-вперед
Водить за ручку.

И, как в насмешку злую, он
В мундир наряжен:
Без орденов и без погон
Стоит на страже.

Как странно выглядит швейцар
В смурном народе:
То — как на пенсии гусар,
То — пленный вроде...

И эта милостыня на чай,
И блеск мундира...
...Я со швейцарского печаль
Переводила.

САМСОЗДАТ

Отчет о работе телефона доверия «Паруса»

— Я безработный! Да, да!.. Скажите, как мне жить?! Нас ведь учили: труд это счастье, труд это обязанность, гражданский долг... А у меня нет работы, нет! И вообще все, как в джунглях... — сквозь смех он всхлипывал в трубку. Ему было плохо. Двадцатилетнему Сереге из Солигорска.

— А специальность у тебя есть?

— Электрик. После училища распределили в РСУ...

— Значит, работа все-таки была?

— Гоняют, как молодого, — подай, принеси. А зарплата — сто рублей. Да не хочу я уродоваться за сто рублей! На эти деньги все равно не проживешь... Я хочу нормально жить, нормально работать и нормально получать. По-че-ло-ве-чески! — И он опять усмехнулся и всхлинул.

Сереге было плохо. Он приехал в Минск к другу, которого не оказалось. На рынке вытащили его кошелек. Не первые сутки он ошивался на вокзале. Один в большом городе. Один среди вокзальной суеты. Но это все я узнала позже.

— Ну, солигорские шахтеры, к примеру, получают не по сто рублей... Ты пробовал поискать другую работу?

— Пробовал. Придешь, где «требуются». Кадровик глазами обшарит: «Извини, парень, это место уже занято»... Потом надоело ходить. Плюнул...

— А чем же ты занимаешься целыми днями? Не в Минске, а вообще, дома...

— Я так привык убивать время, что даже страшно становится. Убиваю день за днем. Убиваю себя помаленьку. Молодой, крепкий, полно сил, а деваться некуда. Компания была. Друзья были. Деньги кое-какие сшибали с пэтэушников. Вроде дани. С «колхозников». Они привыкли. Мы привыкли. Такой, мол, закон. Уходил в водку... Пробовал садиться на иглу... Девчонка одна знакомая свела с компанией. Старый наркоша попался хороший — отговаривал, зачем, мол, тебе, не стоит начинать. Вообще-то он не старый. Лет двадцать восемь. Но уже как скелет... Соблазн есть: уколось — и никаких проблем. Плевать на эту работу. Плевать на все... Но... Видел и другое. ...Та самая девчонка через неделю-другую уже не могла слезть с иглы. Девчонки вообще быстрее втягиваются... А доставать она не могла. Пошла по рукам... Когда я ее встречаю — не по себе. Я ведь помню — она красивая была... Однажды зашел к тому наркоше, когда его ломало. Смотреть невозможно. От боли грыз деревянную спинку кровати... Это изгрызенное дерево... Выскопил — решил, все... Если не хочу медленной смерти — конечно, с компанией «завязал».

— Тебе стало легче, пошла другая жизнь, появилась надежда?

— Нет, стало еще хуже. У тех, кто кололся, была какая-то видимость занятости: встретиться, достать, передать... Своя компания. А тут — пустота. И целыми днями сам с собой.

— Не знаю. Я хотел уже... И если бы не книги... Читал запоем. Книги спасли меня. А потом моя девушка... Вообще я за это время изменился. От всего не уйдешь. Ни в водку, ни в наркотики, ни в книги. Ни даже в любовь... Только ты сам. Вот так берешь себя за волосы — и тянешь из болота...

— Сергей, а может, попробовать себя в кооперативе?

— Да кто меня туда возьмет? И что я умею — лампочки крутить? Я ничего не умею. Хочу — и не умею... Вообще-то деньги добыть можно, и немалые... Предлагают тут... Пару лет назад «клюнул» бы, не задумываясь... Я тогда все делал, не задумываясь. А сейчас не хочу, честно хочу зарабатывать. И чтоб работа нравилась... Но, скажите, разве можно у нас прожить честно?

...Порой мне кажется, что общество обманывает юных. «Молодым везде у нас дорога»... Хочешь быть космонавтом? — Прекрасно. Ученым? — Здорово. Журналистом? — Bravo! А сколько нужно космонавтов, ученых и журналистов — кто-то конкретно знает? Хорошенькую девочку непременно подбадривают — «актрисой будешь». Уменьшечий мальчик — не иначе физик-теоретик...

Жизнь жестче. Ожидание оборачивается разочарованием. Идиллии чаще всего разбиваются о реальность. А реальность такова: во многих городах молодые рабочие, даже так называемых «массовых» профессий, не могут найти места на заводах. Предприятия переходят на хозрасчет. Повальные

сокращения. И кому нужен рабочий после УПК с невестой каким разрядом и еще меньшей квалификацией?

Помню письмо из Новополюцка. Учебно-производственный комбинат «штампует» слесарей, которые нигде не могут потом найти работы. «Безработица? Нет, не совсем, — ответили в горкоме комсомола. — Работу найти можно, но — «черную». Грузчиком, судомойкой, подсобником на стройке». «Черная» работа, и соответственно — низкий заработок. А как же мечты? Как же нормальная жизнь, с хорошим столом, модной одеждой? Тупик, безвыходность, депрессия?

«Мне 22 года, зовут Александром, живу в Уфе, работаю в институте аппаратчиком. В 1988 году женился. По любви. Прожили с 16 января по 25 декабря. А 3 февраля состоялся суд, присудили алименты.

У нас в стране неправильная политика. Конечно, полюбили друг друга, поженились, родился ребенок. Где жить, чем жену кормить? Все дорого, а платят мало. Привыкли наши старики хвалиться прошлым. Когда мы женились, мама купила мне холодильник и сказала: все, ты теперь самостоятельный, живи сам. Своего угла нет, своего стола нет, да еще заявила, чтобы я платил ей за квартиру! И это после того, как она сама хотела меня женить!

Плачу алименты, сына не вижу, теща ругает, мать ругает. Были бы у меня машина и квартира, все было бы по-другому».

Прожить молодой семье честно на сто рублей — невозможно. По-моему, это не жизнь, а сплошное митарство. Где выход? Сейчас мы взываем к государству, ждем Закона о молодежи, хотим социальных гарантий, рабочих мест и финансовых дотаций. Наверное, это необходимо. Но государство может обеспечить лишь прожиточный минимум, отнюдь не изобилие, не красивую жизнь.

Почему не трогает трагедия Саши из Уфы? Общество, мама, теща, жена — какой широкий круг виноватых.

Знаю человека, который оказался в точно таком же положении. Закройщик-модельер — творческая профессия, о которой мечтал. Не знаю, как сейчас, тогда — 160 рэ. А тут — двое детей-погодков, жена при доме... В общем-то, поддержать могли родители. Но он бросил ателье и пошел... грузчиком. Грузчиком на товарную станцию. Прозанчно и тяжело: тонны в сутки на плечи. Контингент: алкаши и бичи. А он сбил из молодых парней прекрасную бригаду. Стал новатором, инициатором и лауреатом разных премий. Нынешний заработок — примерно как у министра. У него хорошая семья. Он чувствует себя хозяином на работе и дома. И считает себя счастливым.

Просто он сделал выбор. Понял, чего же хочет в этой жизни. Что-то принес в жертву.

Нам с детства много обещано. Социальный оптимизм поддерживали обьявления «Требуются...». А оказалось — не требуются. Не требуются неумейки, незнайки. И идеалисты не требуются.

Прогноз японцев на будущий век не оптимистичен: большинство молодых пойдет в сферу обслуживания. Официант, горничная — конечно, не предел мечтаний. Кто-то выбьется в бизнесмены, менеджеры, художники, писатели и актеры... Шанс есть. Но использует его каждый по-своему.

Я не верю в благоденствия даже самой гуманной в мире государственной системы. Едва ли можно обнадеежить, что каждому входящему в самостоятельную жизнь предоставят рабочее место — по вкусу, зарплату — по потребностям.

Для социального пессимизма почва готова. Почему кто-то в восемнадцать лет лихо катается на «Волге», а ты не можешь купить новые сапоги, хотя старые каши просят? У одних — квартира в импортных гарнитурах, а ты в общежитии майся... Кто-то кутит в ресторанах на отцовские червонцы, а ты считаешь копейки на обед... Где же оно, обещанное равенство?

Знакома с человеком не без таланта, интеллекта, который считает, что трудиться за сто рублей — унижительно. Он не работает, так сказать, из социального протеста. Ведет скромную жизнь на то, что присылает мать. Это не считает унижительным. К вешам равнодушен. Библиотека, слава богу, бесплатно. Он не раз пробовал найти работу по своей специальности — но каждый раз ему предлагали с первой ступеньки, оцениваемой, безусловно, несправедливо, в сто «с довесочком».

Его ровесники уже ушли вперед по должностям, положению и заработку. А он, максималист, хочет всего сразу, не сделав даже первого шага.

Честно — прожить можно. Но начало этой жизни не будет избыточным. Да, можно быть философом без работы. Но можно быть грузчиком и при этом философом «по совместительству». Можно комплексовать, что кто-то живет не по средствам. А можно просто «вкальывать» ради хлеба насущного, подрабатывать ночным сторожем, разгружать фуры. Были бы руки и желание.

В том же Новополюцке тех, кто не может найти работу, зовывают на село, дают жилье, подьемные... Желающих — минимум. Не хотят брать аренду, не хотят идти в производственные кооперативы. Не хотят сотрудничать при центрах НТТМ, хотя это тоже деньги. И тоже шанс...

Непреходяща мода на «самиздат». В «самиздатовских» рукописях на нелучшей бумаге при не бог весть каком оформлении есть свое обаяние — свежести, независимости, неподчинения цензуре, неповторимого «я». Почему же не в моде «самоздат» — попытка создать себя самого, свой характер, образ жизни, благосостояние, наконец? Не ожидая милостей от редакторов судьбы и издателей счастья.

С Сергеем из Солигорска мы встретились. Два дня он провел в редакции. Общались, рассуждали, прикидывали варианты. Сейчас он проходит медкомиссию. Хочет работать на стройке. В планах — попробовать себя в журналистике. Хотя я сразу заметила, что начинающий журналист — категория низкооплачиваемая. На прощанье сказал:

— Спасибо за помощь. Но я всего должен добиться сам.

Ну, а звонок в «Трубку мира»?.. У каждого бывают минуты слабости. Особенно, если ты один в незнакомом городе...

Лариса Петровна

Напоминаем: телефон доверия принимает звонки по понедельникам (кроме праздничных) с 17.00 до 20.00. Номер: 20-41-30.

Фото А. КУДРЯВЦЕВА

Приглашение к рок-н-роллу

болеем за наших!

Простите, вы танцуете? Да? Тогда станцуете рок-н-ролл! Но сразу предупрежу: будут и сальто, и поддержки, и пируэты. Я приглашаю вас на акробатический рок-н-ролл! Вы что-нибудь слышали об этом новом виде спорта? Если нет — знакомьтесь!

Для начала — немного из лингвистики. Даже школьнику, увлекающемуся английским, известно, что «рок-н-ролл» переводится на русский как «качайся и крутись». С преподаванием греческого в наших учебных заведениях дело обстоит несколько хуже, но знатоки утверждают, что «акробатика» означает дословно «хожу на цыпочках, лезу вверх». Теперь соедините два понятия в одно, добавьте немного ритмичной музыки, улыбнитесь партнеру или партнерше, и будем считать, что теоретически акробатическим рок-н-роллом вы уже почти овладели.

И все-таки, чтобы вводный курс обучения новому виду спорта получился полноценным, добавим несколько исторических штрихов. Первые спортивно-акробатические танцы появились в нашей стране еще в 20-х годах этого века. В небольших залах танцевальные гурманы устраивали вечера-балы, на которых не возбранялся показ вместе с хореографическими «па» и акробатических элементов. Говорят, в Петрограде не было равных паре О. Мунгалова и П. Гусев, приводивших зрителей в полный восторг своими сложными поддержками и энергичной манерой исполнения. Акробатика в те годы пользовалась чрезвычайной популярностью, и редкие балетмейстеры той поры не вводили ее элементы в свои постановки.

Но прошли годы, схлынул ажиотаж акробатики, канули в прошлое пышные спортивные парады и представления с неизменными «живыми» пирамидами...

Через некоторое время акробатика немного встрепенулась, пришла в себя, но на сей раз сил у нее хватило лишь на то, чтобы стать не слишком уж

(чего скрывать) популярным видом спорта.

Как утверждают, вся наша жизнь состоит из полос: черных — неудач, и светлых — успехов. В конце 50-х акробатика вошла в благоприятную полосу. К нам из Америки пришел рок-н-ролл. А папы и мамы нынешних шестнадцатилетних, чтобы сделать заморский танец еще пикантней, добавили в него немного акробатических трюков, подчинив их динамичному ритму рок-н-ролла.

...то
...ма ?
...овни.

Но, увы, на смену буму 50-х вновь пришла черная полоса практически полного забвенья. На авансцену вышли новые танцы, совсем не похожие на рок-н-ролл. И вдруг...

Это случилось в начале восьмидесятых. Волна рок-н-ролла захлестнула мир. Уже дети тех, из 50-х, танцевали его до упаду. Но и совершенствовались, добавляли головокружительные трюки, придумывали новые элементы. И акробатический рок-н-ролл постепенно превратился в самостоятельный вид спорта.

Триумфальное шествие акробатического рок-н-ролла по планете продолжается и сегодня. Он завоевывает поклонников в различных странах мира. Более того, уже существует Международная организация танцев (ИДО), организованная в 1981 году.

История отечественного акробатического рок-н-ролла отсчитывает свое первое десятилетие. Но по-настоящему популярным этот спортивный танец стал лишь недавно. И теперь, заметно для постороннего взгляда, он осторожно, но решительно потеснил недавнего кумира — аэробику. Любители рока так объясняют смену привязанностей нынешней молодежи: в аэробике нет возможности соревноваться, побеждать. Да и энергоотдача в нашем виде больше. Две минуты рок-н-ролла равносильны трехкилометровой пробежке с полной нагрузкой и в хорошем темпе.

Итак, сегодня во многих школьных спортзалах Москвы по вечерам зажигается свет и... звучит рок-н-ролл. Пока столица держит безусловное первенство среди городов нашей страны по количеству занимающихся

этим видом спорта. Несколько московских клубов объединяют около двух тысяч человек. Это люди разных возрастов и профессий: рок-н-роллом не поздно заниматься никогда. Первый чемпион Москвы по новому виду спорта Вячеслав Хлопков рассказал, что в первенстве ФРГ однажды победила пара, которую составили 39-летние партнеры, а чемпионат мира выигрывали и 36-летние. Уже сейчас спортивные медики рекомендуют рок-н-ролл многим людям от 10 до 50 лет для того, чтобы поддерживать на должном уровне жизненно важные функции организма. Ведь танец имеет постоянный темп, поэтому наладить правильное дыхание несложно. А ритм рок-н-ролла очень близок к биоритмам человека.

Но достаточно теории, пора перейти к практике. А для этого заглянем вечером буднего дня на тренировку в «Московский рок-н-ролл-клуб на Ленинских горах». Клуб входит в Любительское объединение современного спортивного танца. Директор этого хозрасчетного объединения — уже знакомый нам Слава Хлопков. Он же сегодня проводит занятия с группой начинающих спортсменов. Итак, мягкое, пружинистое покрытие пола, неяркий свет, зеркала вдоль стен.

Пока несколько спортивного вида девчонок и парней неспешно разминаются, разогревая и растягивая мышцы, несколько вопросов Хлопкову:

— Слава, а как ты начинал в рок-н-ролле?

— Дебют состоялся во время моей учебы в Московском университете. Никогда до этого танцами не занимался, а вот видов спорта испробовал предостаточно. Учился на философском факультете. Акробатический рок-н-ролл стал частью моей научной работы, ведь занимался я проблемами молодежного досуга.

— Слава, тогда чем, по-твоему, привлекает молодежь акробатический рок-н-ролл?

— Во-первых, сочетанием артистизма танца с техникой акробатики. Во-вторых, возможностью самоутвердиться, найти себя. Посмотрите, сколько вокруг ребят, отчисленных из различных секций с клеймом «бесперспективный». А у нас и в 30 лет можно стать чемпионом. В-третьих, новый вид спорта современен, оригинален, необы-

чен, а молодежь это всегда привлекает.

Сейчас много говорится о том, что юным не хватает массовых, по-настоящему популярных соревнований. Одним из них могут стать чемпионаты по рок-н-ролла.

— Ну, а когда же мы сможем увидеть советские пары на международной арене?

— Попытки участия в конкурсах за рубежом уже были. Правда, пока не совсем удачные. Но мы — оптимисты. Надеемся, что скоро будет создана Федерация акробатического рок-н-ролла СССР.

— Что, по-твоему, является признаком высокого мастерства спортсменов-рок-н-роллщиков?

— Когда трюк незаметно переходит в танец, а танец — в трюк.

— Что же вы называете трюком?

— Это очень просто: когда ноги партнерши выше головы партнера. Надеюсь, несмотря на то, что у меня тренируются начинающие, вы такое увидите.

Мы сидели со Славой на маленькой скамеечке у стены и, изредка прерывая наш разговор, он бросал в зал негромкие замечания. И едва слышно пояснял: «Видите, вон та невысокая девочка. Люда, кандидат в мастера спорта по гимнастике, мастер спорта по акробатике. Это ее первое занятие. Партнер сейчас учит ее работать в паре, показывает характерные для рок-н-ролла движения. Думаю, у нее получится: база очень крепкая. Ей 17 лет, но из акробатики пришлось уйти, оттого, что закончили выступать партнерши... Помните, я говорил, наш вид спорта замечателен и тем, что в него могут прийти люди, отчаявшиеся достичь вершин в другом виде. У нас большинство девочек, у которых что-то не получилось в гимнастике или акробатике. А ребята начинают как бы с нуля: до прихода к нам занимались и борьбой, и боксом, и лыжами... В этой группе мы готовим сильные пары, во всяком случае, хотим этого. Но есть и такие группы, в которые принимаются все желающие независимо от роста, веса, одаренности...»

Люда смущенно пробовала новый элемент, внимательно прислушивалась к словам партнера. Еще раз, еще, еще... Получилось! Конечно, еще не так чисто, как у виртуозов рок-н-ролла, но для начала неплохо.

А потом на середину зала вышел сам Слава Хлопков. Пока у него нет постоянной партнер-

ши, но он надеется, что в скором времени удивит отечественный рок-н-роллный мир. Пока, к сожалению, этот мир ограничивается Москвой, Ригой, Ростовом-на-Дону и Севастополем... «Готовим несколько трюков, совсем новых», — сказал по секрету Хлопков.

И мы увидели настоящей фейерверк трюков. Партнерша Славы отскакивала от пола, словно мячик, взвивалась к потолку, камнем падала к полу. Мы зажмурились от страха, казалось, еще чуть-чуть и... Но все обошлось. Отдышавшись, мы вновь подошли к Хлопкову:

— Слава, а это не рискованно?

— Нет, нисколько. При таком классе травмы исключены полностью. Тут не может быть никаких «а вдруг?!». Ведь то, что вы видели, это уже отработан-

ное с лонжей, страховкой. А потом, здесь не так много трюков, основой которых была бы лишь физическая сила. Все рассчитано на передачу инерции от партнера к партнерше и на поддержание темпа в трюке.

Ну, а в заключение добавим, что Всемирная конфедерация рок-н-ролла обратилась в Международный Олимпийский комитет с просьбой включить акробатический рок-н-ролл в семью олимпийских видов спорта. Может, не за горами и дебют на Олимпиаде?

...Так все-таки, вы танцуете? Может быть, попробуем акробатический рок-н-ролл? Смелее!

Елена КАШИНА

816 Мне нравится все:

и холодный ливень жарким летом, и метель с сильными морозами, и летящий сквозь фонари пушистый снег... Люблю с разбега бросаться в холодное озеро и много чего еще... Но пусть мои ровесники, читая это письмо, не думают, что у меня все хорошо. Бывают огорчения, неудачи. Я их тяжело переживаю, но стараюсь не замыкаться в себе. Как, наверное, у всех, была и несчастная любовь. Обычное дело: я люблю, он — нет; уважает, не больше... Не отчаиваюсь. Ха! Подумаешь! Придет еще мое время. У меня и без того каждый день чудеса, которые я сама устраиваю. Не хвастаюсь и не преувеличиваю: просто я оптимистка и фантазерка. Если нравлюсь — пишите. Можете даже чистые конверты не присылать, отвечу. Но сначала предупреджу о своем недостатке: очень люблю писать длинные письма.

Алена Л., 15 лет,
г. Норильск

817 Недавно удалось

достать подшивку «Рабочей смены» за 1987 год. Прочел «от корочки до корочки», долго думал — и решил написать письмо, хотя раньше считал, что в «средства массовой информации» обращаются слишком заумные люди или те, кому нечего делать. «Парус» опроверг эти домыслы. Итак, я — студент Харьковского университета, в данный момент — матрос Краснознаменного Северного флота. До окончания службы остался год. На «гражданке» на письма друзей отвечал с задержкой (как, в общем, все мы). И вот ощутил на себе всю радость переписки, понял, как это, оказывается, необходимо — чувствовать, что о тебе помнят, хотя бы по письмам знать радости и неудачи друзей, разделять их успехи... С течением времени письма при-

ходят все реже, девчонка, которая поклялась ждать, вышла замуж. И вот к концу службы ты остаешься наедине с родительскими письмами, и только... Это опыт каждого поколения служивших. Я не держу обиды на своих друзей — за три года может многое измениться. Девчонке, выходит, ты нужен, только пока рядом. Я хочу обратиться к тем, кому скоро придется также надеть форму, и к тем, кто собирается «страстно» ждать любимого парня: не забывайте о тех, кто сейчас далеко, кто служит. Учитесь их помнить... Буду рад, если ошибся в девчонках...

Виталий Колосовский,
20 лет,
г. Мурманск

818

На душе стало как-то пусто, на улице постоянная тьма, лица людей серые, чем-то схожие... Только не исповедоваться собираюсь, не жалости ищущу. Было ведь все: и родители рядом, и друзья, и одноклассники, и просто хорошие знакомые. А главное, был человек, готовый помочь в любое время, в любых условиях. Он служил, я ждала, хоть мы и не обещали друг другу ничего. Просто наши письма были необходимы и мне, и ему. Он служил в Афганистане. Видел многое. Меня учил терпению, мужеству, силе воли. Просто все было и искренне.

Нет, не остался он там навсегда. Вернулся почти невредимый. Если бы кто знал, сколько принесло это радости его матери и отцу, мне, да и многим другим! А спустя полтора месяца погиб. Попытался защитить совсем незнакомую девушку: не смог равнодушно смотреть на подлость. Удар в спину... Почему меня не было рядом? В чем-то вижу себя виноватой, в чем — не знаю. Всех и все бросила, уехала. Вернуться пока не могу... Никогда не думала, что окажусь такой слабой! Поможет ли переписка с незнакомыми людьми! Может, легче станет!

Света, 19 лет,
Витебская область

819

Горел и тонул. Можно считать, что живу уже третью жизнь. Наверное, поэтому в ней не разо-

чаровался, хотя бывает она порой штукой сложной. Стараюсь быть жизнерадостным. Ценю остроумие, сам часто шучу. На гитаре играю довольно сносно и пою. С удовольствием отвечу на письма девушек 17-18 лет [желательно присылать фотографию].

Алексей Чернов,
Харьковская область,
г. Шевченко.
Телефон: 8-25-59

820

Пишу, отчаявшись найти свое счастье. Мучительно сознавать, что ты никому не нужна. По взглядам ребят я все-таки замечаю, что могу нравиться, но слышу пока только одни предложения «пойти на хату». Если парню не уступиле с первого раза — упрекает в холодности. А потом все вокруг дружно виноватят девчонок, мол, легкомысленные. Ну, а куда податься в свободное время в чужом небольшом городке человеку, попавшему сюда по распределению? Кино показывают, когда наберется в зале человек 10. Дискотеки! Ну, что о них говорить! Вот так надоеет когда-нибудь сидеть в одиночестве — станешь доступной. А потом уже мужского внимания будет хоть отбавляй. Один другому передает: «общительная». Только я думаю, от этого одиночество не проходит, просто меньше времени остается ощущать его...

Оксана,
Черниговская область

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Письмо — оно более умное, чем разговор. Все передумаешь, пока напишешь. А в разговоре можно такую нелепость брякнуть.

Люблю писать подробные длинные письменные размышления. А вот ответы получаю обычно в 2—3 раза короче. Вот и придумала объявить конкурс на самое длинное и искреннее письмо. Пишите мне обо всем, что у кого наболело и кому позарез надо высказаться. [Если получится исповедь и ее надо жечь по прочтении — обязательно укажите]. Крик души, впечатления, просто заметки, размышления о себе — какой Вы хороший или плохой, я принимаю все. Главное, много и в один присест. Победителю обе-

щаю приз [поэтому в письмах постарайтесь указать адрес].

О себе: 17 лет, заканчиваю десятый, любопытна, играю на фо-но, люблю общение с интересными людьми, увлекаюсь декадансом [особенно в поэзии].

Наталья Перестюк,
630055, г. Новосибирск,
ул. Героев Труда,
д. 31, кв. 49

УГОЛ ЗРЕНИЯ

821

Вынуждена написать, потому что после публикации у вас адреса моего внука под заголовком «Музыкальный контакт» спокойная и равномерная жизнь нашего дома кончилась. Каждый день мы получаем по мешку писем со всего Союза. Внук перестал заниматься уроками дома и в школе, потому что все письма нужно хотя бы перечитать. Не говорю: ответить, такой груз ему просто не по плечу. Вся семья страдает физически, морально и даже материально. Все му виной — сотни ненужных писем. Я, бабушка, рву и выбрасываю их. Стала рано утром ходить на почту, чтобы освободить от лишней нагрузки местного почтальона. Прощу оградить нашу семью от нашествия конвертов. Нет больше сил!

С уважением
А. Н. Ильченко
г. Москва

Сочувствуем бабушке Димы Ильченко [публикация в «Парусе» № 1 за 1989 г.] и просим тех, кто собирается написать в рубрику «Ищу друга», реально взвесить наличие своего свободного времени, настроенность семьи и возможности ближайшего почтового отделения. Все, кто отвечает на опубликованные письма, пусть тоже попытаются представить возможные последствия. Наш совет: не пишите, если можете не пишите. «Просто так» — не пишите!

Малая редколлегия

С почтой рубрики работали: Елена Будкевич, Андрей Евменов, Александр Куприянов, Елена Кагукина. Письма для публикации выбрал и подготовил Дмитрий Степанов.

Еще не финиш...

Обзор писем, пришедших в редакцию после публикации очерка «Он не верблюд» («Парус» № 1 за 1989 год)

Честно сказать, я не думала анализировать отклики. И письма, и звонки, и с глаз на глаз высказанные мнения в большинстве своем были схожими: бюрократов осуждали, директора Касьянова поддерживали, жалели, интересовались его здоровьем и его судьбой. Из того, что мне хотелось сказать, главное было понято — и детьми, и взрослыми.

«...Да, нам здесь жить, а так, как сейчас, жить нельзя», — написала девочка из Чашников, где разворачивались основные события описанной истории. Извинившись, девочка не подписалась. Даже инициалов нет под письмом. И это лишний раз доказывает: так, как сейчас, больше нельзя. Дальше нужно уже — по совести, по чести, по труду. И жить, и оценивать людей.

Слова эти в изобилии несутся, как, впрочем, и всегда неслись, со всех трибун. Их много в газетах, их много срывается с экранов, и радиоволны без конца прибывают их к нашим ушам. Кажется, все слова уже сказаны. Но, как и в недавние, недобрые времена, в кухнях, в трясках автобусах, в очередях и послеобеденных посиделках на работе мы говорим о другом. О делах, далеко не всегда подтверждающих сказанное, о решениях, далеко не всегда имеющих обещанный результат, о собственном неуюте — нет, не о том даже, который дается торшером и диваном, о другом: мы говорим о незащищенности человека, пытающегося жить и работать по тем, сказанным высокими лицами, высоким фразам. Человек не может чувствовать себя уютно в госу-

дарстве, пока он лишен гарантий. Гарантии нужны толковому, трудолюбивому ученику — в том, что он, а не чей-то бездарный, ленивый отпрыск, займет место в студенческой аудитории. Гарантии нужны студенту — в том, что он, тот, в ком наука будит мысль, а не житейское здравомыслие, пополнит круг людей, от которых зависят судьбы многих. Гарантии нужны и самой мысли — в том, что она, пробившаяся сквозь наслоенный десятилетиями ракушечник к истине, не будет утаена как крамольная, текущему моменту не выгодная. Гарантии нужны труженикам, первооткрывателям, новаторам. И даже маленьким детям: Оксана Воробьева из Риги, например, пишет: «У меня нет ни малейшего желания отдавать свою девочку в детский сад, а особенно — в школу. Система обучения и воспитания на таком уровне, что нет никаких гарантий в том, что девочку мою не испортят».

Гарантий действительно нет. Пока нет. Остается, как всегда, акцентировать внимание на слове «пока».

«Я взрослый человек, но у меня руки опускаются после очередной передачи или статьи типа «Он не верблюд». Ваш журнал читают мои дети, но я не хочу, чтобы эту статью читала моя старшая дочь. Хороший человек, столько дел у этого Касьянова — настоящих, нужных... В результате — травля, увольнение, может быть, инфаркт... И все. Становишься опустошенным и злым. Seriously, очень тяжело. А старшая моя дочь, она потихоньку разуверилась уже в правоте лучших человеческих чувств и дел вообще. В правде разуверилась, глядя на все происходящее. Я не хочу, чтобы это чувство у нее крепло. ...Надо, прежде чем писать, помочь таким людям и публиковать материалы с хорошим концом (как сказки бывают). ...А статья хорошая, только жалко, что автор ее такая беспомощная. Спасибо, что хоть фамилии названы. Может, кто-то от этой статьи и станет сильнее, но, поверьте, кто-то — наоборот!»

Вот, собственно, это письмо Светланы Михайловны Хрустовской из Ленинграда и еще несколько, кончающиеся требованиями «хорошего финала», и заставили меня вернуться к «Не верблуду».

Коллеги — мне свидетелями: финал вначале был хороший. И все мы радовались ему, потому что и нам здесь жить, и нам хочется, чтобы начатое имело своим продолжением плодотворные перемены. Мы ведь тоже читаем то, что печатают газеты, а иногда и то, что не печатают. И тоже порой становимся злыми. Seriously, бывает очень тяжело. Особенно когда мы беспомощны, когда враз не можем что-то изменить — как бы ни было ясно, что негодяй этот действительно негодяй, а вот этот хороший человек действительно человек хороший. Однако, если вы обратили внимание, в письме Светланы Михайловны состояние человека, на которого журналисты и литераторы обрушивают сейчас отнюдь не сказки, описано иначе. «Становишься опустошенным и злым», — написала Светлана Михайловна. Это разные состояния. Мне кажется, в одном человеке одновременно они не могут сочетаться. Опустошенность рождает апатию. Злость же — чувство, побуждающее к действию, к сопротивлению. На сегодняшний день, как мне кажется, чувство это плодотворно и для личности, и для общества.

Сказками нас баюкали долго, оптимистичными концовками тоже — финал мы видим. Можно, конечно, и сейчас для поддержания оптимистического тона в государстве печатать статьи и выпускать в эфир передачи так, как советует Светлана Михайловна, озабоченная судьбой своей старшей дочери: «...через один-два материала обязательно публиковать статьи с хорошим концом». Но как быть, если такого рода статистику жизнь выдает иначе? Опять сделать вид, что красивые, правильные слова — это и есть реальность? В воспитательных целях разного рода «педагоги» уже прикрывали жи-

во глаза, но молодые глядели на происходящее, нахально растопырив свои «зенки». Так они глядят и сейчас. И правильно делают. Даже если в их «зенках» начинается поблескивать злость.

«...Всю свою жизнь я ненавижу подлецов, предателей, приспосбленцев, прилипших к чистеньким, денежным местам. Прямо скажем, таких многовато, чтобы можно было спокойно и счастливо жить по собственным принципам. Но когда узнаешь о таком человеке, как директор Касьянов, понимаешь, что должен и, главное, можешь сохранить все лучшее, что есть в тебе... Это такая поддержка!..» (Из письма т. Соколовой, г. Шарья Костромской области).

«...Прочитав про Александра Васильевича Касьянова, я написала статью в нашу молодежную газету о безобразиях, которые творятся в нашей школе. О том, как трудно и дальше невозможно жить и учиться у нас. О мафии учителей. О разбирательствах. О бесконечных собраниях. Об унижении достоинства. О том, что честных людей оставляют в дураках... Больше мне не хотелось молчать» (Из письма, где вместо подписи значился только номер телефона, к которому следовало пригласить Наташу-маленькую).

«...Очень жаль, что история, которую вы описали, плохо закончилась. Но я, мать двоих сыновей и уже даже бабушка, должна сказать, что именно такие истории — стимул для молодежи в борьбе за справедливость... Я думала, это только у нас на производстве такое творится во время перестройки. А здесь — школа! Нет, дети должны знать правду о том, как трудно живется прямому, бескомпромиссному человеку. Они должны знать, что он не брошен в одиночестве. И они должны хотеть быть рядом с ним, чтобы поскорее мы разделились с теми, кто не позволил нам, старшему поколению, прожить свои жизни правдиво. Журнал я обязательно сохраню — пусть сыновья прочтут, вернувшись из армии» (Из письма Ольги Ивановны Кумковой, г. Витебск).

«...Я очень рада, что наконец этот талантливый человек, директор школы, под началом которого я работала первые годы после института, оправдан. Я очень сильно виновата перед ним — в том, что на собраниях, где его травили, молчала, в том, что не кричала в лицо его врагам, что он луч-

ше их, выше и одареннее намного, что они приходят в школу, как к кормушке, «нагружаться», и уходят, не оставив после себя никакой крошки. Я очень дурного мнения о завроне Богодьяже, об Островских. Может быть, если бы я не лежала в больнице тогда, когда выезжали Касьяновы из нашего села, я бы уже не сдержалась; поднялась на его защиту... Когда я на это решилась, было поздно, и мы с мужем уехали из села через восемь месяцев после Касьяновых как «недобитки касьяновщины». Помогите мне: я не знаю, как повиниться мне перед Касьяновым за свое, ну, наверное, можно так сказать, себя не жалея, предательство... Я уже другая» (Из письма Ирины Федоровны Матвеевой, учительницы математики).

«...Обращаемся к вам потому, что прочли статью о бывшем директоре Черейской школы. Такая же ситуация складывается и в нашей. Помогите спасти нашу школу от несправедливостей Богодьяжа П. А.» (Из письма учителей Вятской средней школы Чашникского района Витебской области — всего одиннадцать подписей).

Письмо это трудно процитировать — оно на четырех страницах машинки через один интервал. Каждое свое заявление учителя старались аргументировать, сопровождать фактами. Заявления же таковы: нельзя больше допускать и терпеть волюнтаристских решений; нельзя закрывать глаза на кумовство в кадровой политике; нельзя терпеть тех, кто обеспечивает свое «местечко под солнцем» доносом и наущинством. Короче, нельзя больше без справедливости.

Это письмо и ряд других, содержащих фактические обвинения людям и методам «застоя», редакция отправит на реагирование в инстанции, способные принимать решения. Однако мне как автору «пессимистичной» статьи важно объяснить и нотки оптимизма, которые я себе позволила в финале и которые не остались незамеченными внимательными читателями. Да, я писала, что такие, как Александр Васильевич Касьянов, даже проигрывая, выигрывают. Примером собственной, пусть и не отмеченной официальными наградами, жизни в одних они пробуждают совесть, в других — мысль, в третьих — силу и мужество. Грустный финал моей статьи и других таких «несказок», к счастью,

еще не финиш. Ни судеб наших героев (они еще поборются), ни, в целом, — нашей борьбы.

Мне позвонили из Черей. Говорил старый учитель Александр Андреевич Павлович, но от имени многих своих односельчан. Наверное, они были рядом. Я слышала по телефону чьи-то подсказки. «Скажи, что мы тут, передовые силы, консолидируемся! Консолидируемся, вот о чем скажи!». Александр Андреевич не повторил этого трибунного слова, он сказал проще: «Мы поддерживаем. И много здесь нас».

Если у Светланы Михайловны из Ленинграда не опустятся руки, то нас будет еще больше. Есть надежда, что ее старшая дочь, глядя на происходящее, не разуверится хотя бы в маме, если та — за правду.

Теперь я хочу коротко ответить тем многочисленным читателям, которые беспокоились о здоровье Александра Васильевича Касьянова и интересовались его судьбой.

Он здоров. Сердце ему подлечили и из больницы давно выписали. Парторганизация совхоза выбрала его своим секретарем. Как и обещал, Касьянов работает педагогом-организатором в своей школе. Но, должно быть, ему в этой должности тесновато. В планах у них с Галиной Евгеньевной — детский дом семейного типа. Директор совхоза обещал пойти навстречу и подыскать для семьи Касьяновых и десяти детишек сирот подходящее помещение. Если обещания сбудутся и планы осуществляются, редакция непременно расскажет об этом читателям, чтобы обсудить варианты шефской помощи.

Хорошего финала действительно хочется — пусть в судьбе одного человека, тем более если с ним окажутся еще десять маленьких, брошенных на произвол судьбы. Так давайте не допустим произвола, хотя бы в том, что нам по силам.

Ирина ПАВЛЮЧИК

АТЕЛЬЕ «ОТ РИНЫ!»

принимает клиенток, желающих приобрести о НЕПОВТОРИМОСТИ женского облика и постичь трикотажную составляющую этого фундаментального в философии женской красоты явления. Ведет консультацию Ирина СЛЕСА-РЕНКО

Я знаю одну юную особу, которая одевается и украшается только в Художественном салоне (благое родители обеспеченные люди). Салон торгует произведениями высококлассных умельцев — гончаров, ювелиров, стеклодувов, трикотажниц, швей, вышивальщиц. О каждой вещи моей знакомой — от кофточки до туфельки — можно сказать: «интересно», «самобытно», «с изюминкой», «неповторимо». А о девушке... «Новогодняя елка», «палитра», «спонугай» награждают беднягу заглазно знакомые. Арифметическое сложение оригинальных вещей и аксессуаров даго отнюдь не оригинальный облик, на который претендовала девчонка, а мешанину чуть подороже обычной. Жаль мне ее, она умеет неплохо вязать и могла бы преобразить свою внешность неузнаваемо.

Когда одеваешься в то, что сам сшил или связал, легко избежать мешанины. — по крайней мере, вещи однообразны по манере исполнения и отражают вкус одного человека (ваш собственный!). Это стимул к тому, чтобы воспитывать вкус, — невянь-то некому в случае неудачи. Одна из проблем рождения на свет неповторимой вещи — неуверенность начинающей вязальщицы в себе. Обычно говорят: «Вот научусь вязать правильно, вот освою этот узор, этот фасон, а потом...» Нет! Нельзя оставлять неповторимость на потом. Надо добиваться «изюминки» с первой же, самой простой вещи!

Какой была (или будет) первая связанная вами вещь? Полосатая жилетка! В девяти случаях из десяти. Не мне вам объяснять, почему: начинаем вязать в школе, так что,

если удача, — школьная форма не нарушена и успех на людях! Фасон — куда уж легче, ни рукавов, ни застежки. А что полосатая — так ведь проба сил, мама полна скептицизма и вместо новой покупной пряжи предлагает пустить в дело два старых выношенных свитера...

И вот полосатая жилетка отпарена, собрана. Не спешите надевать, нитки-то еще остались. Попробуйте расширить вещь. Вденьте нитку в иголку с большим ушком и вышивайте полотно жилетки, рассчитывая узор по рядам и петлям вязки, как по клеточкам. На снимках — жилетки, расширенные геометрическим орнаментальным швом «петля». Там, где работа не окончена, фактура выглядит очень невыгодно и ни одна манекенщица не захотела надеть такое «произведение».

Белый однотонный джемпер (есть в продаже подобные фабричные) «разрисован» черными нитками швом «веревочка» и преобразен неузнаваемо. Кстати, такой декоративный прием позволяет скрыть погрешности вязки, так что если первая или очередная вещь не удалась, не спешите ее распускать, пофантазируйте!

Вышивание по трикотажу — работа увлекательная, а результат ее принесит удовольствие, ведь вы получаете новую, совершенно оригинальную вещь. В ней отразится неповторимость вашего вкуса и воображения. Удачи!

ИРИНА

Фото Константина АРТЕМЧЕНКО

Я хочу быть с тобой

Спецвыпуск № 2, подготовленный по письмам читателей

Конечно, они никогда не были простыми — отношения исполнителя и слушателя, хотя, казалось бы, первый должен выступать, а второй — внимать. И все-таки это не так. Например, «музыкальный ринг», быть может, не так жестко, как сейчас, но он существовал всегда. Расспросите бабушку о знаменитой «дуэли» Сергея Лемешева и Ивана Козловского, о том, как «фанатели» и боролись друг с другом «лемешевки» и «козловистки», и вы поймете, что ничего сверхоригинального в поведении «леонтьевцев», «пугачевок», «бравистов» или «маёвок» нет. Ну разве выбор богаче — кого любить. Сколько здесь оттенков: обожать, уважать, восхищаться, сходить с ума, прибалдевать... Этими словами сопровождаются многие «музыкальные» письма в редакцию, и все это — объяснения в любви. Слова разные, чувства разные и — об этом мы должны помнить — цена им разная.

Ну, а теперь откроем конверты.

милльон терзаний

ЛЮДИ, БУДЬТЕ ДОВЕРЧИВЫ!

У вас так бывало, чтобы кто-то высказал очень точно то, что неясной тяжестью лежало на душе? У меня — да.

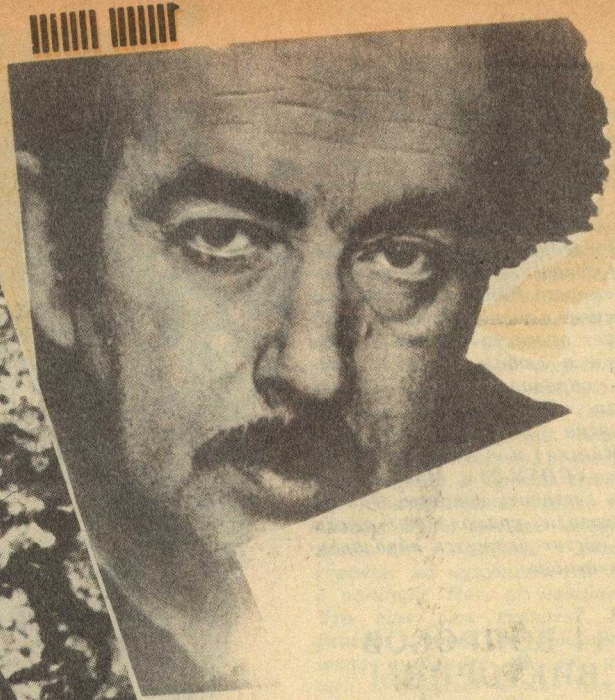
«Если правда у нас на знамени, если смертной гордимся гордостью, так чего ж мы в испуге замерли перед ложью и перед подлостью?».

Когда я услышал эту песню, я знал об Александре Галиче, что он диссидент и, кажется, в Париже. Я не поверил. С тех пор прошло два с половиной года, я знаю о Галиче много, знаю, что это замечательный советский поющий поэт и что он действительно в Париже — похоронен. Три года — с 74 по 77 — прожил он там, всего три года смог прожить. А уехал потому, что время в стране было хотя и мирное, но трудное для тех, кто выбрал свободу «быть просто самим собой»: говорить и

поступать, как считаешь нужным.

Кажется вся жизнь построена так, что надо ходить, где дорога прямее, ровнее, выбирать то, что легче, удобнее. Но разве можно при этом остаться хорошим человеком? Нет, хорошие люди всегда в худшем положении, так как они противостоят несправедливости и другой жизненной мерзости. Что же они имеют? «Дуралеи спешат смеяться, чистоплюи воротят морду... Как легко мне было сломаться, и сорваться, и спиться к черту. Не моя это вроде боль, так чего ж я кидаясь в бой?! А вела меня в бой судьба, как солдата ведет труба».

Я слушаю Галича и рад, что если не сам, то своими песнями он вернулся к нам, «разделавшись круто с таможней». Его голос — голос старого челове-

ка (в этом году Галичу исполнился бы 71 год), особый голос, голос-вздых: «Я люблю вас, люди, будьте доверчивы!»

Михаил,
22 года, студент,
г. Кировоград

Фирма «Мелодия» выпустила две пластинки Александра Галича: «Когда я вернусь...» и «Юбилейный альбом». Архивные записи.

Это первые пластинки, которые вышли на его родине.

ну как не порадовать
родному человечку

МОСТЫ, ЧТО НАС СОЕДИНЯЮТ

Пишу второй раз. По вашему совету я пошла в библиотеку, чтобы найти №6 «Паруса», точнее, «Рабочей смены» за 1987 год, где напечатана статья про «Машину времени». Если

бы вы знали, как велико мое желание прочесть эту статью. Мне кажется, я могла бы все на свете перевернуть, чтобы узнать, что же пишут о любимой рок-группе. Не подумайте, это не прихоть, это дань уважения и признательности таланту Макаревича. Еще одним дорог мне этот ансамбль — он является любимой группой моего сына, который в данное время находится в рядах Советской Армии. С именем Макаревича пошел служить мой Слава, эти ребята из «Машины времени» помогают ему в его нелегкой службе. Не подумайте, он любит и классическую музыку, сам играет на гитаре, пишет песни, многие посвятил Макаревичу и нас всех им «заразил». Так и получилось, что все из «Машины» как бы члены нашей большой семьи. Я надеялась переписать статью и выслать сыну, но в нашей библиотеке как раз этого номера не оказалось. Простите мою назойливость, мое утомительное письмо. Если можете, пришлите мне этот номер. Если это невозможно, я пойму.

Ваш постоянный читатель
Майя Михайловна,
Коми АССР

Хорошо это или плохо, но редакции не вольны распоряжаться тиражами. Мы уравнены в правах с читателями, и если вовремя не «поймаешь» свой журнал в киоске, так и останешься ни с чем. В итоге все сотрудники «Паруса» подписались на «Парус».

Да, редакции не высылают на дом «лишние» экземпляры журнала, пластинки, фотографии, статьи и другой фактический материал. Но для вас, Майя Михайловна, номер мы нашли и В ПОРЯДКЕ ИСКЛЮЧЕНИЯ высылаем — как приз за единотыслие с сыном.

воспоминания о том,
что невозможно

СКАЖИ МНЕ, ПОЧЕМУ

Бывают в жизни моменты, когда времена сходятся и параллели пересекаются. Сейчас пересеклись 60-е и 80-е годы. Об этом много говорят и пишут. Но мы вычленим только один факт: духовный спрос на «Битлз», утверждавших такие простые, но вечные истины, как любовь, доброту, надежду...

Вам не кажется это замечательным: отцы и дети слушают одни и те же пластинки? Там — ностальгия, тут — радость. Исчезло, растворилось понятие «битломания», потому что «все это — суета сует и к настоящей

музыке отношения не имеет».

Последние слова принадлежат девочке, подписавшей письмо «просто Ринго». Просто Ринго живет в городе Печоре и предлагает провести викторину «Мы знаем и любим «Битлз». Идея так понравилась Малой редколлегии «Паруса», что Алексей Калугин (10 класс СШ № 24 г. Минска) и Александр Куликович (СПТУ-23 г. Минска) взяли составить вопросы. Они же высказали крамольную мысль, что «дети» окажутся образованнее «отцов».

14 ВОПРОСОВ ВИКТОРИНЫ

1. Как называли себя «Битлз» до того, как стали «Битлз»?

2. Все годы ближайшим и самым серьезным конкурентом ливерпульской четверки была группа «Роллинг Стоунз». Между тем, в свое время Леннон и Маккартни написали песню для «Роллинггов». Как она называется и что вы о ней знаете?

3. Вообще сколько вам известно альбомов и песен, подписанных «Леннон-Маккартни»? Назовите только цифры.

4. Журнал «Иностранная литература» печатал фрагменты книги одного из участников квартета. Кто это и какие книги он написал?

5. Слова одной из песен «Битлз» стали лозунгом антиинженерного движения. Назовите эту песню.

6. Что вы знаете о полнометражной мультипликационной ленте, в которой «битлы» действуют в качестве рисованных персонажей?

7. К записи своих песен квартет часто привлекал разных музыкантов, а иногда и сам записывался не в полном составе. Так, в частности, было с песней «Вчера». Так кто же ее создал?

8. В каком городе находится музей «Битлз»?

9. Приходилось ли Джону, Полу, Джорджу и Ринго бывать в Советском Союзе?

10. Улице, на которой прошло его детство, Леннон посвятил одну из самых трогательных своих песен. Что это за улица?

11. Ринго Старр известен не только как музыкант, но и как незаурядный киноактер. Рас-

скажите об этой стороне его творчества.

12. В какой песне «Битлз» звучит фрагмент французского государственного гимна?

13. В 1981 г. в Ливерпуле был поставлен мюзикл «Леннон». Кто исполнил в мюзикле главную роль?

14. Как, когда, каким образом состоялась ваша личная «встреча» с «Битлз»? Напишите об этом.

Ответы присылайте на адрес редакции. На конверте сделайте пометку: «Викторина «Мы знаем и любим «Битлз»».

Малая редколлегия учредила три приза-сюрприза. Победителями станут те из вас, кто ответит не только правильно, но и лаконично, остроумно, аккуратно.

Письма принимаются до 1 сентября 1989 г. (по почтовому штемпелю).

Удачи!

*что станет говорить
княгиня Марья Алексевна!*

ВЫ НАПЛЮЙТЕ НА СПЛЕТНИКОВ, ДЕВОЧКИ

Среди тех прохожих, кто заметил в киевских подземных переходах афиши первого в Союзе фестиваля женской рок-музыки «Мисс рок-88», конечно, бы-

ли весельчаки (ну, девочки покажут), были скептики (чем этот женский рок отличается от мужского, если мужчины поют чистыми девичьими голосами и им надо избавляться от усов и бород, иначе получается плохое сочетание?).

А мне было просто интересно посмотреть на рокерш.

Докладываю: отличий не наблюдалось. Рвались струны, не работали «примочки», отключались микрофоны, девушки нервничали и... выступали.

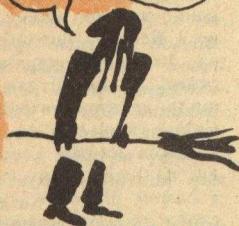
Вышла в своей кожанке знаменитая Настя Полева — очень сдержанная, немного угловатая, вокал необыкновенный. Вышла «Прима Донна». У нее стиль — «хэвиетта», сочетание хэви-метал с опереттой, по-русски говоря: живая, искрящаяся, энергичная музыка. NB: Даша Меньшикова очень пластична. «Рок-н-ролл — мой брат, рок-н-ролл — мой муж, рок-н-ролл — мой враг, рок-н-ролл — это суперзвезда», — пела «Ева», свердловская группа, единственная на фестивале, где одни девушки (остальные группы были смешанными). Очень похоже на правду. У меня осталось ощущение искренности, честности и беспредельной любви к рок-н-роллу. Может быть, оттого такой накал чувств у ленинградской «Ситуации»? Она играла с бешеным напором, соединив панк- и хард-рок; еще чуть-чуть, и публика упала бы в шоке.

Конечно, хотелось увидеть

Конкуренты?

«женское воинство» в полном сборе. Но за неделю до фестиваля распалась группа Инны Желанной; каунасский «Гороскоп» уехал на гастроли в Грузию; почему-то не прибыли «Маркиза», «Красная пантера» и восходящая Ольга Кормухина; барабанщица таллиннской группы «Ове Луна» не могла выехать из Хельсинки; а одна из музыкантш одесских «Химер» именно в этот день выходила замуж... Но фестиваль прошел на «ура», призы были розданы. Гран-при получила «Прима Донна»* (г. Москва): Дарья Меньшикова, Светлана Молчанова

* Группа уже распалась

и Галина Лезина, три «Мисс рок-88». Лучшей певицей названа Настя Полева (г. Свердловск). Лучшей гитаристкой — Рита Тимофеева («Комбо», г. Москва). Лучшей бас-гитаристкой — Ира Гокина («Ситуация», г. Ленинград). Лучшей барабанщицей — Светлана Молчанова («Прима Донна»).

Еще я скажу: музыка либо есть, либо отсутствует, либо она красива, либо нет, а пол никакого принципиального значения не имеет.

Александр ЕВТУШЕНКО,
киевский наблюдатель

он дойдет до степеней
известных

Лучше поздно, чем никогда, но надо признать, что 88-й (а может, и 89-й) — это год «Ласкового мая», группы красивых исполнителей и умелых «фокусников», т. е. менеджеров, т. е. организаторов успеха.

С точки зрения журналистов, «фокусники» интереснее исполнителей. Все-таки любопытно, на чем они делают деньги. Вдруг

такого тумана напустят с похищением юных талантов рэкетирами (которого на самом деле не было). Или вывезут в свет несколько «маев», и все «ласковые». 3-4 концерта в день в 3-4 городах под 3-4 фонограммы. Цифры надо перемножить и получить дневную выручку. А самое интересное, как ни листай Уголовный кодекс, в действиях группы нет состава преступления. Оторопь берет: а если «передовой» наш, «майский», опыт начнет распространяться по свету?..

Но, с точки зрения меломана, всех менеджеров, рэкетиров, журналистов и прочих интересных Юра Шатунов. Стоило Юре простудиться, как мы получили писем сто с тревогой в каждой строчке: не нуждается ли Юра в помощи? Нет, не нуждается. Что еще вам сказать? Юра учится заочно в Московской школе-интернате № 24, перешел в девятый класс. Там же «учатся» Сережа Серков и Костя Пахомов.

А письма все идут...

счастливые часов
не наблюдают

МОЙ ЛАСКОВЫЙ И НЕЖНЫЙ МАЙ

Это прелесть, а не мальчик. Ну разве он может кому-то не нравиться? Я очень рада, что у нас не только в больших городах, но даже в детских домах среди сирот скрываются такие, как Юрий Шатунов. Я каждый день часами слушаю «Белые розы». Юра достиг своей цели, вышел к нам, мы его поняли и признали. Я счастлива, что родилась с ним в один день: 6 сентября. Но ему 15 лет, а мне еще только 14. Если он приедет в наш город на гастроли, я подарю ему будет красных роз. Вы спросите, конечно, почему не белых? Это эмблема печали...

Наташа,
г. Богуслав
Киевской области

по мне, уж коли зло пресечь

ВСЕ, Я СКАЗАЛ

Не люблю всяких «звуков му», «нулей», «аквариумов», «бригад» и подобных им. У них явно с психикой не все в порядке, это ясно каждому нормальному человеку. Совсем иное дело — «Мираж», «Ласковый

май», «Левостороннее движение». Солидные группы, одаренная шпана. Все сейчас плохого мнения о «Мае», что он на концертах поет под фонограмму, рассылает своих солистов по городам. Ну так и надо отдать залы им, а не всем этим «АВИА», «Май» популярен, и это решает все. Победителей не судят.

А. ЛОКТИОНОВ,
г. Минск

*учились бы, на старших
грядя*

ВСЕ ПРОЙДЕТ, ТАК УСТРОЕН МИР

Почему вы не пишете о дефиците подростковой музыки? Знали бы вы, какие споры мы ведем с сестрой, которая влюбилась в «Ласковый май» по голосу, не видя никого из группы, потому что показывать по телевизору ребят не торопят, а может, они и сами не хотят показываться.

До сих пор у шестиклассников не было своего исполнителя-звезды, чтобы соответствовал и возрастом, и внешностью. А между тем у них очень велика тяга к ритму, к рифмам. Неужели мы думали, что их удовлетворит все та же Пугачева, которая поет, конечно, про себя и свои чувства? Или Леонтьев, который никак не найдет новое амплуа?

Свято место пусто не бывает. И вот появилась Тиффани, 17 лет, маленькая смазливая школьница из США, песни разового употребления. Какой успех у «детей старшего возраста! Минимум чувств, минимум напряжения, девиз: с песней легко по жизни. Появились и у нас аналоги. Хорошие музыканты: Дима Маликов, Володя Пресняков... Законсервированный инфантилизм, когда переспрашивают: в каком возрасте я хотел бы быть? Конечно, хотел бы вернуться в детство. Читаю в газете: на отборочном этапе «Юрмалы-89» второе место заняла 13-летняя ленинградка Наташа Пушкина. «Малышка Мими», как зовут ее поклонники, спела симпатичную песенку «Рано, рано». Ага, готовим свою Тиффани...

Я внимательно прослушал записи с Юрой Шатуновым. Высокий детский голос, достаточно своеобразный по тембру. Говорю сестре: песни Сергея Кузнецова, которые поет Юра, удручающе примитивны. Она: зато легко танцевать и легко запо-

минать. Это то, что нужно молодежи. Говорю: Юра поет как самодеятельный певец, нечисто. Голос не поставлен, пение получается «в нос». А она: это можно исправить, и потом нам это не важно. Говорю ей: Юра молод, он «материал», из которого кто-то что-то лепит, а он сам не знает, что. Она: надо нанять ему лучших педагогов и репетиторов, такой Майкл Джексон получится!

«Ласковый май» существует два года, записал уже пять или шесть альбомов, выступил в паре с американской группой «Рок Хауз», начал двоиться и трояться, ведь и «Розовый вечер», и «Серпантин» — все та же группа, но в разной упаковке. То есть вместо того, чтобы иметь десять оригинальных подростковых рок-групп, мы имеем одну. Нормальным было бы такое положение, когда подростки могли выбирать. А тут срывается «стадность»: если полкласса любит «Ласковый май», значит, это «клевая музыка».

Все понимаю, сам был такой, в мои школьные годы была одна жутко популярная песня, вспоминаю ее иногда и даже, знаете, очень приятно. Есть в школьном возрасте эта неистощимая потребность — влюбляться. Говорят, влюбляться полезно. Моя сестра, во всяком случае, получила постоянную тему для телефонных разговоров с подружками, раньше все больше ссорились, теперь обмениваются информацией.

Но что же меня не устраивает? Их наивность. Дешево покупаются. Наверное, это тоже неистребимо...

У нас в свое время популярной была такая поговорка: воровать — так миллион, а любить — так королеву...

Владимир КУРИК,
г. Брянск

Ну, судя по всему, миллион у «Ласкового мая» будет. Или уже есть.

карету!

ЧТОБЫ В СУДЬБЕ ТВОЕЙ И МОЕЙ ЗЕЛЕНый СВЕТ ПРОДЛИЛСЯ

Дорогая редакция, что мне делать, куда написать, чтобы меня заметили и прослушали? Я уверен в своих дарованиях. Закрываюсь днем в ванной, когда мать на работу уйдет, и пою, голос разрабатываю. Я уже пою,

как Зигфрид Муктупавелс. Пробовал сочинять. Напишите мне срочно, а то скоро в армию идти, моя мечта разобьется, и люди не узнают своего таланта, как узнали Юру Шатунова.

Сергей Ф-ов,
г. Сызрань

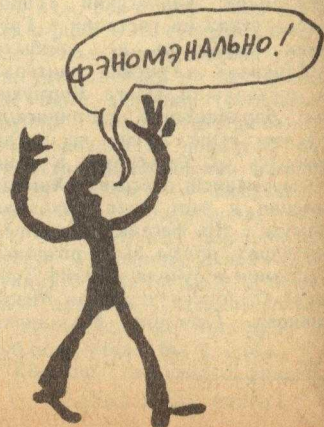
Дорогой Сергей, может, в армии все только и начнется? Например, Александр Малинин начал свой путь в «звезды» из армейского ансамбля песни и пляски.

Впрочем, у Малинина уже есть собственные биографы и жизнеописатели. Точнее — жизнеописательницы.

будто век знакомы

Я БОЛЬШЕ НЕ ХОЧУ ТАЙКОМ ЛЮБИТЬ

Начну с того, что живу в Красноярске, учусь в 10 классе, почти ни на что не жалуюсь, собой всегда довольна, жизнью тоже. Считаю себя обыкновенной, но не думаю, чтобы кто-то из лучших друзей назвал меня заурядной. Называю вам человека, дружба которого была бы мне очень приятна: это замечательный певец и композитор Саша Малинин. Я заинтересовалась Сашей еще тогда, когда он, никому не известный, искал признания на «Рок-панорама-87». Я уважаю его напористость, его наглую самоуверенность — он имеет на это право. Небеса наградили его за 15-летний трудный путь к славе. Я прочтала и прослушала десяток интервью, видела Сашу «живьем» во время гастролей в нашем городе и поняла: а) Саша — русский человек в самом широком смысле этого слова; б) он никогда не поет под фонограмму и в каждую песню вкладывает всю свою

душу; в) общительный, оптимист, балагур, имеет хороший вкус и в искусстве, и в одежде, разборчив и почти полностью откровенен, и к тому же это человек, склонный к импровизации.

Я плачу, слушая «Корриду», задумываюсь, слушая «Ямщика», пою вместе с ним «Прощальные слова» и даже ночью, засыпая, повторяю, как девиз: «Осторожно, двери закрываются!».

Конечно, между нами есть разница. Ему 30, а мне — сами понимаете... У него есть дети и наверняка есть любимая девушка. Рост (по моим сведениям) 177—181 см, вес 72—75 кг, день рождения приходится на конец сентября. Сейчас он работает в Театре песни Аллы Пугачевой. Видите, я все знаю. Но, спросите вы, какую же цель ты преследуешь, детка? Может, это нескромно, но я пишу стихи в форме романа и очень уж хочется предложить Саше опробовать мою «деятельность». Знаю, что «хотеть не вредно». Я не очень люблю навязываться, но надо же когда-то проявиться. Я ужасная фаталистка. Дайте мне адрес Малинина.

Виктория

...А где-то в большом городе Красноярске никому еще не известный, но не менее, чем Малинин, замечательный певец и композитор ищет поддержку и наверняка не отказался бы от «стихов в форме романа».

И вот еще что. Откуда в редакции могут взяться домашние адреса популярных людей нашей страны, часто вынужденных избегать своей популярности, менять номера абонентных ящиков и номера телефонов? Они свои «визитки» нам не присылали.

Надо стараться, чтобы и кумиру жилось хорошо.

Совсем иное дело — адрес фан-клуба.

знакомые все лица

ПИСЬМА ВМЕСТО ПЕСЕН, ПЕСНИ ВМЕСТО ПИСЕМ

Из большого списка, помещенного газетой «Дзенник людовы» (ПНР), я выбрал тех исполнителей, которые, на мой взгляд, наиболее популярны. Возможно, публикация адресов в журнале кого-то очень заинтересует.

КИМ УАЙЛД: Fan Club, c/o Angie, P. O. Box 202 Welwelyn Garden City, Hearts, AI 6, OLT, England.

САМАНТА ФОКС: Fan Club P. O. Box 159, Colchester C 03 5RD England.

КИЛИ МИНОГ: Fan Club P. O. Box 292, Watford Herts, England.

«А-ХА»: The Post Office, High Street, GB Headley, Bordon, Hanis, GZ 358 BQ.

«ДЕПЕШ МОД»: Info-Servise, P. O. Box 326, London SW6 6RL, Great Britain.

МАЙКЛ ДЖЕКсон: c/o CBS Records, 51 West 52nd Street, New York, NJ110019, USA.

САБРИНА: V. Piave 24/2, Genna 16145, Italia.

«БОН ДЖОВИ»: 240 Central Park, South, Swite 2 C, New York, N. J. USA.

«МЕТАЛЛИКА»: c/o Metal Milita 345W, Riverside Drive, Rosenburg, 97470 USA.

Ваш читатель С. БАРТНИКАС, г. Гвардейск Калининградской области

Мы публикуем этот список, но подумайте вот о чем.

Истории неизвестны случаи переписки кумира со своим поклонником, но все знают «почтовые романы» лейтенанта Шмидта и Зинаиды Ризберг, Петра Ильича Чайковского и Надежды фон Мекк, Бернарда Шоу и Патрик Кембелл... Они были равны в этой переписке. И, самое существенное, им было о чем поговорить.

зачем меня надеждой завлекли?

ВСЕ ЖДАЛА И ВЕРИЛА

Слов нет, одни эмоции! Мое приветствие не дошло до Джулиана Леннона, адресом которого я имела несчастье воспользоваться из десятого номера вашего журнала. Вы себе не представляете, каково было перечитывать собственное откровение, вернувшееся обратно. Вообразите мое состояние (ну хоть чуть-чуть поразмысляйте!), когда я получаю через два месяца долгожданное, но свое же письмо с пометкой «адресат неизвестен». Бывает, люди, делая ремонт, срывают старые обои со стен — похожее ощущала я в своей душе. А что,

если Джулиан переехал? Ну не может же быть, чтобы такой адресат, как Дж. Леннон, в Штатах был неизвестен.

Ирина П., г. Челябинск

Адреса западных «звезд» и их фан-клубов кочуют по справочникам и печатным изданиям, но кто даст гарантию, что любимый музыкант ответит на твое письмо, что кумир окажется именно таким, каким ты видишь его в роли, что ему нужна будет твоя дружба...

А американская почта могла бы постараться...

Влетело нам от читателей и за те несколько строк о группе «Сталкер», которые были напечатаны в рубрике «С мира по нотке» в № 12, 1988 г. Первая отповедь: «Ухта — не провинция, а крупный город». Нужды нет, не вкладывали мы в слово «провинция» никакого иного смысла, кроме географического — местность, удаленная от столицы. Отповедь вторая: не совсем точно указан состав группы. И в каждом таком письме — свои версии группы «Сталкер», и все разные. Печатаем только одно письмо, автор которого уверяет, что очень хорошо знает музыкантов.

что за люди! mon cher!

НОВОСТИ ИЗ ПЕРВЫХ РУК

«Сталкер» — это пять человек, не считая «технического персонала». Андрей Державин — руководитель, композитор и солист, Александр Чувашев — ударник, Сергей Костров — автор музыки и текстов, Виталий Лихтенштейн — клавишник, вокалист, Сергей Терентьев — синтезаторщик. Державин и Костров действительно из Ухты, Лихтенштейн из Ростова, остальные — из Сыктывкара. Аппаратура у них берет много киловатт, из-за нее отключают аттракционы парков Ростова, Воркуты, Владивостока и Благовещенска, когда там гастролирует группа. Первый магнитоальбом «Сталкера» вышел в 1987 году, он назывался «Звезды», второй — «Новости из первых рук» — вышел в 1988 году. С «Модерн Токинг» группу объединяет только одно: это симпатичная внешность солистов обеих ансамблей и заводной ритм, да еще то, как их встречают на концертах.

Довольно бурная реакция: Державину приходится убегать от поклонников.

Евгения ИВАНОВА,
г. Райчихинск
Амурской области

И письмо последнее; оно из редакции и написано журналистом «Паруса».

*слушайте, мы с вами
не ребята*

ЗАМЫКАЯ КРУГ

За первые три месяца — январь, февраль и март — «Парус» получил 1462 «музыкальных» письма. Те из них, что показались наиболее интересными либо симптоматичными, мы опубликовали в этом спецвыпуске «Камертона», кое-что не влезло.

по сути дела

Слышал, что принято какое-то постановление о том, что школьникам разрешается работать во время каникул. Не могли бы вы рассказать о нем поподробнее!

Андрей Смирнов,
г. Москва

Андрею отвечает правовой инспектор труда Белсовпрофа Валерий Иванович ЛЕПЕШ

— Да, такое постановление Госкомтруда СССР, Гособразования СССР, Секретариата ВЦСПС и Секретариата ЦК ВЛКСМ было принято 3 июня 1988 года.

В Положении о порядке труда

Что бы хотелось сказать вдобавок надписывающим сейчас конверт и кладущим в него очередное и, чаще всего, категоричное требование информации, фотографии, адреса своего любимого музыканта (а таких писем большинство, за исключением трудных случаев «кумироболезни», которые требуют особого подхода, и мы о них еще будем говорить)? Человек, который пишет письмо в редакцию, тем самым пишет свой портрет. Человек проявляется: как в ванночке у фотографа вдруг на белой бумаге возникают снисходительный прищур глаз или наглая усмешка. Ну, а мы, разбирающие почту, читающие каждое (!) письмо, мы не автоматы, не компьютеры, не роботы — живые люди. Бессмысленно ждать от редакции каких-то пикантных по-

дробностей из жизни знаменитостей, взysкивать то, чего редакция не может дать, или требовать от этой жизни необыкновенных даров. Конечно, от нас, готовящих и публикующих материалы, зависит многое. Но и от вас самих тоже.

В чем тут дело... Вместе с музыкой, вместе с песней в человека входит громадная энергия. Что же она делает с человеком? На что тратится? Что дает, что отнимает? Это не праздные вопросы, они имеют выход в нашу повседневность. Потому что песней можно подпитывать свое самодовольство, или отрешенность, или агрессивность, или глупость...

А можно под напором этой самой энергии переделывать жизнь к лучшему. Выбор есть, он ваш.

Светлана ШИДЛОВСКАЯ

учащихся сказано, что принимают теперь на работу с 14 лет. Непременное условие — согласие одного из родителей.

Восьмиклассникам и девятиклассникам эта работа засчитывается как ежегодная трудовая практика, если, конечно, они работали не меньше, чем установлено учебным планом школы. Распространяется это правило и на десятиклассников, а также учащихся ПТУ и техникумов, но только в том случае, если они работали по профилю будущей специальности.

Какие документы нужны для приема? Заявление (с согласием родителей), справка с места жительства, свидетельство о рождении или паспорт и медицинская справка. Прием оформляется договором. Расторгнуть

его можно, предупредив администрацию письменно за 3 дня.

При увольнении учащийся получает справку, в которой указывается профессия и время работы. Кстати, это время включается в трудовой стаж.

Теперь о продолжительности рабочего дня. Для 16—18-летних она не должна быть больше, чем 6 часов (36 в неделю), для 14—16-летних — 4 часа (24 в неделю).

Добавлю, что работать учащийся может не только на каникулах, но и во время учебы, однако не более 3 и 2 (в зависимости от возраста) часов в день. Причем условия труда в учебное время весьма гибкие, вплоть до работы на дому и перерывов в дни напряженных учебных занятий.

Парус

ЗВОНИТЕ:

20-31-27 — отдел трудового воспитания и профориентации, отдел писем

20-27-08 — отдел комсомольской жизни, идейно-политического и нравственного воспитания

20-22-56 — отдел литературы и эстетического воспитания

20-41-30 — секретариат

ПИШИТЕ:

220600, г. Минск, ГСП,
ул. Короля, 12

Главный редактор Василий ДРАГОВЕЦ

Редакционная коллегия:

Геннадий БОЧАРОВ, Эдуард ДНЕПРОВ, Алексей ДУДАРЕВ, Виктор КОВАЛЕВ, Игорь КОН, Владимир КУДЛАШ, Нина КУРЗАНОВА, Олег МАНАЕВ, Валентин МАСЛЮКОВ, Борис ПАСТЕРНАК [зам. главного редактора], Валерий ПЛЮСКОВ [отв. секретарь], Александр ХАНДОГИН, Светлана ШИДЛОВСКАЯ, Ефим ШУР

Художественный редактор Валерий РУЛЬКОВ

Технический редактор Валентина ЖГУНЦОВА

Корректор Любовь БАИЧ

Издательство «Полымя» Государственного комитета Белорусской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Сдано в набор 15.03.89. Подписано к печати 28.04.89. АТ 05220. Формат 70×108¹/₁₆. Офсетная печать. Усл. печ. л. 5,6. Усл. кр.-отт. 15,05. Уч.-изд. л. 8,8. Зак. 106. Бумага офсетная № 1. Тираж 1 000 000 [1 завод 1—400 000 экз.]. Цена 30 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства ЦК КП Белоруссии.

Адрес: 220041, г. Минск, Ленинский проспект, 79

А

ДАТА

ВРЕМЯ

МОНО

СТЕРЕО

А**Б**

ДАТА

ВРЕМЯ

МОНО

СТЕРЕО

Рок делится на группы. Но эту рок-группу следует назвать сообществом — веселых и грустных, усталых и неутомимых талантливых людей. «Машине времени» 20 лет! В ней «проехало» 36 человек — далеко не все музыканты, но близкие по духу — до одного. За последние десять лет перемена была только на клавишах: вместо Подгорецкого — Зайцев. Вышли 4 альбома: «В добрый час!», «10 лет спустя», «Реки и мосты» (двойной), «В круге света», плюс сольный альбом Макаревича. Плюс — огромная любовь нескольких поколений слушателей и участников ее концертов. Так и напишем: статус — любимая группа Советского Союза.

Хочется сказать о «Машине» много, но где же тут уместиться. Хотя бы два слова о каждом музыканте. Что они делают в свободное время, что выбирают! Андрей Макаревич: горные лыжи и подводная охота. Александр Зайцев: чтение. Валерий Ефремов: теннис, автотралли. Александр Кутиков: музыка, музыка, музыка...

А

ДАТА

ВРЕМЯ

МОНО

СТЕРЕО

А**Б**

ДАТА

ВРЕМЯ

МОНО

СТЕРЕО

Танцующая или беснующаяся публика на рок-концертах — зрелище достаточно тривиальное. А вот зрителей, подпевающих артисту, увидишь не часто. На концертах Джоан Баэз (род. 9 января 1941 года в Нью-Йорке) зал подхватывает каждую песню.

Ее дебют состоялся ровно тридцать лет назад на фестивале народной песни в Ньюпорте. Хрупкая смуглокожая девушка с огромными темными глазами и распущенными по плечам черными волосами заворожила своим трепетным, прозрачным и одновременно сильным сопрано. Первоначально основу ее репертуара составляли народные песни: от старинных шотландских баллад до латиноамериканского фольклора. Однако уже через несколько лет Баэз наряду с Питом Сигером и Бобом Диланом стала инициатором превращения фолк-музыки в движение песен протеста, которое изменило лицо рока. «Поющая совесть Америки», Джоан на протяжении четверти века находится в первых рядах тех, кто борется за мир и социальный прогресс, против расовой дискриминации и загрязнения окружающей среды.

МАШИНА ВРЕМЕНИ

А

Б

А

Б